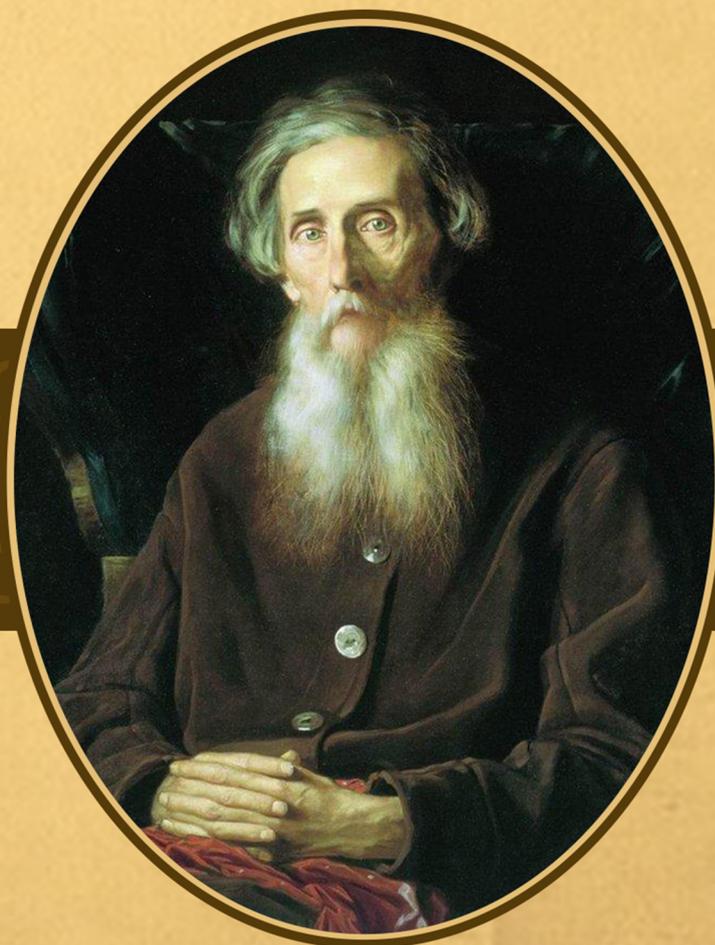


---

# Дали Даля

---

*Сборник статей по материалам Всероссийской  
(с международным участием)  
научно-практической конференции «Далевские чтения»,  
посвященной 220-летию со дня рождения В.И. Даля  
и Дням славянской письменности и культуры*



Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет  
Белгородское отделение Общества русской словесности  
во имя митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова)  
Луганский государственный университет имени Владимира Даля  
Нижегородский государственный лингвистический университет  
им. Н.А. Добролюбова

## Дали Даля

Сборник статей  
по материалам Всероссийской (с международным  
участием) научно-практической конференции  
«Далевские чтения»,  
посвященной 220-летию со дня рождения В.И. Даля  
и Дням славянской письменности и культуры

Белгород 2021

УДК 811.161.1\*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

Д 15

**Рецензенты:**

И.И. Чумак-Жунь, доктор фил. наук, профессор, зав. каф. рус. языка и рус.

лит-ры педагогического института НИУ «БелГУ» (Белгород)

В.И. Ковалев, канд. пед. наук, доцент ЛГУ им. Владимира Даля

(ЛНР, Луганск).

**Редакционная коллегия:**

ответственный редактор – Т.Ф. Новикова, доктор пед. наук;

члены ред. коллегии – Н.М. Голева, канд. фил. наук,

К.К. Ли, канд. фил. наук,

В.К. Харченко, доктор фил. наук

Д 15 **Дали Даля** : сборник статей Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции 20-21.05.2021 г. «Далевские чтения» / Отв. ред. д. пед. н. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2021. – 180 с.

ISBN 978-5-6046607-8-2

Издание представляет собой сборник статей и материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. «Далевские чтения» (20-21 мая 2021 года, Белгород, педагогический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета). В статьях авторов из разных регионов РФ (Москва, Белгород, Брянск, Орел, Нижний Новгород, Тула, Пенза, Рязань, Симферополь и др.), а также из Луганска, Казахстана, Узбекистана рассмотрены актуальные для современного этапа развития филологии культурологические, лексикографические и лингвометодические проблемы. Участники Далевских чтений обозначили роль В.И. Даля и его «Толкового словаря живого великорусского языка» в истории русской культуры, рассмотрели словарь как объект и инструмент филологического анализа, обратились к далевским традициям в филологических и историко-культурных исследованиях, к новым формам изучения наследия В. И. Даля в вузе и школе. Материалы сборника представляют интерес для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, школьных учителей, для всех, кто интересуется историей и современным состоянием русского языка.

УДК 811.161.1\*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

ISBN 978-5-6046607-8-2

© Авторы статей, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ «ДАЛИ ДАЛЯ» <i>Вместо предисловия. Информация о 1-х Далевских чтениях в Белгороде</i> .....	6
<b>Часть 1. СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ КАК ОБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА</b>	
<i>Алёшина Л.В.</i> РОЛЬ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКО- РУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА Н.С. ЛЕС- КОВА .....	10
<i>Атаманова Н.В.</i> ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА И В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ .....	14
<i>Голева Н.М.</i> ПОЭТИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫ- КА» В.И. ДАЛЯ .....	20
<i>Грачев М.А.</i> ПАТРИОТИЗМ ВЗГЛЯДОВ И ПОСТУПКОВ В.И. ДАЛЯ .....	24
<i>Дёмичева В.В.</i> ФЕМИНАТИВЫ «БАБА» И «ЖЕНА» В «ТОЛКО- ВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) .....	28
<i>Еременко О.И.</i> ЯВЛЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНОЙ СИНОНИМИИ В СФЕРЕ ФЕМИНАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ XIX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКО- РУССКОГО ЯЗЫКА» В.И.ДАЛЯ) .....	33
<i>Жиленкова И.И.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА И СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ .....	39
<i>Илюкина Л.В.</i> РЯЗАНСКАЯ ПИЩЕВАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ .....	42
<i>Кошарная С.А.</i> «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУС- СКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН .....	47
<i>Ли К.К., Лукьянова А.Н.</i> ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВ- СТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ.....	52
<i>Мальцева Г.Ю., Черемохина Д.А.</i> КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ЭТНО- ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ В.И. ДАЛЯ) .....	56
<i>Озерова Е.Г.</i> СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И СИМВОЛЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ .....	61
<i>Петров А.В.</i> ИНФОРМАЦИЯ О КРЫМЕ В СЛОВАРЕ В. ДАЛЯ .....	64
<i>Половнева М.В., Заманова И.Ф.</i> ТВОРЧЕСТВО В.И. ДАЛЯ В ОЦЕНКЕ В.Г. БЕЛИНСКОГО .....	67
<i>Проненко В.М.</i> ПИСАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ В.И. ДАЛЯ (КАЗАКА ЛУ- ГАНСКОГО) .....	73

<i>Родионова И. Г.</i> ПРИШЛО СЧАСТЬЕ, ХОТЬ В КОЛОКОЛА ЗВОНИ: ОБ ОДНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ ГИПЕРБОЛИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ПОСЛОВИЦАХ, СОБРАННЫХ В.И. ДАЛЕМ .....	77
<i>Сердечная Н. В.</i> «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ В ФОНДАХ БЕЛГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ .....	82
<i>Сулейманова С.Р., науч.рук. – Петров А.В.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА В.И. ДАЛЯ «БЕГЛЯНКА» .....	86
<i>Харченко В.К.</i> ПАССИОНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В.И. ДАЛЯ .....	90

## **Часть 2. ТРАДИЦИИ В.И. ДАЛЯ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ОПЫТАХ**

<i>Адолина А.А. науч. рук. – Демичева В.В.</i> «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» КАК ЦЕННОЕ СПРАВОЧНОЕ ПОСОБИЕ .....	95
<i>Бобоходжаева А.Л., науч. рук. – Новикова Т.Ф.</i> ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА <i>КАЗАК</i> В РАЗНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКАХ .....	98
<i>Еременко О.И., Горохова А.М.</i> ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ .....	101
<i>Канакина Г. И., Гурьянова Л. Б.</i> НАСЛЕДИЕ В. И. ДАЛЯ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА .....	106
<i>Красовская Н.А.</i> ВОЗМОЖНОСТЬ СОСТАВЛЕНИЯ УЗКОЛОКАЛЬНОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ .....	112
<i>Мигаль Р.А.</i> ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.И. ДАЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ .....	116
<i>Михайлова А.И., науч. рук. – Кошарная С.А.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале стихотворения Ланы Яснковой) .....	121
<i>Невзорова Н.П., Стручалина Г.В.</i> ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ В.Я. ЕРОШЕНКО («Зимняя сказка») .....	126
<i>Нередкова С.С.</i> ДАЛЕВСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ АКТУАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ НА МАЛОЙ РОДИНЕ КАЗАКА ЛУГАНСКОГО .....	134
<i>Новикова Т.Ф.</i> ЗАВЕТ В.И.ДАЛЯ – «ПОДОРОЖИТЬ НАРОДНЫМ ЯЗЫКОМ» .....	137
<i>Пащикова Г.И.</i> НОВЫЕ МОДЕЛИ ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ В.И. ДАЛЯ .....	141

<i>Петрашова А.О., науч. рук. – Новикова Т.Ф.</i> СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ .....	146
<i>Саввина С.В., науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.</i> РОЛЬ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ ПРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТОВ НАРОДНЫХ ЗАГОВОРОВ .....	150
<i>Сова Ю. А., науч. рук. – Петров А. В.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «МОСКВА» И «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА В. И. ДАЛЯ» .....	153
<i>Сорокина И. Т.</i> ОСОЗНАНИЕ СЛОВА. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ОГЭ И ЕГЭ .....	158
<i>Токарев Г.В.</i> СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИКИ КВАЗИСИМВОЛА .....	162
<i>Чистов В.В.</i> НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ В ОПРЕДЕЛЁННОМ СОЦИУМЕ .....	165
<i>Шаповалова А.Э., науч. рук. – Новикова Т.Ф.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСВОЕНИИ ИНОСТРАНЦАМИ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ .....	170
<i>Яковлева Т.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В. И. ДАЛЯ) .....	173

## НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ «ДАЛИ ДАЛЯ»

### *Вместо предисловия. Информация о 1-х Далевских чтениях в Белгороде*

Люди, любящие русский язык и осознающие роль Владимира Ивановича Даля в сохранении «живого великорусского» языка, в 2021 году отмечают 220-летие со дня рождения знаменитого лексикографа, выдающего деятеля русской культуры, настоящего гражданина и патриота России. В связи с этой важной датой в школах и вузах, в библиотеках и музеях организуются и еще будут организовываться тематические мероприятия и проекты.

20-21 мая 2021 года на историко-филологическом факультете Белгородского национального исследовательского университета состоялась Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Далевские чтения» («Дали Даля»), посвященная славной дате В.И. Даля и приуроченная к традиционным майским Дням славянской письменности и культуры.

В число организаторов этого впервые организуемого в Белгороде научного мероприятия, помимо педагогического института НИУ «БелГУ», входили региональное отделение Общества русской словесности во имя митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), а также Луганский государственный университет им. В.И. Даля и Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, что позволило достичь одну из запланированных целей – создание межвузовского пространства для конструктивного обсуждения лексикографических проблем и вопросов развития идей В.И. Даля в современном русском лингвокультурном пространстве.

В качестве основных целей конференции в первую очередь рассматривались популяризация и актуализация имени и творчества В.И. Даля в год 220-летия со дня его рождения, определение перспективных направлений исследований по заявленной чтением проблематике, развитие творческого потенциала и профессиональных компетенций начинающих филологов и будущих учителей русского языка.

В течение 2-х дней в режиме живого общения и в онлайн-формате в обсуждении поднятых проблем приняли ученые из Москвы, Нижнего Новгорода, Луганска, Брянска, Пензы, Орла, Тулы, Рязани, Симферополя, Сыктывкара, из республик Казахстан и Узбекистан.

На 2-х пленарных заседаниях и в ходе работы на 4-х секциях, а именно:

1. Роль В.И. Даля и его Толкового словаря в истории русской культуры.
2. Словарь В.И. Даля как объект и инструмент филологического анализа.
3. Традиции В.И. Даля в филологических и историко-культурных исследованиях.
4. Актуальные проблемы изучения наследия В. И. Даля в вузе и школе – выступило более 60 участников, среди которых были и известные филологи,

доктора и кандидаты наук, и школьные учителя, и начинающие исследователи языка: аспиранты, магистранты и студенты.

В числе первых лекторов к участникам чтений обратился Генеральный директор общественного Фонда «Наследие творчества В.И. Даля», автор книг о выдающемся лексикографе, доктор филологических наук **М.А. Грачёв** (Нижний Новгород). В своем выступлении он подчеркнул патриотизм взглядов и поступков В.И. Даля, его твердую гражданскую позицию. Доктор филологических наук **В. К. Харченко** нашла убедительные доказательства пассионарному потенциалу личности В.И. Даля, проявившемуся в его влиянии не только на современников, но и потомков. **В.И. Ковалёв**, кандидат педагогических наук из Луганского университета им. Владимира Даля, обозначил далевские традиции в научно-креативных проектах луганских студентов – земляков знаменитого ученого. **А.В. Петров**, доктор филологических наук, профессор КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь) показал, какая информация о Крыме имеется в знаменитом словаре. **В.В. Чистов**, доцент Международного университет Silkway (Казахстан), обратился к этнокультурной специфике пословичного фонда Даля и его среднеазиатских последователей. **Т.Ф. Новикова**, профессор, НИУ «БелГУ» (Белгород) напомнила важнейший завет Даля потомкам – «подорожить народным языком» и привела примеры бережного отношения к народному языку современников.

Естественно, активнее всех на Далевской конференции были белгородские филологи; их доклады были интересны и разнообразны по проблематике. Заведующая кафедрой русского языка и русской литературы, доктор филологических наук **И.И. Чумак-Жунь** представила В.И. Даля как друга и соратника Пушкина, автора «Воспоминаний о Пушкине», назвав свой доклад образно и ярко – «Алмазные искры»; доктора филологических наук **С.А. Кошарная** и **Е.Г. Озерова** показали «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как лингвокультурный феномен и как источник русского искусства; кандидат филологических наук, заместитель директора пединститута **М. В. Половнева** представила творчество и деятельность Даля в оценке В.Г. Белинского и других известных людей XIX века.

Как видим, в центре внимания неизменно был знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» словарь В.И. Даля – и как объект исследования, и как инструмент, как своего рода матрица филологического анализа явлений современного русского языка, классической литературы и текстов нашего времени. Примеры этого ракурса исследований: кандидат филологических наук **Н.М. Голева** (Белгород) показала поэтику лексикографического текста в словаре Даля; кандидат филологических наук **В.В. Демичева** (Белгород) обратилась к анализу феминативов «баба» и «жена» в словаре В.И. Даля; **Н.А. Красовская**, доктор филологических наук из ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула), продемонстрировала возможность составления узлокального диалектного словаря в современных условиях; **С.С. Нередкова**, кандидат филологических наук, преподаватель ЛГУ им. Вл. Даля (Луганск),

предложила далевскую методологию исследования окружающей речевой среды; кандидат филологических наук, НИУ «БелГУ» (Белгород), **И.И. Жиленкова** сделала анализ региональной топонимики с опорой на словарь В.И. Даля; **Л.В. Илюкина**, кандидат филологических наук, учитель из Рязани, систематизировала рязанскую пищевую лексику в словаре В.И. Даля.

Участники конференции активно обращались к литературным текстам писателя и фольклориста Даля, к произведениям других русских писателей. **Л.В. Алёшина**, доктор филологических наук, ОГУ им. И.С. Тургенева (Орёл), показала роль «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля в изучении языка Н.С. Лескова; кандидат филологических наук, БГУ им. акад. И.Г. Петровского (Брянск), **Н.В. Атаманова** сравнила звукообозначения в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева и в словаре В.И. Даля; кандидат филологических наук **К.К. Ли** увидела отражение национальных нравственных ориентиров в «Пословицах русского народа» В.И. Даля; **И.Г. Родионова**, кандидат филологических наук, ПГУ (Пенза), обратилась к уникальной далевской фразеологии; молодые ученые НИУ «БелГУ» **Г.Ю. Мальцева** и **Д.А. Черемохина** рассмотрели на материале пословиц В.И. Даля одну из важнейших констант лингвокультуры – концепт «Жизнь» – в русской этноязыковой картине мира.

Широко рассматривались актуальные дидактические и лингвометодические проблемы изучения наследия В.И. Даля в вузе и школе. **Г.И. Канакина** и **Л.Б. Гурьянова**, ученые-методисты из ПГУ (Пенза), обозначили роль наследия В.И. Даля в подготовке современного учителя-словесника; кандидат педагогических наук **Г.И. Пашкова** (НИУ «БелГУ», Белгород) представила и ярко проиллюстрировала новые модели внеурочной деятельности по русскому языку при изучении наследия Даля; кандидат педагогических наук **Т.В. Яковлева** обозначила востребованные современной практикой обучения пути и методы формирования лексикографической компетенции младших школьников на материале словаря В.И. Даля; школьный учитель **И.Т. Сорокина** (МОУ «Майская гимназия», Белгородская обл.) назвала свой доклад «Осознание слова» и показала в нем, как можно использовать словарь Даля при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ, а ее коллеги **В.М.Проненко** и **Р.А.Мигаль** обратились к общим проблемам изучения лингвистического и литературного наследия Даля в современной школе; аспирант НИУ «БелГУ» **А.Э. Шаповалова** продемонстрировала возможности инновационных технологий при освоении иностранцами слов и понятий из Толкового словаря В.И. Даля.

«Дали Даля действительно неоглядны и неисчерпаемы. В докладах маститых и начинающих языковедов были рассмотрены самые различные стороны личности и деятельности знаменитого собирателя и охранителя русского языка – и все-таки еще больше осталось «за кадром». Имя Даля объединяет писателей, историков, филологов, культурологов, библиотекарей, учителей, медиков, краеведов, исследователей из разных городов России, из ближ-

него и дальнего зарубежья. У наших Далевских чтений большие перспективы», – констатировали участники, подводя итоги научного форума.

В рамках Далевских чтений также состоялся творческий конкурс для студентов и школьников по трем рубрикам: «Слово о слове», «Ты и твоё имя», «Имя дома твоего». Участники творческих конкурсов должны были представить в коротком (5-7 минут) видеоролике яркую, запоминающуюся информацию об одном из слов русского языка. В творческих мероприятиях принимали **учащиеся 6-11 классов школ, студенты ссузов и вузов**. Исследовательские работы «Ты и твоё имя» / «Имя дома твоего» представлялись в виде презентации в формате Power Point и лаконичного (1-2страницы) пояснительного текста к представленному в слайдах материалу. Было заявлено более 30 интереснейших видеофрагментов: например, ученица гимназии №3 г. Белгорода **Доронина Вероника** рассмотрела этимологию и историю такого известного всем, но содержащего свои тайны слова «Дерево»; студентка историко-филологического факультета НИУ «БелГУ» **Музалева Ольга** полюбовалась ласковым словом «Ласточка», а ее однокурсник **Провоторов Вячеслав** задумался над привычными словами «Облако» и «Погода»; курсанты Московской академии МЧС России **Никита Пачулия** и **Герман Хибба** рассмотрели значения слова «Дом» в разных языках и культурах; студентки Пензенского государственного университета **Анна Макова** и **Ульяна Кукушкина** представили пензенские реалии и топонимы, опираясь на Далевский словарь и пословичный фонд.

Далевские чтения оставили яркий след в научной и творческой жизни историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета.

## Часть 1. СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ КАК ОБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА

*Алёшина Л.В.,  
д. фил. н., проф., ОГУ им. И.С. Тургенева, г. Орёл*

### РОЛЬ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА Н.С. ЛЕСКОВА

*Alyoshina L. V.  
Head of the Department of Theory and Methodology  
of Primary General Education,  
Orel State University*

#### THE ROLE OF THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE” IN THE STUDY OF THE LANGUAGE OF N.S. LESKOV

**Аннотация.** Работа над словарём новообразований Н.С. Лескова потребовала постоянного обращения к труду В.И. Даля. На этапе составления словника сверка со словарём позволила очертить круг лесковских новообразований. Дефиниции инноваций содержат мотивирующее слово, зачастую это диалектные, просторечные, устаревшие слова, зафиксированные Далем. Если у новообразования есть синоним или омоним, представленный в словаре Даля, сведения об этом даются в зоне, отражающей системные связи заголовочного слова.

**Summary.** The work on the dictionary of neoplasms by N. S. Leskov required constant reference to the work of V. I. Dahl. At the stage of compiling the dictionary, checking with the dictionary allowed us to outline the circle of Leskov neoplasms. Definitions of innovation contain a motivating word, often dialectal, colloquial, outdated words recorded by Dahl. If the neoplasm has a synonym or homonym that is presented in the Dahl dictionary, information about it is given in the zone that reflects the system connections of the title word.

**Ключевые слова:** словарь В.И. Даля, диалектизмы, просторечные слова, историзмы, архаизмы, Н.С. Лесков, новообразования.

**Key words:** dictionary of V.I. Dahl, dialectisms, colloquial words, historisms, archaisms, N.S. Leskov, new formations.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля – явление, бесспорно, беспрецедентное, имеющее, по словам В.В. Виноградова, непреходящее значение [Виноградов 1977: 229]. Интерес к этому феномену со стороны лингвистов, литературоведов, диалектологов, культурологов, этнологов не угасает. Прежде всего, обусловлено это тем, что перед нами уникальный лексикографический труд, «сложное, многомерное образование, допускающее различные подходы к его изучению» [Мухина 2012: 278]. Вместе с тем это «первый опыт создания словаря недифференциального типа, т.е. в нем нашла отражение как собственно диалектная, так и общенародная лексика, что полностью отвечало духу его времени, времени поисков и выработки

основ и норм общенационального языка» [Вендина 2001: 15]. Поэтому лексикографический труд В.И. Даля ценен и как объект исследования, и как источник самой разной информации, в частности, для тех, кто изучает язык писателей XIX века.

При работе над словарём новообразований Н.С. Лескова мы постоянно обращались к «Толковому словарю живого великорусского языка», начиная с составления словника. Решая вопрос о включении в словник той или иной лексемы, мы сверялись со словарями разных типов, изданными в XVIII-XX вв., но при этом начинали именно со словаря Даля. Так, слова *летатель*, *загребистый*, *равнодушествовать*, *врачевство*, *срамность*, *заумничаться* и мн. др., включенные в первичный список, не вошли в словник, т.к. они зафиксированы у Даля. Отметим, что авторы ряда работ, посвящённых словотворчеству Лескова, без каких-либо оговорок, комментариев в качестве примеров лесковских новообразований рассматривают слова, которые представлены в словаре Даля: *невер*, *скоромь*, *шатость*, *добрость*, *болтовство*, *прямызна* [Хохлачева 1962]; *боготворный*, *казаковатый*, *колобродник*, *оевропейтись*, *перетемнить* и др. [Николина 1995], что считаем недопустимым.

Однако и после того, как словник был составлен, обращение к словарю В.И. Даля не потеряло актуальности. Разрабатывая словарные дефиниции, мы стремились как можно точнее раскрыть смысл каждой словоформы, что обусловлено спецификой словаря авторских новообразований [Алешина 2013]. Для этого дефиниция должна содержать мотивирующее слово, что даёт возможность выявить мотивировочный признак и с максимальной долей вероятности восстановить ход мыслительного процесса, результатом которого стало рождение новообразования. При этом мотивирующими могут быть не только общеупотребительные слова литературного языка, но и слова диалектные, просторечные, а также устаревшая лексика. Поэтому нередко мотивирующее слово также требует пояснений. И в этих случаях зачастую на помощь приходил В.И. Даль, сохранивший, как справедливо отмечает Т.И. Вендина, «для нас те диалектные особенности русского языка, которые в силу естественных языковых процессов оказались сегодня полностью или частично утрачены» [Вендина 2001: 15] (заметим, что В.И. Даль сохранил для потомков не только многие диалектизмы, но и лексемы, характерные для городского просторечия, профессионализмы, историзмы и архаизмы).

Так, мы сочли целесообразным дать в зоне дополнительных сведений информацию о ряде диалектизмов (*замашки* ‘бесплодная (мужская, пыльниковая) конопля... (ряз. тул. орл.)’; *кликать* ‘вологодск. перм. выкликать, кричать дико и ругаться, в болезни кликуш’; *суютный* ‘кур. уютный, мирный’; *плетуха* (*плетюха*) ‘сев. большая, высокая корзина, из прутьев или сосновой драни’ и др.), профессионализмов (*штуковать* сукно, набирать и сшивать из кусков, и вообще сшивать или штопать, чтобы не было видно. *Штукованье*, *штуковка*, действие по гл.’; *разновес* ‘гири мелкого весу, от фунта и ниже’ и др.), историзмов (*титуловать* ‘называть почетным званием, величать, чествовать по сану’; *титулованье* ‘действ. по гл. величанье’; *лобанчик* ‘французский золотой, на ко-

тором изображена голова»; *троечник* ‘ямщик, извозчик на тройке’ и др.), архаизмов (*гиль* ‘стар. вздор, чепуха, чушь, бессмыслица, нелепица, дичь’; *шепотник* ‘клеветник, ябедник, и вообще наушник’ и др.).

Семантическая структура отдельных новообразований строится на базе устаревших значений слова. Например, дефиниция инновации АНТИЧНИК ‘букинист, торгующий старинными, античными книгами’ была сформулирована нами с учетом значения ‘древний, особенно о предметах художественных’, отмеченного В.И. Далем у прилагательного *античный*.

Мотивирующие слова, потребовавшие пояснения путём отсылки к словарю Даля, относятся к ряду тематических групп. Назовём основные из них.

Тематическая группа (ТГ) «Трудовая деятельность» представлена наименованиями лица по должности, профессиональной деятельности: *мелочник* ‘мелочной торговец’; *грум* ‘ездок, ездовой; конный прислужник, стремянный’; *будочник* ‘городовой страж, полицейский нижний чин, живущий в городской полицейской будке’; *домоправитель* ‘управляющий домом, делами, либо хозяйством’; *исправник* ‘начальник уездной полиции, председатель земского суда’ и др.

ТГ «Внешний облик человека»: *бровистый* ‘густобровый’; *волохатый* ‘косматый, мохнатый, кудлатый, всклоченый’; *растопыря* ‘разиня, разгильдяй, рохля, ротозей, с неуклюжею и валкою походкой, с растопыркой ног и рук’ и др.

ТГ «Физическое состояние человека»: *лишаеватый* ‘о человеке, на котором есть лишаи’; *изморок*, *изморыш*, *заморыш* ‘заморенный человек или животное’ и др.

ТГ «Характер, образ жизни человека»: *буфон* ‘шутник, шут, забавный ломака’; *плакута* ‘плаксивый человек, ребенок, слезливый, склонный к вытью и плачу’; *пустосмешка* ‘зубоскал, пересмешник’; *сообщительный* ‘беседливый, разговорчивый, словоохотливый’; *злообычный* ‘злонравный; у кого злой, дурной обычай, привычки; к сему относящийся’; *слюбчивый* ‘неразборчивый и влюбчивый, кто легко и скоро слюбляется’; *чечётка* ‘болтливая женщина, тараторка, таранта’; *верченый* ‘ветренный, вертопрах, непостоянный’; *сидень* ‘кто много сидит, ведет сидячую жизнь’ и др.

ТГ «Поведение человека»: *беспечить* ‘обеспечивать, покоить, давать кому в чем ручательство, укреплять’; *ожидатель* ‘ждуший, ожидающий чего’; *контрывать* ‘с кем, делать взаимно все наперекор, споровать’; *лотошить* ‘торопить, -ся, спешить и суетиться. <math>\diamond</math> суетиться, хлопотать попусту’; *пудрить* ‘погонять, пожурить, дать нагоняя, напрягая’; *суетить* ‘торопить, погонять, бестолково и беспорядочно требовать всего вдруг, гонять попусту взад и вперед, приказывать и отказывать в нетерпенье’; *перевертень* ‘человек, внезапно изменивший понятия, убежденья свои; переметчик’ и др.

ТГ «Предметы обихода, артефакты»: *базарщина* – ‘плохая работа, непрочная вещь, годная только для дешевого сбыта на базаре’; *вздёржка* ‘об. дейст. по гл.; *вздёржка* и самый предмет’: *плетушка* (*плетюшка*) ‘малая ручная корзина’; *плетуха* (*плетюха*) ‘сев. большая, высокая корзина, из пру-

тьев или сосновой драни»; *подрез* ‘оковка санного полоза, железный, продольный прут’ и др.

ТГ «Одежда»: выпушка ‘опушка, оторочка’; *пестре(я)дь*, *пестредина* ‘пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая, более синеполосая; идет на шаровары, рабочие халаты, тюфяки и пр.’.

ТГ «Еда»: *пеклеванник* ‘испеченный из пеклеванки... из пеклеванной муки, ситной и чистой ржаной’.

Индивидуально-авторские новообразования могут вступать в синонимические, реже в антонимические, омонимические, паронимические отношения с узуальными словами, что мы посчитали необходимым отразить в словарной статье. При работе с наследием писателя, творившего во второй половине XIX в., нужно было учитывать лексические единицы, имевшие хождение в языке XIX и даже XVIII в.. Выявление парадигматических связей также начиналось с обращения к словарю В.И. Даля.

Многие лесковские новообразования имеют узуальные синонимы. Так, в зоне словарной статьи, отражающей системные связи заголовочного слова, представлены синонимы инноваций БЕЗОТХОДИТЕЛЬНЫЙ (*безотходный* ‘безотступный, безотлучный, никуда не отходящий, не удаляющийся’), БЕСПОНЯТЛИВОСТЬ (*беспонятность* ‘тупоумие’), БУДАРЬ (*будочник* ‘городовой страж, полицейский нижний чин, живущий в городской полицейской будке’), ДОМОГЛЯДЕЛЕЦ (*домоправитель* ‘управляющий домом, делами, либо хозяйством’), КАРТИННИЧАТЬ (*картиниться* ‘рисоваться, хорошиться, казаться, казатиться, выставлять себя напоказ, принимая картинные положения’), ПОМОГАЙ (*помогатель* ‘кто помогает лицу или делу’), СБЛИЗУ (*сблизка* ‘в близком расстоянии’), СТРОПСТВОВАТЬ (*строптивничать* ‘упорно противиться власти’; *строптивить* ‘становиться строптивым’) и др.

Встретились единичные случаи омонимии с лексемами, зафиксированными В.И. Далем: КУЧМА – Искажённое куча (~ ср. с омонимом *кучма* ‘вислоухая меховая шапка, поповская зимняя шапка, малахай. *Кучма* об. смол. растрепанная, косматый, нечеса’); ПЕРЕЛОБАНИВАТЬ – Перекладывать лобанчики с места на место (~ ср. *перелобанивать* ‘бить по лбу’); ПУДРОМАНТЕЛЬ – Строгий выговор, нагоняй <> (~ ср. *пудромантель* ‘род накидки, полотняного плаща, рубашки, которую надевали, пудрясь’); СОУСНИК – Тот, кто предпочитает простой русской пище разносолы, в том числе соусы (~ ср. *соусник* ‘посудина для подачи соуса на стол’); ЯРЬ – Девушка, у которой ярый характер (~ ср. ‘ярь, ярость, лютость, свирепость’).

На всех этапах работы над словарём индивидуально-авторских новообразований Н.С. Лескова мы обращались к различным лексикографическим изданиям (список словарей насчитывает 59 единиц), но основным источником лингвистической, а в ряде случаев и экстралингвистической информации для нас был «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля – незаменимый помощник в изучении языка Н.С. Лескова, для которого этот словарь являлся настольной книгой.

### Литература и источники

1. Алешина Л.В. Особенности макроструктуры словаря авторских новообразований Н.С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013, № 2 (52). – С. 123-129.
2. Вендина Т.И. В.И. Даль: взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. – 2001, № 3. – С.13-21.
3. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 206-242.
4. Мухина Е.А. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словарь Академии Российской»: проблема художественности // Мир науки, культуры, образования. – 2012, № 2 (33). – С. 278-282.
5. Николина Н.Д. Типы и функции новообразований в прозе Н.С. Лескова // Русский язык в школе. – 1995, № 2. – С. 79-87.
6. Фаресов А.И. Н.С. Лесков о языке своих произведений // Литературное приложение к журналу «Нива». – № 10. – 1897 с.
7. Хохлачева В.Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. (имена существительные) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т.V. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 166-182.
8. Шарандин А.Л. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и современная лексикография // Филологическая регионалистика. – 2011, № 2. – С. 53-58.

*Атаманова Н.В.,*

*канд. фил. н., доц., БГУ им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск*

### **ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА И В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ**

*Atamanova Natalya V.*

*Associate Professor of Russian language Department, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Academician I. G. Petrovski University»*

### **SOUND IMAGES IN THE POETIC IDIOLECT OF F. I. TYUTCHEV AND IN THE DICTIONARY OF V. I. DAHL**

**Аннотация.** В статье проводится исследование семантики слов-звукообозначений с базовым компонентом «долгие, длительные, протяжные звуки» на примере поэтических контекстов Ф. И. Тютчева и лексикографического материала, представленного в Словаре В. И. Даля. Лексико-семантический и лексикографический анализ звукообозначений позволяет утверждать, что в поэтическом тексте используются общеизвестные звуки в узком толковании, наделенные дополнительными индивидуально-авторскими смыслами. Словарь В. И. Даля обогащает представление о звуке: под пером умелого собирателя примет русской народной жизни, этнографа и лексикографа звукообозначения выступают своеобразными выразителем духовности, а в лингвистическом плане служат базой для создания новых синонимических и словообразовательных рядов.

**Summary.** The article examines the semantics of sound images with the basic component «long, lingering sounds» on the example of the poetic contexts of F. I. Tyutchev and lexicographic material presented in the Dictionary of V. I. Dahl. The lexico-semantic and lexicograph-

ic analysis of sound sound images makes it possible to assert that the poetic text uses well-known sounds in the usual interpretation, endowed with additional individual author's meanings. Dictionary of V. I. Dahl enriches the idea of sound: under the pen of a skilled collector of Russian folk life, ethnographer and lexicographer, sound images act as a kind of expression of spirituality, and in linguistic terms they serve as a basis for creating new synonymic and word-forming series.

**Ключевые слова:** звукообозначения, поэтический текст, словарь, лексикографический анализ, Тютчев, Даль.

**Key words:** sound images, poetic text, dictionary, lexicographic analysis, Tyutchev, Dahl.

Исследования, посвященные анализу лексики звучания в языке [Горбаневская 1985, Пархоменко 2000, Попова 2002], а также лексико-семантическое изучение звукообраза в поэтическом тексте Ф.И. Тютчева [Атаманова 2012] позволили выделить принципы организации и классификации слов-звукообозначений. В качестве таких принципов выделяют обычно «источник звука» (звуки, издаваемые / производимые человеком, звуки животных, звуки артефактов, звуки природы), «характер звук» (интенсивность, долгота / длительность, высота, тембр) и «восприятие звука» (производимое звуком впечатление), в основе которых лежит отчасти и представление о звуке как о физическом явлении, обладающем набором обязательных характеристик (например, интенсивность, долгота, высота, тембр). Среди частотных как в узуальном, так и в индивидуально-авторском употреблении отмечаются звукообозначения *звук, крик, вой, вопль, гам, клик, стон, говор, голос, глас, речь, рыканье, стенанье, лай, трезвон, свист, щелетанье, гвалт, песнь, писк, шелест, шорох, лепет, шум, гул, рев, визг, треск, грохот, звон, бой* и многочисленные образованные от них дериваты глагольного и адъективного слово- и формообразования.

Рассмотрим примеры лексикографической интерпретации звукообозначений в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева и в Словаре В.И. Даля, репрезентирующих в семантике семы 'длительность', 'долгота', 'интенсивность', 'протяжность' звука.

Отметим, что лексемой *звук* В.И. Даль обозначает 'все, что слышит ухо, что доходит до слуха' [Даль 2005: I, 672]. Подобное обобщенное толкование объясняет тот факт, что звуком может именоваться любое звуковое ощущение, как различаемое, так и не различаемое человеческим ухом отдельное звучание. Особый интерес представляет лексикографическая фиксация В.И. Далем необычных для современного употребления номинаций с корневой морфемой *звук*. Так, помимо привычной глагольной лексемы *звучать* в словарной статье отмечен ее вариант *звукнуть* в значении 'издавать, производить гул, звук, звон', а также не менее интересные лексические образования *звукознание, звукословие* ('акустика, наука о звуках'), *звуконстроенные* ('лад, настрой звуков'), *звукосогласие* ('взаимная стройность звуков') [Даль 2005: I, 672]. К слову, Ф.И. Тютчев, новатор в области окказиональных образований, употребляет в поэтических контекстах лексему *звучно-ясный*

(голос), совмещающую в своей семантике собственно звуковой семантический признак ‘хорошо звучащий, звонкий’ и признак восприятия ‘хорошо слышимый, воспринимаемый’ [Атаманова 2012: 112] (ср. уникальные в семантическом плане тютчевские окказиональные сочетания *сладкогласны песни, сладкопевный гений, разноголосные крики, громокипящий кубок* [Атаманова 2012: 73]).

Итак, к звукообозначениям, иллюстрирующим семантические компоненты ‘долгота’, ‘длительность’, ‘интенсивность’, ‘протяжность’ звука, относятся как собственно протяжные звуки (*стон, стонать, стенанье, стнящий, плач, оплакивать, плакать*), так и звуки с доминирующим компонентом ‘громкий, сильный’ (*вой, вопль, крик*). Следует отметить, что данные лексемы по своим семантическим признакам включаются в особую, выделяемую в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева группу звуков-эмоций.

Лексемы *стон* и *стенанье*, реализующие в современном русском языке значение ‘протяжный жалобный звук, издаваемый человеком при боли или при сильном горе’ [МАС 1984: IV, 274], различаются источником звука, что отмечено в Словаре В.И. Даля: ‘*стонать* более при телесной боли, *стенать* при душевной’ [Даль 2005: IV, 322]. Несмотря на подобное разграничение, В.И. Даль связывает лексемы *стонать* и *стенать*, ставя их в один синонимический ряд со словами *охать, кряхтеть, болезненно вздыхать, плакать, тужить, горевать* [Даль 2005: IV, 329].

В поэтическом языке Ф.И. Тютчева таких разграничений в употреблении лексем не наблюдается. Например, в двух случаях из четырех функционирование лексемы *стон* непосредственно связано со сферой выражения душевных эмоций. Причем *стон* здесь может сохранять семантический признак ‘жалобный звук’, что непосредственно отражено в его синтагматике («*жалкий стон*» <374>, «*к одиноким стонам*» <373>) [Тютчев 1987], но может и необязательно быть связан с выражением жалобных звуков, как, например, в контексте стихотворения «С какою негою, с какою тоской влюбленный...» <134>, где *стон* означает ‘звук длительной протяженности’, издаваемый «от избытка чувств, от полноты сердечной» («*Стон замирал в устах...*» <134>). В таких контекстах стон всегда замирающий, слабеющий, утихающий: *стон замирал* <134>; *слабея, утихает он* <374>. Стоны, издаваемые природными объектами, например, морской волной, у Ф.И. Тютчева не только жалобные, но и *вещие*: «*Внятен мне и буйный ропот, Стоны вещице твои*» <200>.

В семантике лексем *стон* и *стенанье* в Словаре В.И. Даля эксплицируются семы ‘оханье’, ‘вздохи’, ‘плач’, ‘кручина’, ‘сокрушение’, причем, как свидетельствует иллюстративный материал, этот стон всегда болезненный (стоны больного, безутешной вдовы) или описывающий состояние стихийных объектов природного пространства (стон бури, морских волн) [Даль 2005: IV, 322; 329]. В. И. Даль расширяет словообразовательные возможности лексем с корневой морфемой *стон*, отмечая в словарной статье такие номинанты, как *стогнуть* (синоним к *стонать*), *стонанье, стонава* (синонимы

к *стенанье, стон*). *Стонателем* или *стонательницей* он называет охотника стонать, охать, тужить. Интересными кажутся и такие лексические примеры, как *стонотный* ‘всегда стонущий, стнящий, охохонец’; *стоноша* ‘охальщик, охохоня’ (синонимичное к *плакса, крикса, рева, нюня, хныря*) [Даль 2005: IV, 329].

В тютчевском поэтическом идиолекте в семантике лексемы *стенанье*, в отличие от лексемы *стон*, базовым является семантический компонент ‘глухой’. В одном случае *стенанье* – это глухой стон чудовищного зверя («*И в ту ж минуту страшный некий голос/ Из-под земли отвечает стенаньем*» <67>), в другом – глухие стенанья времени, т.е. оказываемое на человека давление времени («*Кто без тоски внимал из нас, Среди всемирного молчания, Глухие времени стенанья, Пророчески-прощальный глас*» <42>).

*Стонать* в тютчевских контекстах практически всегда означает ‘издавать стон’, особенно в том случае, если источником стона являются одушевленные существа («... *морская птица стонет...*» <35>) либо музыка – ‘гармонические орудия’ («*В них что-то стонет, что-то бьется...*» <329>) (здесь на звуковое значение наслаивается добавочный компонент ‘тяжело страдать’, т.е. ‘стонами передавать страдание’ [Голованевский 2009: 643]). Лексическую неоднозначность лексема приобретает в метафорических контекстах, где издаваемый звук-стон передан посредством незвукового объекта, например, в контексте «*Брег, зыблясь, стонет от его рыканья...*» <67> *стонать* – ‘колебаться’ и ‘передавать дикий звук, рев чудовищного зверя’, в контексте «*Когда ж в бору скрыпит и свищет буря, Ель-великан дерев соседних с треском Крушит в паденье ветви, глухо гул Встает окрест и, зыблясь, стонет холм...*» <89> *стонать* – ‘колебаться’ и ‘издавать шумные, гулкие звуки’.

В Словаре В.И. Даля толкование лексем часто представлено посредством синонимического способа. Так, *плакать*, по В.И. Далю, – ‘прослезиться, проливать слезы, реветь, выть, хныкать, визжать, слезно скорбить или умолять’ [Даль 2005: III, 119], причиной чего могут являться различные эмоциональные состояния, такие как боль, горе, грусть, тоска, скорбь, жалость или обрядовые традиции, например, можно ‘выть, причитать, голосить, по обычаю, по покойнику или на девичнике’. Будучи не только умелым лексикографом, но и великолепным этнографом, В.И. Даль, описывая процесс плача, отмечает, что ‘невеста должна плакать к каждому из родных и к каждой подруге особо, встречать и поминать плачем, припевами’. Причем процесс *плаканья* (плача) представляет собой обряд причитанья и по невесте, который длится в течение двух недель от сговора до девичника. Как подчеркивает В.И. Даль, плач – это жалобное песнопение, при котором ‘невеста не поет, а плачет, т.е. оплакивает свою девичью красоту, русу косу, волюшку, заступничество отца и холюшку матери, а после по ней плачут подруги, бранят сваху и даже жениха’. Отсюда *плачные напевы, плачевые песни* – это голоса свадебного плача, а сам плачущий именуется *плакателем, плакательницей* или

*плакушей* ('женщина, которая по найму воеет, плачет по покойнику или заводит, запекает плачи по невесте на девичнике, зная все причитанья и заплачки'), *плачугой*, *плаксой*, *плакутой*, *плаксихой* [Даль 2005: III, 119]. Таким образом, «ритуально-символический и институциональный, регламентирующий социальные отношения уровни обрядового плача» [Коньрева 2003: 9] получают выражение в мировидении В.И. Даля.

Семантика лексем *плач*, *плача*, *оплакивать*, *плакаться* в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева в общем не выходит за рамки словарной семантики. В значении лексемы *плач*, как и в Словаре В.И. Даля, акцентируются семы 'жалобный', 'жалостливый'. Усиление семантических признаков 'жалобный', 'протяжный' звук происходит за счет синтагматического контактирования с лексемой *вой* («... повсюду вой и плач...» <296>). Семантика глагольных лексем и их форм более размыта, звуковое значение выражается здесь дополнительными средствами обычно символического характера: *оплакивать* («Лишь изредка обряд печальный Свершая в полуночный час, Металла голос погребальный Порой оплакивает нас!» <42>) – 'звучать (о ночном однообразном бое часов)' и 'выражать скорбь'; *плача* («Голося и слезы лья, В горе общем и великом Плача о себе самих...» <179>, «Кто, освятив собой страданья, Стояла, плача, у креста» <270>) – 'издавать жалобные звуки со слезами, выражая ими горе, скорбь'.

Плакать, т.е. издавать жалобные, нечленораздельные голосовые звуки, выражающие горе, отмечается в семантике лексем *вой* ('громкий плач, вопль') и *вопл* ('очень громкий крик'). В Словаре В.И. Даля в семантике лексем актуализируется символическое обозначение воя как заунывного, протяжного плача в описанных выше обрядовых ситуациях, таких как причитание или плач по покойнику, плач невесты на девичнике или ее оплакивание подругами. В связи с этим В.И. Даль расширяет ряд родственных образований, включая в него такие лексические единицы, как *выть* ('действие по глаголу выть'), *вытьма* или *войма* ('воет сильно, во весь голос'), *вытнянка* ('девка мастерица выть, плакать по невесте'), *вычать* ('завывать по временам, скучая, как больной ребенок, как собака; скучать, стонать, визжать, всхлипывать') [Даль, 2005: II, 322]. Синонимами к слову *вопл* в Словаре оказываются *вопка*, *вопа*, *вопила*, *вопление*, а их словообразовательными дериватами *вопленный* ('соединенный с воплем, с криком, рыданием'), *вопливый* ('крикливый или плаксивый'), *вопудать* ('петь громко протяжные песни') [Даль 2005: I, 241].

Как видим, В.И. Даль нередко совмещает собственно звуковое и эмоциональное значение в семантике звукообозначений. Не исключением являются лексемы *плач*, *вой*, *вопл*, *крик*, которые он ставит в один синонимический ряд. Об этом свидетельствует и тот факт, что в дефиниции лексемы *выть* наблюдается смещение семантики в сторону антропоцентрического акцента. В Словаре единичны примеры, когда источником воя выступает природная стихия (ветер воеет, завывает) [Даль, 2005: I, 322]. В поэтическом иди-

олекте Ф.И. Тютчева, напротив, лексемы *вой* (*завыванье*), *вопл* чаще актуализируются при изображении стихийных сил природы («... вал морской С ревом, свистом, визгом, воем Бьет в утес береговой...» <143>; «Снова волны лезут с воем...» <143>). Однако нередки случаи реализации сферы живых существ, что снова позволяет сближать лексемы *вой*, *плач*, *крик* в один семантический ряд. *Вопль* ‘дикий, громкий, сильный плач’ («*Наши дикий вопль равнину оглашает!*» <67>, «*Вопль детский раздался, отчаян и дик...*» <114>), *вой* ‘протяжный, громкий вопль’ («... повсюду вой и плач...» <295>), *выть* ‘издать протяжный крик’ («*И на месяц волк завыл...*» <65>).

В поэтических контекстах Ф.И. Тютчева лексема *кричать* реализует два узуальных лексико-семантических варианта ‘издавать крик’ и ‘говорить громко’ («*Не в первый раз кричит петух; Кричит он живо, бодро, смело...*» <156>; «*И кричит он, и ликует, И кружится все над ней: Уж не кровь ли ворон чует Севастопольских вестей?*» <214>), которые нередко дополняются добавочными семантическими наслоениями символического и контекстуального характера. Так, с одной стороны, *кричать* одновременно ‘издавать крик’ и ‘символизировать криком то или иное событие’ (ср. *крик петуха* здесь – символ отречения России от веры, *крик ворона* – символ падения Севастополя во время Крымской войны), с другой, *кричать* – ‘говорить громко’ и ‘угрожать’.

В.И. Даль дополняет представление о *крике*, как о ‘громком сильном и резком звуке голоса; громком восклицании’ [БАС 1956: V, 1655], выделяя при глаголе *кричать* семы ‘звать, призывать кого’, ‘взывать от боли, печали, реветь, плакать, стонать громко, голосить’, расширяя тем самым семантический ряд [Даль 2005: II, 195]. В далевском Словаре встречаются однокоренные с лексемой *крик*, преимущественно диалектные образования *кричма кричат* (‘долго или во весь голос’), *крич* (‘клич, зов, оглашенье’), *кричка* (‘кликча, имя, как кого кликать, кричать или звать’), *кричной*, *криковой* (‘к крику относящийся’), *крично* (‘громко, гулко, звучно, зычно, звонко, голосисто’), *кричистый голос* (‘громкий, зычный’), *кричанки* (‘ауканье или взаимный переизыв по лесу’), *крикуша* (‘крикливый человек, кто много кричит’), *крикса* (‘плакса, рева, крикуша’) [Даль 2005: I, 195].

Исследование семантики звукообозначений на примере одной лексико-семантической группы позволяет утверждать, что использованные в поэзии Ф.И. Тютчева долгие, протяжные звуки, эксплицируя общезыковое значение, нередко наделяются дополнительными индивидуально-авторскими смысловыми наслоениями ввиду специфически тютчевского мировосприятия. В Словаре В.И. Даля – лингвиста, уверенного в высоких достоинствах русского языка и в безграничной способности его к совершенствованию, наблюдаем исключительные примеры звукообозначений, подкрепленные этнографическими фактами из русской жизни. Лексикографирование звукообозначений на примере поэтического текста и примет народной речи и быта может послужить фрагментом более глубокого исследования звуковой картины мира.

### Литература и источники

1. Атаманова Н. В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф. И. Тютчева. – Брянск: ООО «Ладомир», 2012. – 215 с.
2. Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – 808 с.
3. Горбаневская Г. В. Семантическое поле звучания в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 16 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык-Медиа, 2005.
5. Конырева И. В. Плач как феномен русской культуры: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Комсомольск-на-Амуре, 2003. – 24 с.
6. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1987. Цитаты из стихотворений Ф.И. Тютчева приводятся по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в косых скобках.
7. Словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. А. П. Евгеньевой / АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. (В тексте – МАС).
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / Под ред. В. И. Чернышёва. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. (В тексте – БАС).
9. Пархоменко И. В. Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте: На материале лирики С. А. Есенина и В. В. Маяковского: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2000. – 249 с.
10. Попова М. В. Функционально-семантическое поле «Звук» в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 155 с.

*Голева Н.М.,*

*к. фил. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### ПОЭТИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

*Goleva N.M.,*

*Candidate of Philology, Associate Professor,  
National Research University «BelGU», Belgorod*

### THE POETICS OF THE LEXICOGRAPHIC TEXT IN THE «INTERPRETING DICTIONARY OF THE LIVE GREATRUSSIAN LANGUAGE» V.I. DAHL

**Аннотация.** В статье рассматриваются средства, указывающие на поэтическую основу лексикографической статьи в словаре В.И. Даля. Среди таких средств анализируются стилистические пометы, синонимические ряды, этнографический материал, художественные зарисовки. Также нами обращается внимание на паремии, устойчивые сочетания слов, диминутивные формы.

**Ключевые слова:** стилистические пометы, синонимы, паремии, эстетический потенциал.

**Summary.** The article discusses the means indicating the poetic basis of the lexicographic article in the dictionary of V.I. Dahl. Among such tools, stylistic labels, synonymous series,

ethnographic material and artistic sketches are analyzed. We also draw attention to paremias, stable word combinations, diminutive forms.

**Key words:** stylistic marks, synonyms, paremias, aesthetic potential.

Поэтику мы рассматриваем как «совокупность художественно-эстетических и стилистических качеств, определяющих своеобразие того или иного явления литературы...» [БСЭ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/123225/>]. В нашем случае – поэтику словарной статьи «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как феномен речевых и структурных особенностей лексикографического текста. Поэтическое отношение к слову начинается уже в названии этого великого труда. «Живой язык» у В.И. Даля – это красивый, целостный, исторически сформировавшийся жизнеспособный язык, сохранивший красоту, народный дух, потому что «русские выражения и русский склад языка остались только в народе», с которым лексикограф беседовал, собирая материал для своего словаря [Даль 2008: 9]. В «Напутном слове» автор словаря прозорливо полагает, что «пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный» [Даль 2005: 7].

Словарная статья сопровождается стилистическими пометами:

– принадлежность лексемы к тому или иному языку (источник заимствования): *антре* – франц. (французское) вход, вступление [Даль 2005: 49]. Сам В.И. Даль писал, что указание на отечество чужих слов у него вообще непонятны и поверхностны [Даль 2005: 15];

– указание на социальные диалекты (профессиональная принадлежность): *жвака-галс* – морс. (морское) галс вообще снасть, которою тянется (сáдится) наветренный угол паруса; но с этим у жвака-галса нет ничего общего; это строп, толстая верёвка. Обносимая вокруг грот-мачты для крепы якорного каната [Даль 2005: 192]; а также жаргонные слова: *порошковая карта*, у шулеров;

– лексика терминологического характера (термины и номенклатурные понятия): *азимут* – астроном. (астрономическое); *апроша* – воен. (военное) ...ров, траншея;

– указание на территориальные диалекты (территориальная принадлежность): *зой* – арх. (архангельское) зык, вопль, крик, шум, гул, голк, вой, визг, рык [Даль 2005: 240];

– с точки зрения отношения к современному языку (отражаются процессы устаревания): *бурмитское зерно* – стар. (старинное) крупная, окатистая жемчужина [Даль 2005: 95];

– указание на неточность произношения/написания (искажение): *буровика* – искаж. боровика от бор, брусник(ц)а, брусена [Даль 2005: 95];

– указание на стилистическую маркированность слова: (бранное, простонародное, умалительное, уменьшительное, унижительное, увеличительное): *ховра* – в брани, неповоротливая, непонятливая женщина [Даль 2005: 652]; *архаровец* – простон. (простонародное) Полицейский сыщик. // Беспутный человек, отчаянная голова; оборванец... [Даль 2005: 52]; *банища* – уве-

лич.; *карточка* – умал. ...маленький отрезок, листочек с какою-либо надписью... [Даль 2006: 312]; *баранишко* – униз.; *баранище* – увелич.;

– указание на возрастные характеристики носителя языка (принадлежность лексем к детской речи): *жижа* – детск. огонь, свеча [Даль 2005: 199];

– указание эмоционально-экспрессивные оттенки: шуточ. (шуточное), ласкат. (ласкательное): *бабариха* – шуточн.; *бояринушко* и *боярынька* – ласкательное;

– слова-диминутивы (лексемы с суффиксами субъективной оценки): *коропузик*, *коропузишка*, *малёхонький*, *милостынька*, *парусец*, *парушишка*;

– относящееся к фольклору – песн. (песенное): *В чистом поле могила брынела*;

– этнографическое: *блинница* свдб. – девушка, приходящая к молодой на другой день свадьбы, с блинами [Даль 2006: 62];

– отмечаем и контаминированные пометы – бранно-ласкательное: *Ты разлапушка, расканальюшка моя!*

Русский язык богат синонимическими связями. Для толкования лексического значения слова автор словаря использует парадигмы синонимов, по его номинации, тождесловов. В таком ряду встречаются и полные синонимы, и идеографические, смысловые, и стилистические. Так, для объяснения значения слова *базанить* используется нейтральная, общеупотребительная лексема *кричать*, а также стилистически сниженные варианты *горланить*, *гаркать*. Лексема *благовеличие* трактуется при помощи полных синонимов *красивый* и *пригожий* (по отношению к внешности человека). При этом слово *пригожий* является устаревшим, а также относится к народно-поэтическим наименованиям. В другом же значении (о погоде) является разговорным: *день пригожий*. В толковых словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова словарная статья с этой лексемой имеет помету *обл.* (областное). Наличие таких помет указывает на стилистические синонимы. В этой же словарной статье, кроме названных тождесловов, синонимический ряд пополняет лексема *видный*. В данном случае имеем дело с идеографическими синонимами, которые отличаются оттенками в лексическом значении. Ср.: *рослый*, *статный*, *осанистый*, но не *красивый* (*нравящийся*).

Проследим, как в словаре толкуется прилагательное *конфиденциальная* (*беседа*): откровенная, по особой доверенности, неоглашаемая, задушевная. Сравним с современным толкованием: доверительный, секретный, где отсутствуют лексем *откровенная*, *задушевная*. Этимология и структура слова *задушевный* (*душа* – *дух*) подсказывают, что говорится о чём-то потаённом, о том, что спрятано в душе, за душой, личное, что нельзя разглашать. Синоним *откровенный* (от древнерусского *откровенъ*, то есть *открытый*) также уместен, так как предполагает открытость для кого-то одного; это искренний, чистосердечный, но значение *доступный для окружающих*, на наш взгляд, не подходит искомой лексеме *конфиденциальный*.

Обратимся к своеобразной эстетической категории – зарисовкам – в составе словарной статьи, которые являются экспрессивными, познавательными

ми, способствуют расширению лингвокультурологического кругозора. Автор словаря прибегает к ним тогда, когда синонимическая парадигма не даёт полного толкования слова. Успех далевских зарисовок объясняется умением адекватно подать материал, живостью, образностью, интересностью отобранных деталей. Вербально описанный образ выигрывает перед изобразительным (картинным) тем, что каждый после прочтения может представить образ по-своему, а видеообраз предлагает однозначную трактовку. Такой зарисовкой является в словарной статье к лексеме *белый* толкование однокоренной лексемы *беляна*, где даётся внешняя характеристика судну (плоскостонное, неуклюжее, самой грубой работы, несмоленая барка, развалистая, в ней нет ни одного гвоздя), указываются размеры (длина, ширина, грузоподъёмность), где строятся (Кама, Ветлуга) и как спускаются (по полноводью, с лесом, лыком, смолю...), какой парус (рогожный), чем заменено судно (пароходом с баржей). Частные сведения о предмете помогают воссоздать образ судна у читателя. В некоторых статьях лексикографический материал можно назвать художественными зарисовками. Например, так подаются слова *обезьяна* [Даль 2006: 423], *заломить* [Даль 2006: 261], *лес* [Даль 2006: 367], *изба* [Даль 2006: 290], *заяц* [Даль 2006: 276], *казак* [Даль 2006: 303], *колокол* [Даль 2006: 332] и др.

Для полноты характеристики значения слова В.И. Даль вводит в словарную статью паремии. Тематика их разнообразная: русский национальный характер (*Не пощадим за отечество живота своего*), труд (*Много трудился, а толку не добился*), межличностные отношения (*Мужик да собака на дворе, баба да кошка в избе*), характеристика русского человека (*Молодой растёт, старый горбится*) и т.п. Коннотация паремий может быть и мелиоративной (*Он служит верой и правдой*), и пейоративной (*Ранен в сражении: бутылкой голову раскроили*).

Наряду с паремиями, автор вводит в текст словарной статьи и народные поверья, приметы: *Кукушка за то без гнезда, что завила его на Благовещенье; Губы зудят – к поцелуям*.

Также читатель расширяет свой идиоматический кругозор: *кавардак в животе – боль, воркотня; кидать ружьём – делать приёмы; не кидайся на барыши – не жадничай; ключ к загадке – разгадка; концы хоронить – плутовать, обманывать; это какой-то бешбармак – дурно приготовленное кушанье, крошево; под куражом – выпил, навеселе*. Встречаются даже загадки: *У кого две кожи на ногах? – кто в сапогах; Два братца купаются, а третий насмехается – вёдра и коромысло; Маленький Афанасий травкой подпоясан – сноп*.

В словарной статье читатель знакомится с фольклорными и этнографическими элементами. Многие статьи представляют собой маленькие рассказы о русском народе: о труде крестьян и рабочих, о ремеслах, о промыслах, об орудиях труда и предметах обихода, о народных обычаях, поверьях, нравах – о жизни народа, которую всесторонне знал составитель словаря. Так, В.И. Даль при объяснении значения многих номинаций упоминает народные,

религиозные праздники: *Сергия-капустника*, *Кокуй* – праздник Купалы, Бабий праздник – День Жён Мироносиц, а также день рождения Богородицы 8 (21) сентября; *Благовещение* – праздник в воспоминание благовестия Пресвятой Деве, 25 марта (7 апреля); *Большая пречистая* – третий спас, день Успения Богородицы. Лексикографический материал позволяет всё узнать, например, о квасе: виды (медовый, клюквенный, грушевый, яблонный), из чего этот напиток готовится, кто его делает и кто им торгует, в каких помещениях, в какой посуде. В словарной статье представлены однокоренные слова не только с прямым, но и с переносным значением, а также паремии. Подробно описаны и такие лексемы этнографического характера, как *кокошник*, *коледа* (*коляда*), *айшан* и другие.

Многоаспектность, разноплановость, эстетический потенциал лексикографического материала позволяют сделать вывод о том, что «Словарь создает своеобразную модель мира, обладающую своими сюжетно-повествовательными особенностями...» [Байрамукова 2008: 12] и представляет собой продукт творческой деятельности.

#### Литература и источники

1. Байрамукова, А.И. Метапозтика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как толково-энциклопедического феномена: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2008. – 26 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 2005. – 700 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва, 2006. – 736 с.
4. Даль, В.И. Пословицы, поговорки и присловья русского народа. – Москва, 2008 – 896 с.
5. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/123225/>

**Грачев М.А.**

*д. фил. н., проф., НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород*

## ПАТРИОТИЗМ ВЗГЛЯДОВ И ПОСТУПКОВ В.И. ДАЛЯ

**Grachev M. A.**

*Doctor of Philology, Professor of the Nizhny Novgorod State Linguistic University  
named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod*

## PATRIOTISM OF V. I. DAHL'S VIEWS AND ACTIONS

**Аннотация:** В статье о патриотизме В.И. Даля автор заостряет внимание на его мировоззрении, главным в котором является отношение к русскому народу. В статье имеется много иллюстрирующих примеров, доказывающих его веру в Православие, любовь к русскому народу и преданность императору. Всё это подкрепляется его патриотическими

поступками, в том числе большой работой по созданию словаря и написанию художественных произведений.

**Summary:** In the article about the patriotism of V.I. Dahl. The author focuses on his worldview, the main thing in which is the attitude to the Russian people. The article contains many illustrative examples that prove his faith in Orthodoxy, love for the Russian people and loyalty to the emperor. All this is supported by his patriotic actions, including a lot of work on creating a dictionary and writing works of art.

**Ключевые слова:** патриот, нация, духовность, ополчение, армия, честный, исследователь, духовность.

**Key words:** patriot, nation, spirituality, militia, army, honest, researcher, spirituality.

Именно в Нижнем Новгороде, на родине Козьмы Минина, наиболее ярко проявились патриотические чувства В.И. Даля. Годы его жизни в Нижнем Новгороде (1849–1859) – переломное, драматическое время для страны: бунты, восстания, Крымская война, активизация революционных партий, подготовка к отмене крепостного права. Всех честных людей волновало будущее России.

Судьба послала испытание войной великому лексикографу: ведущие страны Западной Европы ополчились в те годы против России. Когда злорадствовали бывшие союзники, когда ликовали лжепатриоты, он писал во время Крымской войны М.П. Погодину: «Мы твёрдо верим, что Отчизна наша выйдет из борьбы со славою и с честью». Его бывший начальник, министр внутренних дел Л.А. Перовский, попросил сформировать ополчение – три батальона нижегородского полка из удельных крестьян. В него записался и единственный сын В.И. Даля, Лев Владимирович, на время прервавший учёбу в Академии художеств по классу архитектуры. И В.И. Даль благословил сына на подвиг. В Крыму героически сражались друзья его молодости: вице-адмирал П.С. Нахимов и знаменитый хирург Н.И. Пирогов. И тот, и другой – гордость Севастополя и всей России. И если бы Крымская война продолжалась, то нет никаких сомнений, что В.И. Даль и его единственный сын в составе сформированного нижегородского ополчения отправились бы воевать: Лев Владимирович – на передовую, а его знаменитый отец – лечить раненых.

«Нам стоит только не покориться, – утверждал великий патриот земли Русской, – а покорить нас нельзя» [Грачев 2013:64]. В.И. Даль совершенно правильно считал, что нужно ещё продержаться немного – и ресурсы противника иссякнут: во Франции и Англии росло возмущение захватнической Крымской войной. Экономика этих стран и их союзника, отсталой Турции, была на грани краха. Из газеты «Ведомости» он узнал об отношении к Крымской войне А.И. Герцена. «Как же так, Александр Иванович, – с негодованием размышлял он, – призывать русских солдатиков и офицеров сдаваться англичанам, французам и туркам, да где же у тебя совесть, кумир “передовой русской молодёжи”?! Хуже Андрюшки Курбского...» [Грачев 2013: 123-124].

В.И. Даль внимательно следил за войной в Севастополе. Ему, воину-моряку, патриоту, была небезразлична судьба флота и России. В это время он сильно «поправел» во взглядах. Не случайно именно к В.И. Далю обратился

великий князь Константин с просьбой написать ряд патриотических произведений для матросов. В.И. Даль взялся за это непростое дело. Итогом его работы были рассказы «Матросские досуги» [Даль 1853]. Автор отказался от гонорара в пользу защитников Севастополя, и после этого он неоднократно перечислял свои деньги севастопольцам.

Судя по произведениям, посвящённым русскому солдату и матросу, для него главный герой – воин. В Нижнем Новгороде собиралось ополчение против войск ражеской коалиции, и Даль принимал самое горячее участие в решении многих проблем нижегородских новобранцев. В.И. Даль и его домочадцы во время Крымской войны каждый вечер щипали корпию – предтечу марли – для раненых воинов русской армии, в 1854–1855 гг. занимались сбором пожертвований для населения обороняющегося Севастополя. И в это же время В.И. Даль в Нижнем Новгороде принял участие в борьбе с холерой [Ухмылина 1962: 32-34].

В настоящее время ведётся много споров о политических взглядах В.И. Даля. Несомненно, он был монархистом, стоял за православие и народность. Неслучайно славянофилы записали его в свои ряды. Он отрицательно относился к Западу, даже старался заменить иноязычные заимствования русскими словами. Неоднократно В.И. Даль предупреждал высшее руководство России, общественность, что после Крымской войны с крестьянами нужно будет обращаться весьма осторожно (хотя в принципе он был против резкого освобождения крестьян от крепостной зависимости: по его мнению, их нужно постепенно приучать к мысли о свободе). Великий гражданин, он делал ставку на общину, на соборность русского народа. «К особенностям его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, – писал по этому поводу В.Г. Белинский, – ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком. Как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком. Он знает его добрые и его дурные свойства, знает горе и радость его жизни, знает болезни и лекарства его быта...» [Белинский 1956: 82-83].

Исследователь А. Сухотин писал в предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка»: «Даль был верноподданнейшим из верноподданных и в своей писательской среде» [Сухотин 1935: 3]. С этим следует согласиться. Иначе и быть не могло: начальник канцелярии МВД Российской империи – и вдруг либерал или, что ещё хуже, революционер-демократ наподобие Н.Г. Чернышевского. Но разве это плохо: быть верным своей Родине, присяге императору Николаю I, который старался навести порядок в стране и безболезненно освободить крестьян от крепостной зависимости? Главное, он был патриотом. Великий лексикограф не на словах, а на деле любил русский народ во «всей его полноте», русский язык, русскую армию, русскую культуру, будучи, условно выражаясь, «немцем» по происхождению.

Нам кажется, что В.И. Даль был выше всех этих политических споров, всей этой общественной борьбы, принадлежности к определённой политической партии или к конкретному общественному течению – он просто был честным человеком и жил по совести. Именно с этих позиций и объясняется его необыкновенная любовь к России, народу, человеческие поступки в отношении к крестьянам. Именно отец привил ему любовь к России. «Гордитесь, – говорил он, – что вы русские». Датчанин, протестант Иоганн Даль видел в русских людях хорошее и старался, чтобы его дети тоже были русскими. Но быть настоящим русским человеком – это «значит не оскорблять другую нацию, <...> с почтением относиться к обычаям и законам других народов, по-русски – значит с любовью к другим народам. Но вначале нужно научиться любить свой народ, свой язык и историю, а потом (и только потом!) ты так же будешь любить других...» [Грачев 2013: 50].

Было бы наивно предполагать, что исследователь русского духа (материальным проявлением которого являются слова, пословицы и поговорки, сказки, легенды, традиции и т. д.) и вдруг выступает против этого самого духа! Его честный образ жизни позднее и привёл к Православию – за год до смерти. Это – закономерный выход из его религиозных заблуждений. «Духовность Даля, – утверждает исследователь творчества Даля В. Мельник, – не восторженно-мечтательная, а трезвая, вполне в духе русского “Домостроя”» [Мельник 2009:23].

В то же время он стоял за гласность в обществе. По его мнению, «одна только гласность может исцелить нас от гнусных пороков лжи, обмана и взяточничества и от обычая зажимать обиженному рот и доносить, что всё благополучно» [Барсуков 1896: 89-90]. В.И. Даль будучи чиновником особых поручений при генерал-губернаторе В.А. Перовском в Оренбургском крае, разрешал многие конфликты, готовые перейти в кровавую резню между башкирами и официальной властью. Сколько жизней он спас, а может быть, предотвратил в зачатке ещё и бунты наподобие пугачёвского. И ведь ему приходилось разговаривать с вооружёнными людьми, порой понимающими только язык силы. Многочисленные награды – свидетельство военных и гражданских подвигов В.И. Даля.

Рассуждая о мировоззрении великого лексикографа, следует подчеркнуть, что в его духовности сочетались *русская совесть* и *западноевропейская честь*. Именно это удачное сочетание и послужило основой патриотизма В.И. Даля.

#### Литература и источники

1. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. X./Н.П. Барсуков. СПб, 1896. С. 89–90.
2. Белинский В.Г. Повести, сказки и рассказы Луганского. М. 1956. С. 82–83.
3. Грачев М.А. Несносно честный Даль. Н. Новгород: Книга, 2013. С. 64.
4. Даль В.И. Матросские досуги. СПб.: Морск. учен. ком., 1853. 433 с.
5. Даль В.И. Полемика с Погодиным об иностранных словах и русском правописании // Русский. 1868. № 25. С. 31–41.

6. Мельник В.И. ВЛАДИМИР ДАЛЬ: путь к Православию // Виноград: № 5 (31). 2009. С. 23-28.
7. Сухотин А. В.И. Даль и его «Толковый словарь» // В.И.Даль Толковый словарь живого великорусского языка. М.,1935. Т. I. С. 3.
8. Ухмылина Е.В. В.И. Даль в Нижнем Новгороде // Учёные записки: серия филологические. Выпуск 42. Горький: Горьковский гос. пед. институт им. М. Горького, 1962. С.5–38.

*Дёмичева В.В.,  
к. филол. н., доцент ФГАОУ ВО  
«Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет», г. Белгород*

**ФЕМИНАТИВЫ «БАБА» И «ЖЕНА» В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ  
ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ  
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

*Demicheva Vera V.,  
Associate Professor of the Department of Theory, Pedagogy  
and Methodology of Primary Education and Fine Arts of the Pedagogical Institute,  
Belgorod State National Research University*

**FEMINATIVES “BABA” AND “WIFE” IN THE “EXPLANATORY  
DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE”  
BY V. I. DAHL (LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT)**

**Аннотация.** В статье представлен анализ толкований в Словаре В.И. Даля феминативов *баба* и *жена* как обобщенных наименований женщин. Особое внимание уделяется отражению в данных номинациях социального статуса женщины и отношения к ней женщине в русском обществе прошлых эпох.

**Summary.** The article presents an analysis of the interpretations in the Dictionary of V. I. Dahl of the feminatives *baba* and *wife* as generalized names of women. Special attention is paid to the reflection in these categories of the social status of women and the attitude towards women in Russian society of past eras.

**Ключевые слова:** феминативы, ментальность, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, производные слова, социальные факторы.

**Key words:** Feminatives, mentality, “Explanatory dictionary of the living Great Russian language” by V. I. Dahl, derived words, social factors.

В истории лексикографии Словарь В.И. Даля занимает особое место. Мы разделяем мнение М.В. Орешкина, который считает, что культурно-языковая традиция нашла яркое воплощение в крупнейшем памятнике народной культуры – «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, который «...был в своё время скорее новаторским, чем традиционным, поскольку базировался не на русском литературном языке, а на диалектной основе» [Орешкин 2001: 143]. В этом словаре соединены диалектная

лексика, отразившая крестьянскую, языковую стихию, богатейший фольклорный материал (пословицы, поговорки), а также отражающие наивную языковую картину мира приметы, поверья, что делает этот труд памятником словесности общенационального масштаба. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Словарь В.И. Даля не потерял своего значения и для наших дней, поскольку это настоящая энциклопедия русского быта, склада ума, характера, нашедших своё отражение в речи.

Анализируя представленный в словаре материал, мы ещё раз убедились, что во все времена (это отразилось и в словаре) слов-наименований лиц мужского пола было больше, чем слов-наименований лиц женского пола, причём последние чаще всего являлись производными от первых. Такое явление имеет, безусловно, лингвистическое объяснение, но корни его надо искать в социальных факторах развития языка. Одна из ведущих ролей принадлежит здесь традициям русского общества в отношении к женщине. Количество женских наименований в каждый временной период зависит, во-первых, как считает В.В. Дементьев, «от условий трудовой деятельности, от физических данных мужчин и женщин» [Дементьев 1954: 86]; во-вторых, от того положения и места, которое занимала женщина в русском обществе, потому что «положение женской личности в каком-либо обществе всегда и вполне рисует положение самого общества, то есть состояние его умственных и нравственных сил, состояние его образованности и гражданской свободы» [Забелин 1992: 7]. Этим часто объясняется и тот факт, что феминативная лексика во всех лексикографических источниках представляется весьма скупо: в словарной статье толкуется наименование лица мужского пола, а феминатив даётся либо без всякой пометы, либо с пометой, указывающей на женский род.

Следует отметить, что в языке есть лексемы, не имеющие мужских соответствий, например: *дева, девица, девушка, девка, дочь, женщина, мать роженица, сарафаница, коровница, юница* и некоторые другие. К группе несоотносительных наименований относятся и анализируемые нами феминативы *баба* и *жена*, которые представлены в словаре В.И. Даля.

Анализ толкования названных наименований ещё раз подтвердил положение Ш. Балли о том, что «родной, употребляемый нами с раннего детства язык способен навязать нашему мышлению формы, в подчинении у которых мы будем находиться в течение всей жизни. Ибо...родной язык становится символом нашей личности и общества, в котором мы живём» [Балли 1955: 24].

Наше обращение к анализу лексем *баба* и *жена* обусловлено тем, что они выражают обобщённое значение для номинаций лиц женского пола и их толкование в определенной мере отражает отношение к женщины в обществе.

Лексема *баба* известна в языке с древних времён, постепенно менялись оттенки значения, стилистическая принадлежность, однако слово всегда в со-

знании говорящих имело указание на социальную принадлежность. Это «человек из низшего сословия», крестьянка, по отношению к которой традиционно никто на Руси и не употреблял слова *женщина*, поскольку крестьянка и работница для русского человека (это вековая традиция) всегда ассоциировались со словом *баба*. И жила эта баба по старинной поговорке: «Кому воду носить? – Бабе. Кому битую быть? – Бабе. А за что? – За то, что баба». И в Словаре В.И. Даля мы находим подтверждение связи социальных факторов и языкового выражения.

В словарной статье приводится более тридцати значений этого слова, хотя только 7 из них являются феминативными. В качестве основного (первого значения) даётся ‘замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодницею, или вдова’ [Даль 2003: 32].

Как видим, В.И. Даль предлагает развёрнутое определение лексемы, хотя при этом отступает от своего же принципа, от отрицательного отношения к приёму толкования значения при помощи развёрнутых определений. Иллюстрацией этого значения являются 24 пословицы, причём подавляющее большинство пословиц содержит указание на отрицательные черты характера женщины: вздорность, болтливость, пустословие, например: «Где чёрт не сладит, туда бабу пошлёт; Лукавой бабы и во ступе не утолчешь; Приехала баба из города, привезла вестей с три короба; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, а она пуце шипит; Баба плачет – свой нрав тешит» [Там же: 33].

Стоит обратить внимание на тот факт, что во многих приведенных пословицах есть прямое указание на положение женщины и в доме, и в семье, и в обществе: «Знай баба своё кривое веретено; Скачет баба задом и передом, а дело идёт своим чередом; Курица не птица, баба не человек; Не петь курице петухом – не быть бабе мужиком; Баба с возу, кобыле легче». В каждом тексте подтверждается мысль о том, что восприятие женщины обществом в целом зависит от сложившейся в обществе традиции в отношении к женщине, причём отношение это закрепляется и в фактах языка.

Второе значение феминатива *баба* – ‘мать отцова или материна, жена деда’ [Даль 2003: 32], в качестве иллюстрации приведено предложение из сказки и две пословицы.

Третье значение – ‘жена, крестьянин редко иначе назовёт в глаза жену свою, разве хозяйкою’ [там же: 32]. Мы обратили внимание на то, что это значение частично дублирует первое, что иллюстрируется пословицами (*Бабу бей, что молотом, сделаешь золотом; Мужик того не выносит мешком, что баба растрясёт рукавом; Не тужи по бабе: Бог девку даст; Собака умней бабы: на хозяина не лает. Мужик без бабы пуце малых деток сирота*).

Четвёртое значение феминатива – ‘повитуха, повивальная бабка, приемница, но более употребительно бабка, бабушка, баушка’ [там же: 32].

При этом В.И. Даль отмечает, что есть слова в этом гнезде, требующие особого объяснения, это лексемы *бабка*, *бабушка*, *баба* в значении ‘отцова или матерна мать, жены деда’ или ‘двоюродная бабушка, сестра деда или бабушки, двоюродная тётка отца, матери, крёстная бабушка’». Автор старался раскрыть особенности наименований, характеризующих лицо по родственным отношениям, опираясь на этнокомпонент, однако в данном случае, на наш взгляд, приводится повтор второго значения слова.

В качестве производных к феминативу *баба* даются слова с пометой «собирательное» – *бабьё*, *бабица*, *бабень*, *бабняк*, хотя, с точки зрения современного русского языка, только у слов *бабьё* и *бабняк* имеются словообразовательные показатели собирательности, при этом в современном языке второе слово не употребляется, а первое – получило отрицательную коннотацию.

Ещё два производных *бабица* и *бабница* имеют помету «бранное» и объясняются как ‘женщина большая, плотная, неуклюжая или дурная собой; злая, наглая, бранчивая’ [Даль 2003: 33]. Мы обратили внимание на то, что слова *бабка*, *бабушка*, *баушка* сначала приводятся с пометами «умалительное и ласкательное» к слову *баба* во втором значении, а затем две последние лексемы получают добавочное толкование – ‘почётно, всякая старуха, как тётка середовая’ [Там же: 32], возможно, в этих значениях находит отражение национальная специфика.

Особо выделяются наименования с суффиксами субъективной оценки: *бабушенька*, *бабусенька*, *бабунька*, *бабуничка*, *бабулька*, *бабуленька*, *бабочка*, *бабица*, *бабёнка*. При этом нельзя не заметить явного противоречия, существующего между значениями слов *бабочка*, *бабёнка*, *бабица*, которые объясняются автором следующим образом: ‘молодка, молодуха, молодая и бойкая баба’ [Там же: 32] и словом *баба* в первом значении.

Следует отметить, что в словарной статье не фиксируется такое значение слова *баба*, как «женщина, прислуживающая в доме, работница», которое есть, например, в «Словаре русского языка XVIII века, хотя, по свидетельству других лексикографических источников это значение у феминатива, безусловно, сохраняется и в XIX веке.

В Словаре В.И. Даля нет отдельной словарной статьи со словом *женщина*, есть феминатив *жена*. В толковании этого наименования В.И. Даль указывает на его обобщающий характер – ‘вообще женщина’. Объяснение отсутствию самостоятельной статьи по слову *женщина* объясняет И.Е. Забелин. «Само слово *женщина* едва ли знакомо нашей древней письменности, и предок наш не мог, разумеется, со словом *женщина* соединять того понятия, какое ему присуще» [Забелин 1992: 147]. В словарной статье к слову *жена* приводится синонимический ряд: ‘замужняя женщина; супруга, баба’ [Даль 2003: 532]. Заметим, что приведённое в этом ряду слово *баба* стало синонимом к слову *жена* только в XVIII веке, причём в лексикографических источниках в этом значении имело помету «просторечное».

В качестве иллюстрации этого феминатива автор словаря приводит 42 пословицы, в которых отразился традиционный взгляд русского общества на жену. Лишь три пословицы имеют положительную коннотацию и говорят о жене как хранительнице очага, хорошей хозяйке, 35 пословиц имеют отрицательную коннотацию. Ряд пословиц-иллюстраций значения феминатива подчёркивает зависимое положение женщины в доме, отражает взгляд на неё как на нечто второстепенное. Следуя традициям «Домостроя», пословицы призывают и к особому обращению с женой, во-первых, ей нельзя быть главной в семье – «*Кто жене волю даёт, сам себя бьёт. Худо тому мужу. у которого жена большая в доме. Бог волен да жена, коли волю взяла. Не муж в мужьях, кем жена владеет, не работа в работах под жёнками воз возити*»; во-вторых, жене не следует доверять – «*Не верю коню в поле, а жене в доме. Не всякая жена мужу правду сказывает. Муж не знает, где жена гуляет. Жена мужа любила, во тюрьме место купила*»; в-третьих, её надо учить – «*Бей жёнку к обеду, а к ужину опять, без боя за стол не сядь! Бей жену до детей, а детей до людей*» [Даль 2003: 533].

Традиционно для русского человека брак, закреплённый венчанием, не мог быть разрушен никем, а поэтому отношения между мужем и женой не выносились никогда на всеобщее обсуждение.

Производным от феминатива *жена* Даль называет слова *женство, женота, женище, жёнка*. Слова *женота* и *женство* даются как собирательные существительные, первое из которых не имеет стилистических и территориальных ограничений, а второе – дается с пометой «южное, собирательное», приведён синонимический ряд – *бабы, бабьё, женство, женский пол*.

Уже в XVIII веке синонимический ряд, называющий женщину, включал лексемы: *жена – женщина, женская персона – женский пол – слабый пол – баба – дама*. До середины XVIII века в этом синонимическом ряду не было нейтрального слова, так как слово *женщина*, ставшее доминантой в этом ряду, свое современное значение получило только со второй половины века.

Феминатив *женище* (а) приводится с пометой «старое и ныне» – ‘невенчанная, сожительница, наложница, или незаконно венчанная, например: четвёртая, или разводка, или бранно негодная жена’ [Даль 2003: 534].

Как видим, при всей расплывчатости толкования феминатива автор словаря подчёркивает, что в сознании русского человека сожительница, наложница, невенчанная даже не может назваться женой, развод для русского человека прежних веков большая редкость.

Феминатив *жёнка* толкуется как умалительное ‘женушка, женочка; вообще женщина, баба, жена и вдова простолюдина’ [Даль 2003: 533]. Данный феминатив объясняется Далем с помощью синонимического ряда лексем *женщина, баба, жена*, употребление которых ограничено социальной принадлежностью лица. Интересно отметить, что еще в XV веке, как указывает Г.И. Демидова, суффикс –к (а) в слове *женка* выступал как суффикс субъек-

тивной оценки. В деловых бумагах XVIII века слово *жёнка* выступает в двух значениях: 1) 'жена простолюдина'; 2) 'незаконная, гражданская жена'. Как видим, в Словаре В.И. Даля нет второго значения, в значении 'незаконная жена' в словаре приводится устаревшее «*женище*».

Таким образом, анализ толкования названных феминативов в Словаре В.И. Даля доказывает, что язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и способ познавательной деятельности, его мировоззрение. Таким образом, словари, описывающие «живой» русский язык, представляют особую форму лексического описания, воплощающую в себе исторически складывающийся национальный тип жизни во всём её разнообразии.

#### **Литература и источники**

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли – М.: Просвещение, 1955. -231с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т.1 / В.И. Даль – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003.
3. Дементьев А. А. О женских соответствиях к мужским наименованиям действующего лица /А.А. Дементьев / Русский язык в школе. -1954. – № 6. С. 85 – 91.
4. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI – XVII столетиях /И.Е. Забелин – Новосибирск: Наука, 1992. – 239с.
5. Орешкина М.В. Лингвокультурологические словари: задачи, жанры, содержание /М.В. Орешкин //Материалы коллективной монографии «Лексикология, фразеология и лексикография русского языка. Теория ассоциативного поля В.П. Абрамова» – М.: Рус. яз., 2001. –С. 39-61.

***Еременко О.И.,***

*к. фил. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### **ЯВЛЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНОЙ СИНОНИМИИ В СФЕРЕ ФЕМИНАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ XIX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И.ДАЛЯ)**

***Eremenko O.I.***

*Ph. Phil. Sci., Assoc., National Research University BelSU, Belgorod*

### **THE PHENOMENON OF SUFFIXAL SYNONYMY IN THE SPHERE FEMINATIVE VOCABULARY OF THE XIX CENTURY (ON THE MATERIAL OF «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE» V. I. DAHL)**

**Аннотация.** В статье анализируются суффиксальные синонимы, называющие лиц женского пола, которые в значительном количестве представлены в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля. Материалы словаря свидетельствуют о том, что в процесс семантической конкуренции были вовлечены практически все словообразовательные модели с феминативным значением. Рассмотрены причины существования суф-

фиксальных синонимов, а также прослеживается судьба таких наименований в языке последующих десятилетий.

**Ключевые слова:** категория агентивности, феминативы, суффиксальные синонимы.

**Summary.** The article analyzes suffixal synonyms that name female persons, which are represented in a significant number in the Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl. The materials of the dictionary indicate that almost all word-forming models with a feminative meaning were involved in the process of semantic competition. The reasons for the existence of suffixal synonyms are considered, and the fate of such names in the language of subsequent decades is traced.

**Key words:** category of agentivity, feminatives, suffixal synonyms.

Категория агентивности, включающая личные наименования мужского, женского и общего рода, в связи с антропологической направленностью современной науки часто становится предметом лингвистического анализа. Формирующие данную категорию лексические единицы представляют интерес в том плане, что они тесно связаны с миром человека, «отражают глубоко и в полном объеме многие национальные социально-политические понятия и представления» [Горбань 1987: 2]. Относясь практически во все периоды развития русского языка к одной из самых продуктивных словообразовательных категорий, личные наименования позволяют проследить «реакцию» лексической системы на действие социокультурных факторов.

Объектом нашего внимания являются личные наименования женского рода, или феминативы, бытовавшие в русском литературном языке XIX столетия. Вследствие действия экстралингвистических факторов группа личных существительных женского рода на протяжении всего столетия активно пополнялась новыми лексическими единицами из разных источников: новообразованиями, созданными на русской почве, заимствованиями из других языков, разговорно-просторечным лексемом, а как известно, обогащение словаря разными путями всегда приводит к росту вариативности, параллелизма и синонимии в обозначении.

Специфической чертой словообразовательной системы XIX века было наличие в языке большого количества синонимичных образований от одной и той же основы. Для этой эпохи, пишет Ю.С. Сорокин, «характерна сильная вариативность лексических образований, в частности одновременных по своему появлению в речи» [Сорокин 1965: 185]. Группа наименований лиц женского пола в полной мере отражает эту особенность словообразовательной системы XIX века.

Предметом нашего анализа являются суффиксальные синонимы, называющие лиц женского пола. Под словообразовательными синонимами в лингвистике понимают однокоренные производные слова, обладающие одинаковым или близким словообразовательным значением, которое выражается с помощью различных аффиксов.

Феминативы, образующие суффиксальные синонимы, извлекались нами из различных лексикографических источников и текстов XIX века. Од-

нако, прежде всего, объектом нашего внимания стал Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля (далее Словарь В.И. Даля). Кроме того привлекались данные других словарей: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук, т.1-4. СПб., 1847 г. (далее СЦСРЯ), Словарь Академии Российской 1806-1822 г.г. (далее САР), Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук (СПб. 1891-1916 г.г.) (далее СРЯ). Чтобы проследить судьбу суффиксальных синонимов-феминативов XIX века в словарном составе современного русского языка нами привлекались данные Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах (далее ССРЛЯ).

Как уже было указано, в Словаре В.И. Даля фиксируется самое большое количество параллельных образований, оформленных разными суффиксами. Однако наличие большого количества суффиксальных синонимов-феминативов в этом словаре объясняется тем, что В.И. Даль включал в свой словарь не только узуальную лексику. Целый ряд феминативов, зафиксированных в данном словаре, следует рассматривать как потенциальные лексеммы, то есть реально не существующие слова, созданные В.И. Далем по высокопродуктивным словообразовательным моделям. Наличие таких наименований не подтверждается ни данными практики речевого общения, ни другими лексикографическими изданиями этого периода. Так, к потенциальным словам можно отнести, на наш взгляд, лексеммы *именищица*, *именовищица*, которые являются суффиксальными синонимами феминативов *именинница*, *именовательница*.

В ряде случаев к потенциальным словам следует отнести не только одну из лексем в словообразовательном синонимическом ряду, но и всю пару словообразовательных синонимов из Словаря В.И. Даля. Таковыми можно считать пары слов *норовница* – *норовищица*, *обесславительница* – *обесславищица*, *манильщица* – *маньщица* и др. Подобные феминативы не зафиксированы в других толковых словарях XIX века и не встречаются в текстах этого периода.

Как показывает анализ феминативов, зафиксированных в словаре В.И. Даля, в процесс семантической конкуренции были вовлечены практически все словообразовательные модели с личным значением. Одной из самых многочисленных была группа наименований с суффиксами *-щиц(а)/-чиц(а)* и *-нищ(а)* (мы имеем в виду тот случай, когда этот суффикс присоединялся непосредственно к существительному мужского рода на *-тель*): *вопросительница* – *вопросчица*, *выбирательница* – *выборщица*, *завоевательница* – *завоевищица*, *избавительница* – *избавищица*, *начинательница* – *начинищица*, *покупательница* – *покупищица*, *указательница* – *указчица*.

Отмечаются дублетные образования с формантами *-нищ(а)*, присоединявшиеся к наименованию мужского рода на *-тель*, и *-нищ(а)*, чередующиеся с суффиксом мужского рода *-ник*: *защитительница* – *защитница*, *соучаствательница* – *соучастница*, *участвовательница* – *участница*.

Несколько параллельных образований оформлено суффиксами *-ниц(а)* (чередуются с суффиксом мужского рода *-ник-*) и *-щиц(а)/-чиц(а)*: *баловница – баловщица, доильница – доильщица, затейница – затейщица, изменница – изменищица, наемница – наемщица, повадница – повадчица, потворница – потворищица*.

Присутствуют словообразовательные синонимы с суффиксом *-к(а)* и суффиксом *-иц(а)*, чередующимся с суффиксом *-ец-* мужского наименования: *душегубка – душегубица, знакомка – знакомица, сквернавка – сквернавица, спесивка – спесивица, тунеядка – тунеядица*.

Отмечаются единичные параллельные образования с суффиксами *-иц(а)* и *-ниц(а)*: *льстительница – льстивица*; с суффиксами *-к(а)* и *-щиц(а)*: *квартирантка – квартировица, миллионерка – миллионица, флейтистка – флейтищица*.

Причины существования синонимичных образований среди личных существительных женского рода различны. Одна из них – следствие функционирования в языке недифференцированных в смысловом и в стилистическом отношении словообразовательных моделей. В.М. Грязнова, исследовавшая явления словообразовательной синонимии в группе наименований лиц мужского пола в языке этого периода, отмечает, что «несмотря на то, что еще до XIX века начался процесс распределения функций между моделями с суффиксами *-тель-* и *-щик-/чик-* в зависимости от обозначения семантических категорий и утверждения в качестве доминирующей категории для имен с суффиксом *-щик-/чик-* обозначения лица по профессии, роду деятельности.., для данных словообразовательных моделей еще свойственна семантическая и структурная недифференцированность» [Грязнова 1974: 9].

Сказанное, на наш взгляд, является справедливым и в отношении наименований лиц женского пола, образованных от наименований мужского рода на *-тель-* и *-щик-/чик-*. Отсутствие единых и четких словообразовательных норм в языке этого времени и приводило к существованию параллельных словообразовательных моделей на *-тельниц(а)* и *-щиц(а)/-чиц(а)*. В ряде случаев словообразовательная синонимия подобного рода сохраняется на протяжении всего XIX в. и наследуется современным русским языком. Например, лексемы *покупательница* и *покупщица* отмечаются в текстах и словарях на протяжении всего XIX в., и обе зафиксированы в ССРЛЯ.

В других случаях словообразовательная синонимия является результатом сосуществования в языке продуктивных и утрачивающих продуктивность словообразовательных моделей. В этом случае имя, образованное по старой модели, может быть заменено производным по новой более продуктивной модели. Таковыми являются словообразовательные синонимы с суффиксами *-щиц(а)/-чиц(а)* и *-ниц(а)*. Словообразовательная модель на *-щиц(а)/-чиц(а)* выступает как более новая в системе деривации. Практически все наименования с этим суффиксом возникли в языке позднее (как правило, в XIX веке), чем образования с суффиксом *-ниц(а)*, известные еще с XVIII века.

Но нужно отметить, что не всегда лексемы, возникшие позже, остаются в лексической системе. Из многочисленных наименований с суффиксом *-щиц(а)/-чиц(а)* чаще утверждались наименования лица по роду деятельности, профессии, что свидетельствует о специализации данного форманта на выражение определенного значения. Среди лексем, дающих лицу качественную характеристику, наоборот, сохранились формы с суффиксом *-нищ(а)*: *баловница, изменница*. Лексемы *баловщица, изменщица* вышли из употребления.

Наименования женского рода на *-тельниц(а)*, как мы уже отмечали, становятся неактуальными в языке этого периода. Хотя они возникли позже, чем их параллельные дериваты на *-нищ(а)*, более жизнеспособными оказались последние: *соучастница, участница, защитница*. Все эти наименования известны еще с XVIII века. Словообразовательные синонимы на *-тельница* возникли уже в XIX столетии, но несмотря на это они, как и другие феминативы с этим формантом, переходят в пассивный запас. Лексемы *угожда-тельница, соучастительница, защитительница* в СРЯ имеют помету *устар.*, а в словарях современного русского языка (ССРЛЯ) вообще не фиксируются.

Наименования с суффиксом *-иц(а)* вытесняются более продуктивными параллельными дериватами с суффиксом *-к(а)*. Так, закрепились в лексическом составе лексемы *мерзавка, плюгавка, а мерзавица, плюгавица* вышли из употребления. Из всех наименований с суффиксом *-иц(а)*, имеющих в языке параллельные образования с суффиксом *-к(а)*, сохранились лексемы *питомица, постоялица*. (Правда, последняя в ССРЛЯ имеет пометы *устар.*, *разг.*). В этом же словаре отмечены лексемы *питомка, постоялка*.

В некоторых случаях появление синонимичных образований обусловлено тем, что отдельные наименования с суффиксом *-щиц(а)* возникли как эмоционально-оценочные обозначения к иноссуффиксальным нейтральным лексемам, например: Даже нянька и та ворчала: «Ишь, *читальщица* какая!» (Друг женщины). Ср.: нейтральное *читательница*, например: Мы не беремся теперь решить этого вопроса, требующего очень обширных толкований, и довольствуемся тем, что укажем на него нашим читателям и даже, извините за нескромность, *читательницам* (Добролюбов).

Большая часть наименований с суффиксом *-щиц(а)*, имеющих словообразовательные синонимы, в словарях XIX века снабжены различными пометами. Например, лексема *изменщица* в ССРЛЯ, где она впервые зарегистрирована, имеет помету *простоносар.*, *завоевица* (впервые в СРЯ) снабжена пометой *шуточ.*, *избраница* (впервые в Словаре В.И. Даля) характеризуется как употребляемая «в менее высоком смысле», *начиница* (впервые в ССРЛЯ) как употребляемая «в худом смысле». Иноссуффиксальные однокоренные морфемы в словарях XIX в. каких-либо помет не имели.

Анализ лексикографических изданий XIX в. свидетельствует о постепенном устранении словообразовательной дублетности в группе личных су-

ществительных женского рода. Самое большое количество словообразовательных синонимов отмечено, как мы уже указывали, в Словаре В.И. Даля, значительное их количество фиксирует и СЦСРЯ. В СРЯ словообразовательных синонимов отмечается уже меньше, некоторые из лексем, имеющих иносуффиксальные однокоренные образования, в этом словаре имеют помету *устарев.* или *малоупотр.* В некоторых случаях из лексической системы уходят оба словообразовательных варианта, например: *смехотворка* – *смехотворица*, *льстивица* – *льстительница*, *повадница* – *повадчица*. Обычно же параллельное употребление словообразовательных вариантов в течение какого-то времени завершилось выходом из употребления одного из них.

Процессы, происходящие в группе феминативов, отражают общие тенденции развития языка XIX века, когда «центральным процессом, пронизывающим словопроизводство всех частей речи, был процесс устранения словообразовательной дублетности и специализация словообразовательных средств на выражение одного или нескольких внутренне объединенных значений» [Очерки... 1964: 8].

Наиболее полное выражение данный процесс получил уже в языке XX столетия. О том, что явление суффиксальной синонимии явно убывающее, чуждое системе языка, убедительно свидетельствуют данные ССРЛЯ, в котором отмечаются уже единичные случаи словообразовательной синонимии в сфере феминативной лексики. Кроме того, даже если словообразовательные синонимы и сохранились, то существующие варианты чаще всего неравноправны и противопоставлены друг другу как нормативный и ненормативный, современный и устаревший. И лишь в редких случаях оба синонима сохранились в современном русском языке, но и при этом один из них употребляется все реже и постепенно вытесняется.

### **Литература и источники**

1. Горбань В.В. Отсубстантивные наименования лица в русском языке (словообразовательно-семантический аспект): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 26 с.
2. Грязнова В.М. Личные существительные в русском языке XIX века. – Ставрополь, 1989. – 125 с.
3. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в формах существительного и прилагательного. – М., 1964. – 352 с.
4. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90 гг. XIX века. – М.; Л., 1965. – 721 с.

**Жиленкова И.И.**  
к. фил. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород

## РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА И СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ

**Zhilenkova Irina I.,**  
Associate Professor, Belgorod State National Research University

### REGIONAL TOPONYMY AND THE DICTIONARY OF V.I. DAHL

**Аннотация.** В представленных в статье материалах о топонимах Белгородской области показано, что объяснение многих местных названий населенных пунктов стало возможным только при обращении к Словарю В.И. Даля.

**Summary.** The article presents materials about the toponyms of the Belgorod region and shows that the explanation of many local names of settlements became possible only when referring to the Dictionary of V.I. Dahl.

**Ключевые слова:** региональная топонимика, Словарь В.И. Даля, Белгородская область, названия населенных пунктов, ойконимы.

**Key words:** regional toponymy, Dictionary of V.I. Dahl, Belgorod region, names of settlements, oikonyms.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля для многих поколений лингвистов остается неиссякаемым источником бесценной информации о русском слове. В представленных в статье материалах о топонимах Белгородской области показано, что объяснение многих местных названий населенных пунктов стало возможным только при обращении к Словарю В.И. Даля. Так, например, анализируя ойконимы, образованные от слов, отражающих топографические особенности местности или поселения, обращаемся к Словарю для объяснения следующих топонимов: название с. *Заломное* образовано от лексемы *залом* ‘поворот реки, дороги’ [Даль, I: 596]; название х. *Зеленый Клин* образовано от лексемы *клин* ‘часть земли, вдавшаяся куда-либо языком или узкою полосой’ [Даль, II: 119]; название с. *Крюк* образовано от лексемы *крюк* ‘заворот дороги’ [Даль, II: 207]; название с. *Пристень* образовано от южнодиалектной лексемы *пристен* ‘крутой, обрывистый берег реки’ [Даль, III 3: 448] – ср. топоним *Пристень* в Курской области; названия х. *Шлях* и х. *Шляховое* образованы от лексемы *шлях* ‘тракт, дорога, путь’ [Даль, IV: 640]. З.В. Рубцова отмечает, что в Подонье топонимизированная лексема *шлях* «встречается в названиях хуторов, находящихся у крупных дорог – х. *Шляховской* на известном *Царицыном шляху*» [Рубцова: 240]; в Белоруссии зафиксированы названия самих дорог – *Великий Шлях* и *Екатерининский Шлях* [Рогалев: 95].

В исследуемом топонимическом материале названия гидрографических объектов могут быть перенесены в наименования некоторых населенных пунктов: х. *Гирлы* – *гирло* ‘одно из речных устьев’ [Даль, I: 351]; с. *Ерик* – *ерик* ‘старица, часть покинутого русла реки, куда по весне заливается вода’

[Даль, I, с. 521]; *х. Желобок – желобовина* ‘речное русло, впадина в виде русла’ [Даль, I, с. 530]; *с. Лучка – лука* ‘заворот реки, дуга’ [Даль, II: 272]; *х. Плесо – плесо* ‘одно колено реки, меж двух изгибов’ [Даль, III: 124]; *с. Студенок, п. Студенской – студенец* ‘ключ из земли, родник’ [Даль, IV: 37].

Отметим, что в данную группу включаем названия *х. Копанец* и *с. Копанки*. Данные ойконимы можно рассматривать как производные от южно-русского диалектного слова *копань* ‘мелкий колодец без сруба, яма с водой’ [Даль, II: 158]. В Воронежской области апеллятив *копань* зафиксирован в значении «яма, вырытая специально для чего-либо» [Дьякова: 67].

Неровный характер местности обуславливает наличие в местных говорах ряда слов для обозначения разного рода естественных возвышенностей: *кучугур/кочегур* ‘песчаные холмы, бугры’ [Даль, II: 181] – *с. Кочегуры, х. Кучугуры*.

Наибольшими топонимообразовательными возможностями обладают местные географические термины, которые обозначают формы отрицательного рельефа: *байрак, балка, верх/вершина, ендова/ендовина, рог/изрог/отрог, кругляк, липяг, лог, падина, плота, ров, яр/ярок/яруга, яма*. Данные апеллятивы используются при назывании оврагов и различного рода впадин; в своем большинстве это древние по происхождению слова, как с общеславянскими корнями, так и с заимствованными из других языков. Так, тюркский по происхождению термин *байрак* ‘сухой овраг, балка’ [Даль, I: 137] широко употребителен в Подонье и на Украине [Рубцова: 233-235], в Белгородской области параллельно с ним образован ойконим *х. Байрак*. В Воронежской области отмечен фонетический вариант этого апеллятива – *боярак* [Дьякова: 69].

Термин *балка* ‘длинный и широкий природный овраг’ [Даль, I: 43] лег в основу образования нескольких ойконимов: *х. Балки, х. Короткая Балка, с. Кривые Балки*.

Апеллятивы *рог/изрог/отрог* в местных говорах выступают как дифференцирующие названия при указании на различные особенности оврагов: *рог* ‘долгий овраг, отрог балки, поросший кустарником’ [Даль, IV: с. 99], *изрог* «боковой овраг, ответвилка от оврага», *отрог* «боковой овраг, ответвление от оврага» [Дьякова: 70]. С этими терминами в Белгородской области также связаны некоторые ойконимы: *с. Роговатое, х. Роговой, с. Новый Изрог, х. Отрог*.

При назывании форм отрицательного рельефа в нашем крае широко используется апеллятив *лог* ‘балка, широкий овраг’ [Даль, II: 262], характерный как для литературного языка, так и для русских говоров. Этот термин участвует в образовании целого ряда белгородских ойконимов: *с. Крутой Лог, х. Липовый Лог, х. Мокрый Лог, х. Рубежный Лог, х. Сенной Лог, п. Сухой Лог*.

Для обозначения различного рода впадин в Белгородской области используется и апеллятив *падина* ‘глубокий и круглый лог, овраг, балка’ [Даль, III: 71], получивший распространение в южнорусских говорах. Данный тер-

мин является базовым для образования ойконимов: *х. Падина* и *х. Тихая Падина*.

Отметим ряд ойконимов, соотносимых с термином *ров* ‘овраг, водорозина, водомоина’ [Даль, IV: 98]: *с. Ровенек*, *с. Ровеньки Ров.*, *п. Ровное*. Имеем в виду, что возможно сопоставление данных названий и с основой прилагательного *ровный*, но опрос информантов показывает, что в нашей области селений на абсолютно ровной местности с таким наименованием нет. Поэтому вероятнее видеть в этом ряду ойконимов выражение значения отрицательного (то есть далеко не ровного) рельефа.

Местные термины, определяющие низинный рельеф местности, отразились в ойконимах, производных от апеллятива *дол* ‘низменность, долина, раздол’ [Даль, I: 463]: *п. Раздол*, *х. Раздолье*, *с. Васильдол*. С обозначением низин в Белгородской области связана и диалектная лексема *лугань* ‘низинные заливные берега рек’ [Даль, II: 271], от которой образован ойконим *х. Лугань*.

В белгородской ойконимии отмечен ряд названий, которые образованы от географических терминов, отражающих характер почвенного покрова и грунта нашего края, например, название *х. Сухменка* образовано от апеллятива *сухмень* ‘сухая глина, плохая почва’ [Даль, IV: 367].

С обозначением низменных заболоченных мест связаны ойконимы, образованные от диалектного слова *мочак* ‘потное место на земле, твердое болотце’ [Даль, II: 353] – *х. Мочаки*, *х. Мочаки-Первые*, *х. Мочаки-Вторые*. Ойконимы: *х. Солонцы*, *с. Солонец-Поляна* образованы от термина *солонец* ‘солоненое озеро или пропитанная солью земля’ [Даль, IV: 268]. Название *с. Солоти* образовано от апеллятива *солоть* ‘вязкое жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото’ [Даль, IV: 267].

В основе названий *с. Зимовенька* и *с. Зимовное* лежит термин *зимник/зимовник* ‘изба для зимнего жилья, для приюта, пристанища в степях и лесах’ [Даль, I: 682].

В нескольких ойконимах зафиксированы архаичные образующие базы. Так, в наименовании *с. Бутырки* отразился старый термин *бутырка* ‘изба, жилище, селитьба, отдельная от общего поселения, дом на отшибе’ [Даль, I: 146]. Считаем возможным в основе наименования *с. Шишино* видеть очень старый термин *шиши* ‘род самого простого овина, особенно для сушки конопля’ [Даль, IV: 636]. Подчеркнем, что архаичные лексемы *бутырка*, *шиши* используются в качестве образующих баз в ойконимах Орловской области: *с. Бутырки*, *х. Шиши* [Морозова: 45, 46].

Ряд ойконимов отражает особенность материала, из которого строились жилища: *с. Нижние Лубянки* и *с. Средние Лубянки*, *с. Лубяное-Первое* и *с. Лубяное-Второе*. В этих названиях в качестве производящей базы выступает слово *лубянка*, то есть сделанный из луба ‘подкорье, исподняя кора; особенно липовое, идущее на кровли’ [Даль, II: 270].

Некоторые местные ойконимы связаны с обозначением вида построек и их частей: *с. Сетище, с. Сетное, х. Ситное, с. Ситнянка* (фиксируем параллельность звуков [э] – [и] в предупредном слоге). Данные названия связаны с понятием *ситовой стан* ‘место, где через сито просеивали муку’ [Даль, IV: 188]. Наименование *с. Сухосолотино* связано с названием *р. Солотино*, в основе которого лежит диалектное слово *солоть* ‘вязкое, жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото, на твердой почве, без трясины, иногда со ржавцами’ [Даль, IV: 267].

Таким образом, толкование определенной части региональных топонимов полностью опирается на материалы Словаря В.И. Даля.

#### Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Т. – М.: ТЕРРА, 1994.
2. Дьякова В.И. Географические апеллятивы в современных воронежских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. – С. 66-71.
3. Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (географические названия). – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 96 с.
4. Рогалев А.Ф. Топонимический словарь Ветского района Гомельской области. – Гомель: Барк, 2004. – 196 с.
5. Рубцова З.В. Из истории донской топонимии // Историческая ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука. 1977. – С. 217-250.

*Илюкина Л.В.,*

*к. фил.н, учитель МБОУ «Школа № 63», г. Рязань*

## РЯЗАНСКАЯ ПИЩЕВАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ

*Lyukina L. V.*

*director of municipal budgetary educational institution “School No. 63”, Ryazan*

## RYAZAN FOOD NAMES IN THE DICTIONARY OF V.I. DAHL

**Аннотация.** Статья посвящена изучению наименований пищевой номенклатуры в говорах Сараевского района Рязанской области. Материалом для данной работы явилась картотека автора, собранная при полевом исследовании южных говоров Рязанской области. Исследуемые наименования сопоставляются с материалами «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

**Summary.** The article is devoted to the study of the names of the food nomenclature in the dialects of the Saraevsky district of the Ryazan region. The material for this work was the author’s card index, collected during a field study of the southern dialects of the Ryazan region. The studied names are compared with the materials of the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V.I. Dahl.

**Ключевые слова:** диалектная лексика, рязанские говоры, наименования хлебобулочных изделий.

**Key words:** dialect vocabulary, Ryazan dialects, names of bakery products.

В Словаре живого великорусского языка В.И. Даля наряду с разного рода лексикой широко представлены диалектные слова, изучение которых способствует пониманию истории развития языка. Русские народные говоры Рязанской области, являющиеся преимущественно частью южнорусских говоров, представляют несомненный интерес для многоаспектного изучения, в том числе и лингвокультурологического. В данной статье речь пойдет о диалектных лексемах, связанных с пищевой номенклатурой и бытующих в сараевских говорах Рязанской области. Исследуемые наименования сопоставляются с материалами «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (далее – Словарь Даля).

Остановимся на лексико-тематической подгруппе «Наименования хлебобулочных изделий» – самой многочисленной в тематической группе «Питание». На территории Сараевского района нами зафиксировано 75 наименований: *блинцы, блинчики, блины затёртые, блины слажёные, бобышка, булка, ватрушка, ватруха, ватрулька, ватушка, вахрушка, вилюшка, вывертушки, гуды, калинник, капустаник, коровай, кравайцы (коровайцы), краваец, картошный хлеб, картошник, клякушка, коврега, колобок, колабушек, колабушечка, кокура, кокурка, краюха, кытышки, лепешки, листики, луковник, мочёнки, мочёночки, оладья, оланки, оржаной хлеб, оржанок, оковалок, папа, папошник, папушник, пирог, пирожок, плетёнка, подовый хлеб, подовик, преснушка, пшеничный хлеб, пышка, пышка сковородная, ржаник, рожаник, ржануха, решётный хлеб, решётник, свойский хлеб, ситный хлеб, ситник, скорка, скорочка, сочёнки, сыринка, осочёнки, тонец, тоничек, тончик, тоньцы, тоньчики, трандоши, финтифлюшки, финтиклюшки, хворост, черепенник. Однако не все вышеперечисленные слова, бытующие в южных рязанских говорах, отмечены в Словаре Даля.*

**Блины затёртые.** У Даля находим глагол *затирать* в значении ‘приправлять, разводить, месить, разбалтывать; сдобить, растирая с приправой’ [Даль 1: 649]. В сараевских говорах данная лексема используется повсеместно в значении ‘пшеничные блины, приготовленные путем растирания, замешивания’.

**Блинцы.** По данным Словаря Даля, ‘род хлебного из жидко растворенного теста, поджаренного лепешкой на сковородке’ [Даль 1: 97]. В сараевских говорах лексема употребляется в значении ‘тонкие блины, выпекаемые с одной стороны’.

**Булка.** По данным Словаря Даля, это ‘общее название пшеничного хлеба в южной России, как в подмосковных губерниях пирог, в восточной части России – калач; в остальной России, кроме южной, булкой зовут хлебец немецкого печения’ [Даль 1: 140]. В сараевских говорах слово употребляется повсеместно в двух значениях: ‘буханка пшеничного или ржаного хлеба’; ‘пшеничный хлеб’.

**Ватрушка** – ‘круглый, открытый сверху, защипанный только с краев пирожок или лепешка, обыкновенно с творогом’ [Даль 1: 168]. В сараевских

говорах слово бытует повсеместно в значении ‘открытый сверху, защипанный с краев пирожок с творогом’.

**Ватруха.** По данным Словаря Даля, слово означает ‘то же, что *ватрушка*’ [Даль 1: 168]. В сараевских говорах слово бытует повсеместно в значении ‘то же, что ватрушка’.

**Калинник** – ‘калиновый пирог // тесто, которое месится на калине’ [Даль 2: 79]. ‘Пирог с калиной’ – в таком значении данная лексема употребляется повсеместно в речи сараевских диалектоносителей.

**Капустник** – ‘пирог с капустой’ [Даль 2: 89]. В сараевских говорах слово употребляется повсеместно в значении ‘пирог с капустой’.

**Картошник** – ‘кушанье, блюдо из картофеля: похлебка, каша, пирог с картофелем’ – в таком значении данное слово отмечено в Словаре Даля [Даль 2: 94]. На территории Сараевского района слово распространено в отдельных селах (Желобово, Кутловы Борки) в значении ‘пирог с начинкой из картофеля’.

**Коврега (коврига).** У Даля зафиксирована словоформа *коврига* в значении ‘хлеб, каравай, челпан // Ломоть во весь хлеб, или круглый. Коврижка, битый пряник, с узорами; известны *вяземские коврижки*. Большая, круглая и узорная коврижка почетно подносится на свадьбах и других обрядах’ [Даль 2: 128]. В сараевских говорах *коврега, коврига* – это ‘круглый хлеб’.

**Колобок.** В Словаре Даля слово отмечено в значении ‘небольшой круглый хлебец; кокурка, толстая лепешка, клецка из пресного теста или на молоке’ [Даль 2: 138]. В сараевских говорах лексема имеет значение ‘круглый пирог из кислого или пресного теста’, употребляется повсеместно.

**Коллабушек.** В Словаре Даля зафиксированы лексемы *колобуха, колобушка* в том же значении, что и *колобок* [Даль 2: 138]. Данное слово употребляется в сараевских говорах в значении ‘пирожки’ (села Сысои, Озериха, Паники, Одоевщина).

**Кокура (кокурка)** – ‘булочка с яйцом (или без)’ [Даль 2: 135]. В сараевских говорах слова *кокура* и *кокурка* употребляются повсеместно в значении ‘пышка с запеченным внутри яйцом’.

**Краюха.** В Словаре Даля у данной словоформы одно из значений следующее: *краюха, краюшка, – шечка ж.* ‘крайний отрезок, ломоть от края; хлебная горбушка’ [Даль 2: 184]. В сараевских говорах *краюха* – это ‘горбушка, кусок хлеба’.

**Кравайцы (краваиц).** Данная словоформа зафиксирована в Словаре Даля в значении ‘пшеничные блины’ с пометой «рязанское» [Даль 2: 89]. В современных сараевских говорах *каравайцы (кравайцы, каравайцы, краваец, кроваец)* – ‘тонкие блинчики, преимущественно из пшеничной муки’.

**Луковник** – ‘пирог с луком’ [Даль 2: 273]. В сараевских говорах слово употребляется повсеместно в таком же значении.

**Накваска.** У Даля это ‘кислое тесто для наквашивания’ [Даль 2: 422]. В сараевских говорах слово употребляется в значении ‘кислое тесто, опара’.

**Оладья.** В Словаре Даля данное слово отмечено в значении ‘оладьи’ [Даль 1: 670]. В таком же значении слово употребляется в сараевских говорах.

**Оланки.** В Словаре Даля зафиксированы лексемы *оланки* и *оладышки* с пометой «рязанское» в значении ‘пряженое, хлебное, из кислого пшеничного теста шарами, лепешками, толстые блины’ [Даль 1: 670]. В Сараевском районе Рязанской области слово встретилось нам только в можарском говоре в значении ‘оладьи’.

**Оржаной хлеб.** В Словаре Даля отмечено слово ‘оржаной’ в значении ‘ржаной’ [Даль 1: 691]. В речи сараевских диалектоносителей слово используется повсеместно в том же значении.

**Оковалок** – у Даля данная словоформа зафиксирована в значении ‘ломоть, кусок’ [Даль 2: 664]. В сараевских говорах имеет значение ‘большой кусок мяса и большой ломоть хлеба’, употребляется повсеместно.

**Папа.** В Словаре Даля отмечена лексема *папка* с пометой «детское» в значении ‘хлеб, хлебец, хлебушко’ [Даль 3: 16]. В сараевских говорах употребляется в значении ‘хлеб’ (в речи детей или при обращении к детям).

**Подовый хлеб.** В Словаре Даля зафиксированы слова *подОвый* и *подовОй* – ‘к поду относящийся. *Подовые пироги*, кислого теста, сильно всхожие, которые пекутся на *поду*’. [Даль 3: 218]. В речи сараевских диалектоносителей наименование *подовый хлеб* употребляется повсеместно в значении ‘хлеб, который пекут на поду – нижней поверхности в русской печи’.

**Подовик.** В Словаре Даля отмечена лексема *подовик* в значении, не связанном с хлебом, кушаньями. В речи сараевских диалектоносителей слово распространено повсеместно и употребляется в том же значении, что и *подовый хлеб*, т.е. ‘хлеб, который пекут на поду’.

**Пышка.** *Пышка* или *пыжка*, от *пыжить*, ‘оладья, пряженое пирожное, раздутое пухло лепешки’ – такое определение находим у Даля [Даль 3: 548]. В сараевских говорах это слово распространено повсеместно в значении ‘круглая пухлая лепешка из пресного теста’.

**Ржаник.** В Словаре Даля данная словоформа зафиксирована в других значениях: 1. ‘Растение’; 2. ‘Парень или девка, выросшие на ржаном хлебе’. [Даль 4: 101]. В сараевских говорах слово употребляется преимущественно в селах Ягодное, Троицкое, Мордово в значении ‘ржаной хлеб’.

**Ржануха** – *псковское* ‘ржаница, ржаная мука, ржаной хлеб’ [Даль 4: 101]. В сараевских говорах слово употребляется повсеместно в значении ‘ржаной хлеб’.

**Решётный хлеб** – ‘к решету относящийся. *Решётный хлеб, ситный*’ – такое толкование находим в словаре Даля. [Даль 4: 95]. В сараевских говорах слово употребляется повсеместно в значении ‘ржаной хлеб грубого помола’.

**Решётник** – данная словоформа в Словаре Даля в значении ‘хлебобулочное изделие’ не отмечена. В сараевских говорах имеет то же значение, что *решетный хлеб*. Территорией распространения являются села Можары, Сысои, Паники, Одоевщина, Озериха.

**Ситный хлеб.** В Словаре Даля зафиксирована словоформа *ситная* (мука) ‘мука, битая через сито, решетная’ [Даль 4: 189]. В сараевских говорах слово бытует в значении ‘хлеб, испеченный из пшеничной муки, просеянной через сито’.

**Ситник** – ‘ситный хлеб’ [Даль 4: 189]. В сараевских говорах слово бытует в значении ‘хлеб, испеченный из пшеничной муки, просеянной через сито’.

**Сочёнки (осочёнки).** В Словаре Даля отмечены словоформы *сочень*, *соченик* ‘пресная, тонкая лепешка, она постная в конопляном соку; зовут так иногда и скоромную лепешку, на масле, вернее пряженик; также лепешку с кашей сверху, со сметаной или творогом, род шаньги, ватрушки; сочни бывают ячневые; также картофельные пресняки, с припечкою из конопляного семени с луком’ [Даль 4: 264]. В сараевских говорах данное слово бытует повсеместно (встречается вариант *осочёнки* – с. Телятники) в значении ‘мучное изделие, выпекаемое в печи или духовке, пропитанное сливками’.

**Хворост** – сиб. *хворосты* мн. ‘пряженое в масле печенье, сушь или сочень; сдобное тесто в полосках, разохой, или просто блином, лепешкой, почему и подается более на масляне’ [Даль 4: 545]. В речи сараевских диалектоносителей слово распространено повсеместно в значении ‘печенье из сдобного теста, жаренное в кипящем масле’.

**Черепенник.** В Словаре Даля находим словоформу *черепя(е)ники* м. мн. – ‘гречишники, гречневики, столбцы, пряженое в постном масле тесто, в виде стопок; печется в черепушках’ [Даль 4: 593]. В Сараевском районе данное слово отмечено в качестве наименования плохо выпеченного изделия из теста.

Как видим, в Словаре Даля нашли отражение многие диалектные лексемы, бытующие в современных южных говорах Рязанской области. Наименования хлебобулочных изделий по семантике и объему выражаемого содержания во многом совпадают с толкованием Даля. Однако наблюдаем и различия: у Даля такие лексемы, как *подовик*, *ржаник*, *решетник* имеют значение, не связанное с наименованиями хлебобулочных изделий; лексемы *булка*, *картошник*, *сочёнки (осочёнки)*, *черепенник* различаются оттенками лексического значения. Даль указывает и на узколокальную ограниченность слов, например, *кравайцы*, *оланки (оладышки)*, которые сопровождаются пометой «рязанское». Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что привлечение лексического материала, описанного в словаре Даля, способствует расширению границ при изучении русских народных говоров, отражающих не только лингвистическое богатство и разнообразие русского национального языка, но и его народную культуру.

#### Литература и источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.1.– М.: Изд-во ДРОФА, 2011. – 699 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.2. – М.: Изд-во ДРОФА, 2011. – 779 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.3.– М.: Изд-во ДРОФА, 2011. – 555 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.4. – М.: Изд-во ДРОФА, 2011. – 683 с.

*Кошарная С.А.,  
д. фил. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

**«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА»  
В.И. ДАЛЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

*Kosharnaya S.A.  
Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University*

**«INTERPRETING DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN  
LANGUAGE» V.I. DAHL AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON**

**Аннотация.** «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля существенно является словарем лингвокультурологического типа. Помимо толкований и иллюстративных (причем стереотипных для этнокультуры) контекстов, словарные статьи данного лексикографического свода включают информацию, которую в рамках современной научной парадигмы можно трактовать как концептуальную, вбирающую культурную коннотацию языковой единицы, реализующую взаимосвязь семантики слова и культурного факта и позволяющую осмыслить номинацию как лингвокультурему. В этом ключе В.И.Даль опередил своё время, и его лексикографический труд, справедливо названный учеными «энциклопедией русской жизни», может быть отнесен к основополагающим для современной лингвокультурологии, наряду с трудами В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни и других специалистов-филологов, положивших начало разработке проблемы взаимосвязи языка и культуры.

**Summary.** «Explanatory Dictionary of the living Great Russian language» by V. I. Dahl is a dictionary of the linguoculturological type. In addition to interpretations and illustrative (and stereotypical for ethnoculture) contexts, the dictionary entries of this lexicographic publication include information that, within the framework of the modern scientific paradigm, can be interpreted as conceptual, absorbing the cultural connotation of a language unit, realizing the relationship between the semantics of a word and a cultural fact, and allowing us to understand the nomination as a linguoculturema. In this vein, V. I. Dahl was ahead of his time, and his lexicographic work, rightly called by scientists «encyclopedia of Russian life», can be attributed to the fundamental for modern linguoculturology, along with the works of V. von Humboldt, A. A. Potebni and other philologists, who initiated the development of the problem of the relationship between language and culture.

**Ключевые слова:** «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; лингвокультурология, языковой знак, словарная статья, лингвокультурема, культурная коннотация.

**Key words:** «Explanatory dictionary of the living Great Russian language» by V. I. Dahl; linguoculturology, language sign, dictionary entry, linguoculturema, cultural connotation.

В середине XIX в. в России активизируется деятельность Академии наук, Русского географического общества и Московского общества истории и древностей по сбору диалектных фактов, их систематизации и лексикографическому описанию. Позже создается «Опыт областного великорусского словаря» (редактор А.Х. Востоков, Санкт-Петербург, 1852). Заметим, что в год выхода «Опыта...» В.И. Даль издает свою работу «О наречиях русского языка», где предложил свою классификацию русских диалектов, деление их на окающее и акающее. В 1858 году выходит в свет «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». При этом «Опыт областного великорусского словаря» содержит 18 011 слов. «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» (Санкт-Петербург, 1858 г.) включает 22895 слов, которые были предоставлены Академии наук уже после публикации «Опыта...».

Мне довелось работать с этими изданиями в архивном отделе Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Это книги формата А-4, они включают территориально маркированные слова, расположенные в алфавитном порядке. Значения слов объясняются, как правило, путем довольно краткого толкования. Например, «**ОБЛОМЬ** [вспомним фамилию *Обломов* – С.К.], *а, с. м.* 1) Неловкій человекъ, или человекъ очень большой и толстый, но не дальняго ума. Вишь какой обломъ селъ на лошадь. Владим. Муром. Каз. 2) Діаволь, домовой. Обломъ ти обломи! Кур. Дмитр. Рыл. Судж. 3). Человекъ грубый, готовый на дерзкій отвѣтъ, способный оскорбить словомъ. Твер. Вышневолоц.» [«Опыт...» 1852: 148].

Это были первые сводные диалектные словари. Но, по сравнению со словарем В.И. Даля, можно сказать, что это были своеобразные лексикографические «пробники» живого словаря русского народа. В.И. Даль шёл к своему словарю почти пять десятилетий. Замечу, что именно А.С. Пушкин в Оренбурге посоветовал В.И. Далю: «А отчего бы вам, Владимир Иванович, не соединить этот труд воедино – в словарь русского языка, ведь столько у вас уже сделано...». И вот в 1863 году выходит в свет «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, который содержал уже около 200 тысяч слов и 30 тысяч поговорок, присловий, пословиц и загадок, позволяющих точнее осмыслить семантику слов не только на основании их толкования, но и посредством приведенных контекстов, иллюстраций. Тем самым словарь В.И. Даля позволял получить информацию не только о языке, но и о быте, обычаях, поверьях русского народа. Уже в этом проявляется уникальность этого словаря и самого автора, осуществившего такой грандиозный труд.

Безусловно, словарь В.И. Даля можно назвать, как и известный пушкинский роман, «энциклопедией русской жизни». По словам В.В. Виноградова, «словарь Даля – это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в. <...> Этот словарь должен быть настольной книгой всякого человека, изучающего и любящего русский

народный язык» [Виноградов В. 1977: 229]. Ту же мысль вербализует в своей статье молодой ученый, наш современник, с той же «филологической» фамилией – Д.В. Виноградов: «Словарь Даля занимает совершенно особое место в отечественной лексикографии. Внимание к образному, действительно живому слову сочеталось у его составителя с огромным интересом ко всем фактам языковой действительности. Словарь Даля является уникальным тезаурусом, сохранившим для последующих поколений множество слов и выражений, не фиксируемых более нигде и уже вышедших из активного употребления. Если бы не кропотливая работа В.И. Даля, многие меткие слова и выражения, яркие пословицы и поговорки были бы утрачены навсегда» [Виноградов Д. 2011: 76].

Что касается специалистов, то «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля – это не просто историко-лингвистический источник, но рабочий инструмент лингвиста, филолога вообще. Особенно актуальным оказывается обращение к словарю В.И. Даля при проведении этимологических и региональных, диалектологических исследований. Более того, словарь В.И. Даля чрезвычайно актуален и современен в контексте новой научной – лингвокультурологической парадигмы.

Посмотрим на словарную статью из словаря Даля. Приведем значимый для нашего региона пример. Белогорье территориально и исторически оказывается взаимосвязанным со *Слобожанщиной* – слободской Украиной. Слобожанщина (Слободская Украина) – историческая область, входившая в состав Российского государства XVII-XVIII веков (это территория современной Харьковской, а также частей Сумской, Донецкой, Луганской областей Украины, Белгородской, Курской и Воронежской областей России).

Слово «слобода», согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, значит «село **свободных** людей». Отсюда и происходят названия *Слободская Украина* и *Слобожанщина*. Иными словами, *слобода́* – слово, имеющее тот же корень, что и *свобода* (на что указывает в своем этимологическом словаре и М. Фасмер): это фонетический вариант к *свобода*, возникший в результате диссимиляции губных: *в > л*: *в – б > л – б*, т.е. первонач. «поселение свободных земледельцев».

В русских диалектах слово *слобода́* имеет, помимо прочего, значение «большое пространство земли, покрытое деревьями», «лес» (в том числе в белгородск. говорах: 1. Лес. /У *слабоду́* на яуду хаділи // тёрин то́жа сабирáли// (с. Истобное, Губкин., 1997 г.); 2. Село. /*Слабада́* была́ / ста́ли назывáть силó Ракітна́ји// (п. Пролетарский, Ракитян.) [ООСБ 2017: 263].

Именно на таких пространствах, на *свободных* просторах России селились пришедшие сюда восточные славяне, о чем писал еще В.О. Ключевский [См. об этом: Ключевский 1992: 16]. По мнению исследователей, во время монголо-татарского нашествия (в первой половине XIII века) славянские поселения на этой территории были уничтожены, и на несколько столетий будущая Слобожанщина оставалась безлюдным «*Диким полем*». Но уже с конца XVI века началось новое заселение края свободными служилыми людьми.

Таким образом, «слободы – местечки, населённые людьми свободного состояния», и именно В.И. Даль впервые дает в своем словаре развернутое толкование слова и предлагает его этимологизацию, подтвержденную позднее и другими исследователями: «СЛОБОДА – южн., сев. свобода; слободный, слободить, свободный, свободить. *Слобода* жен., стар. село свободных людей; |пригородное селение, подгородный поселокъ, за городомъ, т.е. за стѣною, род посада. Ямская слобода, пригородная улица ямщиковъ; *торговая слобода*, посадских людей. *У насъ однодворцы на слободѣ живутъ. Солдатская слобода*, отставныхъ. |Нынѣ, большое село, гдѣ болѣе одной церкви, и торгъ или ярмарка, либо волостное правление, родъ сельской столицы; также промышленное, фабричное село, гдѣ **крестьяне почти не пашутъ** [выделено нами. – С.К.]. *Слободка, слободочка, слободушка*, умалит. *Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ*, пѣсн. *Слободки* есть при большей части городовъ: слободкой приселяются и крестьяне, и мѣщане, также отставные, занимаясь частью хлѣбопашествомъ, кулачествомъ и пр. Мѣстами *слободку* зовутъ форштатомъ, нѣм. *Слободной, слободской*, ко слободѣ, *слободскій*, к слободке относящийся. *Слободные жильцы. Слободской народъ. Слободская церковь. Слободичь, слободчанинъ* м., стар. *слобожанинъ, -жанка*, слободскій житель. *Слободчикъ* стар. вольный, не приписанный къ землѣ чѣловекъ» [Даль IV: 221]. Заметим, что В.И. Даль даже приводит иноязычный синоним *форштáдт* (нем. *Vorstadt* – «пригород») – «поселение, находящееся вне города или крепости, предместье, посад».

Для сравнения словарная статья «Слобода» в «Опыте областного великорусского словаря» содержит лишь следующую информацию: «СЛОБОДА, ы, е. ж. Свобода. Костр. Кинеш. Нижегород. Новгород., Тихв. СЛОБОДНЫЙ, -ая, -ое, -день, -дна, -о, пр. Свободный. Онъ свободный челоуѣкъ, можетъ это сдѣлать. Нижегород. Новгород. Тихв. Олон. Петрозав.» [«Опыт...» 1852: 224]. Обратим внимание, что внутри словарной статьи с заглавным словом «Слобода» в словаре В.И. Даля мы обнаруживаем лексему *кулачество*. В сознании современного носителя языка данная лексема соотносится с эпохой революции 1917 года, однако в словаре В.И. Даля это слово не только упомянуто, но и входит в словарную статью слова КУЛАК, для которого приводятся в том числе следующие значения: «\*Скупецъ, скряга, жидоморъ, кремень, крѣпышь; || перекупщикъ, переторговщикъ, маклакъ, прасоль, сводчикъ, особ. въ хлѣбной торговлѣ, на базарахъ и пристаняхъ, самъ безденежный, живетъ обманомъ, обсчетомъ, обмѣромъ; маяк. орл. орел, тархан. тамб. варяг. моск. торгошъ съ малыми деньжонками, ездить по деревнямъ, скупая холстъ, пряжу, ленъ, пеньку, мерлушку, щетину, масло и пр. прасоль, прахъ, денежный барышникъ, гуртовщикъ, скупщикъ и отгонщикъ скота; разносчикъ, коробейникъ, щепетильникъ, см. офеня» [Даль II: 215]. Таким образом, пейоратив *кулак* не является новацией революционной эпохи, чему имеется свидетельство в авторитетнейшем собрании слов – «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Обращает на себя внимание и обилие синонимических рядов в словарных статьях. В той же статье о кулаке видим целый ряд близких по значению наименований людей: *перекупищик*, *переторговец*, *маклак*, *прасол*, *сводчик*. В этом ряду примечательны слова, уже ушедшие из языка, но давшие начало русским фамилиям: *маклак* (ср. фамильный антропоним *Маклаков*), *прасол* (ср. фамилию *Прасолов*), где *маклак* – возводится к нем. *Makler* «маклер» или голл. *makelaar* «спекулянт»; в русском языке образовано при помощи суффикса *-ák*, ср. *мастак* – от «мастер»; а *прасол* – от «соль» – «торговец, который засаливает рыбу и мясо (приготавливает путем посола)» (слово известно и в украинском языке).

Таким образом, слово представлено в собрании В.И. Даля как в полном смысле *лингвокультурема* (термин В.В. Воробьева) – «комплексная межуровневая единица, диалектическое единство *лингвистического* (знак, значение) и *экстралингвистического* (понятие, предмет)» [Воробьев 1997]. Лингвокультуремы вбирают в своё содержание, помимо языковой семантики, связанную со значением слова культурную информацию.

Содержание словарной статьи в Словаре В.И. Даля описывает по сути ментальную структуру, стоящую за номинацией, – *лингвокультурный концепт*. Причем мы видим здесь и репрезентанты ядерной зоны концепта (толкование, синонимы), и вербализации периферийной зоны – устойчивые сочетания, фразеологизмы и поговорки с участием слова. Непременным атрибутом словарной статьи служат типичные контексты, то есть в современной когнитивной терминологии – фреймовые реализации концепта.

Характеризуя лексему, В.И. Даль указывает на её эмотивные свойства, оценочность, на отношение к номинируемой реалии в народной среде, то есть выходит на *культурную коннотацию* слова (в терминологии В.Н. Телия), которая трактуется как «интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры» [Телия, Опарина 2011: 145].

Можно сказать, что своим словарем В.И. Даль опередил время, подготовив почву для современного интегративного подхода к языку и рассмотрению слова как единства языка и культуры. Мы обычно говорим в контексте этой проблематики о В. Гумбольдте, А.А. Потебне, но, как видим, в этом ряду должно находиться и имя совсем не филолога по специальности, но истинного знатока языка – В.И. Даля.

Таким образом, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и по прошествии более полутора веков продолжает оставаться настольной книгой филолога, его «точкой опоры» в этимологических, диалектологических и историко-лингвистических разысканиях, позволяющей отвести всё сомнительное и найти доказательства выдвинутых гипотез.

### Литература и источники

1. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – Москва: Наука, 1977. – С. 206-242.
2. Виноградов Д. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как энциклопедия русской жизни: на материале лексики русского бурлачества / Д. В. Виноградов // Русский язык в школе. – 2011. – № 11. – С. 76-80.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: (Теория и методы). – Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – 8-е изд. – Москва: Русский язык, 1981-1982.
5. Дополнение къ Опыту областного великорусскаго словаря: издание Второго отдѣленія Имп. Академіи наукъ / Редакторъ А. Х. Востоковъ. – Санктъ-Петербургъ: Тип. Императорской академіи наукъ, 1852. – 328 с.
6. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. – Москва: Рассвет, 1992. – 191 с.
7. ООСБ – Кошарная С. А., Алейник А. С., Медведева А. И. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь / Под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: Эпицентр, 2017. – 330 с.
8. Опытъ областного великорусскаго словаря, изданный Вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи наукъ / Редакторъ А. Х. Востоковъ. – Санктъ-Петербургъ: Тип. Императорской академіи наукъ, 1852. – 275 с.
9. Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Вестник культурологии. – 2011. – №1. – С. 145-148.

*Ли К.К., к.фил.н., НИУ «БелГУ», г. Белгород  
Лукьянова А.Н., секретарь Октябрьского районного суда г. Белгорода*

## ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ

*Li K.K.  
Associate Professor of the Department of Russian Language  
and Russian Literature, Belgorod State National Research University  
Lukyanova A.N.,  
secretary of the court session of the Oktyabrsky district court of Belgorod*

## REFLECTION OF NATIONAL MORAL GUIDELINES IN THE “PROVERBS OF THE RUSSIAN PEOPLE” BY V.I. DAHL

**Аннотация.** В статье представлен обзор пословиц из сборника В.И. Даля, отражающих понятия добра и зла. Обследованы такие разделы сборника, как «Добро – милость – зло», «Хорошо – худо», «Признательность». Выявлены смыслы, представляющие собой периферию концепта «Добро», отражающие представления и правила жизни русского народа в соответствии с нравственным ориентиром добра.

**Summary.** The article provides an overview of proverbs from the collection of V.I. Dahl, reflecting the concepts of good and evil. Such sections of the collection as “Good – Mercy – Evil”, “Good – Bad”, “Appreciation” were examined. The meanings are revealed that represent the periphery of the concept “Good”, reflecting the ideas and rules of life of the Russian people

in accordance with the moral guideline of the good.

**Ключевые слова:** пословица, ценность, добро и зло.

**Key words:** proverb, value, good and evil.

Научное и художественное творчество Владимира Ивановича Даля истине разнообразно: он остался в истории как прозаик, этнограф, лексикограф, собиратель русского фольклора и автор сказок. Подробнее остановимся на таком малом фольклорном жанре, как пословицы, собрание которых В.И. Даль выпустил в 1862 году.

По признанию самого Даля, при выборе материала для сборника был задействован следующий принцип: «все, что можно читать вслух в обществе, не извращенном чопорностью, ни излишнею догадливостью, а потому и обидчивостью, – всё это принимать в свой сборник» [Даль 2004: 6]. Автор с сожалением отмечает, что «мы не только сами не сочиним ни одной замечательной пословицы, а мы даже, как оказывается, плоховато понимаем готовые», однако при этом утверждает, что «толковать остроту или намек... пошло и приторно» [Даль 2004: 7], комментарии займут много места, поэтому в сборнике их нет. Заметим, что каждая из приведённых Далем пословиц заслуживает толкования в контексте, культурологического, а порой и историко-этимологического комментария, что не только является предметом рассмотрения учёных-лингвистов, но и может заинтересовать тех, кто обучается русскому языку на разных ступенях образования.

В основу сборника положен тематический принцип: пословицы группируются в соответствии с ключевыми словами, например, «Правда – Кривда», «Горе – Беда», «Добро – Милость – Зло». Даль указал, что именно такой порядок наиболее оптимален, чтобы «представить все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода» (с. 15). Как отмечает А. Вежицкая, принцип ключевых слов является одним из тех, что организует связь лексического состава языка с культурой [Вежицкая 2001: 35], поэтому сама композиция сборника помогает исследователю. Большинство из таких ключевых слов номинируют в русской языковой картине мира соответствующий концепт.

Опираясь на концепцию З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2007], которые представили полевую модель концепта, отметим, что ценностные и национально-культурные смыслы периферийной части концепта вербализованы с помощью пословиц, приведенных в сборнике. Рассмотрим некоторые примеры.

Обследуя раздел «Добро – милость – зло» [Даль 2004: 73-76], констатируем, что добро является несомненной ценностью. Добро определяется как потребность человека: *Сам с воробья, а сердце с кошку. На свете не без добрых людей. Добрый скорее дело сделает, чем сердитый. И у курицы сердце есть. С добрым жить хорошо. Доброму бог помогает. С доброхотом всякому в охотку. Ласково слово что весенний день. Лихо помнится, а добро век не забудется.* Значение добра и милости в человеческой жизни велико: *Милость и на суде хвалится. Красна милость и в правде. Милость подпора пра-*

восудию. Установленных правил и границ доброты нет: *Не худо, что просвира с поллуда. При этом отметим, что доброта не всегда является благом для доброго, в глазах окружающих она может выглядеть слабостью: Горького проклянут, а сладкого проглотят. Сердитого невзлюбили, а милостивого с кругу сбили.* Также показывается, что нужно нейтрально воспринимать добро и зло, не поддаваться и тому, и другому: *На ласковое слово не сдавайся, на противное не осержайся. На сердитое слово не осержайся, а на ласковое не надейся.*

Характеристике человеческой злобы отведено в пословичном фонде Даля почти в два раза больше места, чем доброте: *Как на лес взглянет, так и лес вянет. Не надо беса, коли ты здесь. От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем. Сердце с перцем, душа с чесноком.* Для характеристики данного качества часто используются зоосравнения: *Глядит, как змея из-за пазухи. Ястребом смотрит. Замашка воловья – глядеть исподлобья. Смотрит, как волк на теля. Надулся, как мышь на крупу. Комолая корова – хоть шишкою, да боднет;* метафоры, связанные с религиозными реалиями: *Дьяволом подложен бесом опушен. От него ни отмолиться, ни отбиться.*

С одной стороны, злость видится как глубинное качество, присущее от природы тому или иному человеку: *Змея кусает не для сытости, а ради лихости.* Природная злоба мешает адекватно воспринимать действительность: *У кого желчь во рту, тому всё горько. У злой Натальи все люди каналы.* С другой стороны, отмечается двойственная природа человека, которой свойственны не только гнев, злость, но и отходчивость, поэтому пословица призывает «учиться властвовать собой»: *Кто гнев свой одолевает, крепок бывает. Господин гневу своему – господин всему. Не всяк злодей кто часом лих.* При этом фиксируется стремление к прощению проступков и вины, если человек раскается: *Согрелся – осердился, простыл – остудился. Хотя осердится, да после смирится. Суди бог обидчика, а человек прощает. Бог простит, только вперед не каверзи.*

В разделе «Хорошо – Худо» [Даль 2004: 70-72] приведены речения, отражающие следующие смыслы: доброта – одна из главных заповедей человеческого бытия: *Добро наживай, а худо избывай. Доброго не бегай, а худого не делай. Люби ближнего, как себя. Добрым является то, что полезно: Что не годится, то и худо.* Доброта приносит пользу и себе, и окружающим: *Доброму человеку – что день, то и праздник. Жернова сами не едят, а людей кормят. Не ест супа толокна, а людей кормит. Добрый человек лучше каменного моста.* Хорошего трудно добиться, нужно приложить усилия: *За добрым делом находишься, худое само навяжется. Добра, что клада, ищут, а худо под рукой. Учись доброму, а худое и самое придет.* Зло, напротив, легко нажать: *Пусти черта в дом, не вышибешь его и лбом.* Существует высшая справедливость, и каждому воздастся за его дела: *Злому человеку не прибавит бог веку. Малая искра города пожигает, а сама прежде всех помирает. Алмаз алмазом решится, плут плутом губится. Добрый человек в добре проживет век. Кто добро творит, тому бог оплатит. Кто доброе тво-*

*рит, тому зло не вредит. Осуждается злословие и злорадство: Чужой бедой сыт не будешь. Чужие немоци не исцелят. Не смейся, горох: не лучше бобов. Ахал бы дядя, на себя глядя. Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах. Одобряется готовность к смирению и самопожертвованию: Лучшие самому терпеть, чем других обижать. Лучше мучиться, чем мучить. При этом отмечается и желание избежать зла за чужой счёт: Я на лед послов пошлю, а на мед сам пойду.*

В разделе «Признательность» (Даль 2004: 77-79) продолжается разделение на «добрых» и «злых» по отношению к таким качествам человека, как благодарность, искренность, щедрость, гостеприимство, великодушие. *Добрым является человек благодарный: И собака помнит, кто ее кормит. Добро должно быть бескорыстным: Своего спасибо не жалея, а чужого не жди. Скажешь спасибо, так ладно, а нет – и так хорошо. При этом в сборник помещены пословицы, прямо противоположные по смыслу: Из спасибо шубы не шить. Спасибо в карман не положишь. Спасибом сыт не будешь. Подали спасибо, да домой не донес. Возможно, возникшее противоречие снимается, если предположить, что первая группа выражений адресована дающему/дарящему, которому совесть не позволяет требовать чего-либо взамен, а вторая группа – получающему, благодарность которого должна быть соразмерна помощи: Чужой обед похваляй, да и сам ворота отворяй.*

Целая группа пословиц характеризует ситуацию, когда признательность и верность связаны не с душевным порывом, а с выгодой или нуждой: *На чьем возу сижу, того и песенку пою. Чье вино, того и заздравьце. У кого жить, тому и служить. Рука руку моет, и обе белы живут. Такое взаимовыгодное сотрудничество может оцениваться отрицательно: Рука руку чешет, а обе свербят.*

Резко порицается желание попрекать добром: *Лучше не давай, да не отымай! Лучше не дари, да после не кори! Сделав добро, не кайся. Ложкой кормит, а стеблом глаз колет. Ещё шире представлены пословицы, порицающие неблагодарное поведение: Разорвись надвое – скажут: а что не начетверо? Хорошего человека употчешь кусом, а худого не употчешь и гусем. Выпивши пиво, да тестя в рыло; а приевши пироги, тещу в кулаки. Я тебя выручил, а ты меня выучил.*

Таким образом, в представленных разделах отражены основные представления русского народа о добре как непреходящей ценности. Быть добрым и не делать зла, как видно из пословичного материала, – ведущая человеческая заповедь. Добрым считается то, что приносит пользу. Доброе отношение трудно заработать и легко потерять. Добро сопряжено со справедливостью, искренней благодарностью, щедростью, великодушием. Но в то же время добро воспринимается как слабость, поскольку добрый человек, готовый к самопожертвованию, не ответит соразмерно на обиду. Худое можно победить худым, а милостивому и доброму воздастся судьбой. Зло выражается в злословии, злорадстве, зависти. При этом отмечается, что злые поступки и гнев могут быть присущи любому, важно, насколько люди в состоянии контролировать и преодолевать это состояние.

В заключение отметим дидактическую ценность данного пословичного материала. Несмотря на то, что в анализируемых нами пословицах достаточно архаичных элементов, большинство из них концептуально не утратили своей актуальности. Было бы жаль, если бы в речи учеников осталось лишь выражение «Спасибо в карман не положишь».

#### **Литература и источники**

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во ЭУСКМО, Изд-во ННН, 2004. – 616 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

*Мальцева Г.Ю.,  
НИУ «БелГУ», г. Белгород  
Черемохина Д.А.,  
к.фил.н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### **КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ В.И. ДАЛЯ)**

*Maltseva G.Y.  
Assistant of the Department of Russian Language  
and Russian Literature, Belgorod State National Research University  
Cheremohina D.A.  
Associate Professor of the Department of Russian Language  
and Russian Literature, Belgorod State National Research University*

### **THE CONCEPT “LIFE” IN THE ETHNO-LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE V.I.DAHL’S PROVERBS)**

**Аннотация.** В статье представлены лингвокультурологический и коммуникативно-когнитивный подходы к исследованию этноязыковой картины мира в текстах русского фольклора на основе словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля. Исследуя лексико-грамматические средства объективации концепта «Жизнь» и связанного с ним концепта «Смерть», авторы выделяют основные концептуальные признаки, отражающие мудрость, традиции и нормы этноса. Анализу подвергаются значимостная, образная и ценностная составляющие концепта «Жизнь». В заключение делается вывод об амбивалентной природе концепта «Жизнь», порождающего концептуальные метафоры «Жизнь-Ценность» и «Жизнь-Жестянка».

**Summary.** The article presents the linguoculturological and communicative-cognitive approaches to the study of the ethno-linguistic picture of the world in the texts of Russian folklore based on the dictionary “Proverbs of the Russian people” by V.I. Dahl. Investigating the lexical and grammatical means of objectification of the concept “Life” and the concept “Death” associated with it, the authors highlight the main conceptual features that reflect the wisdom, traditions and norms of the ethnos. Significant, figurative and value components of the concept

“Life” are analyzed. In conclusion, the authors says about the ambivalent nature of the concept “Life”, which gives rise to the conceptual metaphors “Life-Value” and “Life-Tin”.

**Ключевые слова:** этноязыковая картина мира, концепт, фольклор, пословица, В.И. Даль.

**Key words:** ethno-linguistic picture of the world, concept, folklore, proverb, V.I. Dahl.

Современная антропоцентрическая парадигма научных исследований включает в себя изучение фольклорных текстов. Язык русского фольклора представляет собой отражение этноязыковой картины мира, аккумулирующей представления и ценности, сложившиеся в историческом прошлом народа и концептуально актуальные по сегодняшний день, он дает богатый материал для многоуровневого анализа духовной культуры человека. Ценным материалом для изучения этноязыковой картины мира, репрезентированной в русских пословицах, могут стать жемчужины русского народного творчества, которые собраны в колоссальном труде В.И. Даля «Пословицы русского народа». Сборник был опубликован в 1862 году и по настоящее время по праву считается важнейшим источником знаний о русском самобытном характере.

Задача этнолингвистики – рассмотрение языка «в его соотношении с этносом» и этноса «в его отношении к языку» [Герд 1995: 3]. Найти решение для этой задачи возможно лишь на базе таких областей научного знания, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Подобный методологический симбиоз представляется эффективным, поскольку позволяет изучить ментальные особенности этноса, обусловленные культурно-историческим развитием и представляющие в концентрированном виде результат этого процесса, через анализ структуры и вербальных репрезентантов концепта. Возможность данного подхода подтверждается в работах В.И. Карасика, который отмечает, что «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е., в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик 2004: 117].

Важное место среди значимых для этнокультуры концептов занимает концепт «Жизнь», рассматриваемый в работах исследователей, в частности, в словаре В.И. Даля, в бинарной оппозиции «Жизнь-Смерть». Контрастность проявляется не только при анализе понятийной составляющей концепта, но и в способах репрезентации концептуальных смыслов, что обусловлено генетической связью фольклора с мифом. Так, например, оппозициональность выступает одним из основных свойств русской пословицы, фольклорного жанра, в концентрированной форме сохраняющего мудрость, традиции и нормы этноса: *В рай просят, а смерти боятся; Жить надейся, а умерать готовься; Смерти боятся, а людей не стыдятся* [Даль 2004: 179-184]. Специфическая синтаксическая структура пословицы связана с семантической многоплановостью и глубиной, что позволяет анализировать тексты этого жанра с позиций коммуникативно-когнитивной лингвистики.

Отмеченная выше оппозициональность, значимая для описания концептуальных смыслов концепта «Жизнь», проявляется уже в структуре сборника пословиц: автор выделяет значимые для народа ментальные сферы *Вера – Грех, Вина – Заслуга, Горе – Утешение, Друг – Недруг, Жених – Невеста, Молва – Слава* и др.

Следует отметить, что концепт «Жизнь» в лингвокультурологическом аспекте рассматривается как макроконцепт, так как все сферы человеческой деятельности, все ситуации человеческого существования осмысливаются через их соотнесенность с жизнью и смертью человека. Жизнь в таком случае выступает мерилем всех сфер человеческого бытия, а смерть – как часть жизни, ее завершение. Значимостная составляющая лингвокультурологического концепта «складывается из анализа синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей слова-имени концепта» [Ипанова 2017: 72]. Рассмотрим эти связи на материале, представленном в словаре В.И. Даля.

Антонимические отношения. Универсальность данной диады проявляется в маркированности жизни знаком «положительно» и маркированности смерти знаком «отрицательно». Например, в словаре В.И. Даля в разделе «Жизнь – Смерть» противопоставление прослеживается в таких пословицах, как «*Живой смерти не ищет*», «*Жизнь надокучила, а к смерти не привыкнешь*», «*Жить – мучиться, а умереть не хочется*», «*Жить надейся, а умерать готовься!*», «*Умел пожить, умей и умереть*» [Даль 2004: 179-184] и др. Противопоставление выражается и на синтаксическом уровне: использование противительного союза «а», «да» (в значении «но»), бессоюзных конструкций со значением противопоставления (*День к вечеру – к смерти ближе*), следствия (*Живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься*) [Там же].

Синонимические отношения. Эвфемизм. В словаре В.И. Даля контекстуальная синонимия к слову *жизнь* не наблюдается, а слово *смерть* часто заменяется такими словами, которые должны скрыть, завуалировать отрицательно маркированное высказывание. Такой прием называется эвфемизацией. Язык фольклорных текстов содержит разнообразные эвфемизмы – специальное завуалированное обозначение предмета, о котором идет речь, с целью скрыть прямое наименование. Использование эвфемизмов в устном народном творчестве связано с древними народными верованиями, древними запретами (табу), породившими тайный язык.

Так, пословичный фонд словаря В.И. Даля представляет следующие варианты эвфемизации:

– замена словосочетаниями «век мой прошел», «ножки съезжил» (*Жил-был пожил, да и ножки съезжил*), «душа выйдет» (*Никто не увидит, как душа выйдет*), «ножки протянул» (*Лег, зевнул, да и ножки протянул*); «дышать на ладан» (*Пахнуть ладаном, Дышать на ладан*);

– существительными *погост* (*Люди мрут – нам дорогу трут. Передний заднему – мост на погост*), *могила* (*Живому нет могилы*), *гроб*, *домовина* (*Бойся, не бойся, а гроб теши!*); *Дом строй, а домовину ладь*),

- глаголами *приберет* (*Кого бог накажет, тот сам помрет, а другого любя приберет*), *не будет* (*И то будет, что и нас не будет*), *околеть* (*Жил собакой, околет псом*), *скончатся* (*Сегодня венчался, а завтра скончался*),
- сравнительными оборотами «как вол обуха» (*Жди как вол обуха, а не дрогни*),
- развернутой метафорой «закрывать глазки да лечь в салазки»,
- метафорами «деревянный тулуп», «под дерновое одеяльце», «в холодок, в темный уголок», «под заступ, под лопаточку», «на тот свет»,
- менами собственными (*Мирошка, Кондрашка*).

Образная составляющая концепта, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей <...>, а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами» [Попова, Стернин 2007: 194].

Перцептивный образ в структуре концепта «Жизнь» складывается из совокупности восприятий: зрительных, вкусовых, звуковых, обонятельных и других. Приемом актуализации образного уровня концепта в пословицах также является отмеченная выше оппозициональность. Так, некоторые вкусовые (*Жить горько, да и умереть не сладко*), звуковые (*Живется – поется, а умирает – дрягается; Кто родится – кричит, кто умирает – молчит*), цветовые (имплицитно Жизнь – День, Смерть – Вечер в пословице *День к вечеру – к смерти ближе*) образные варианты репрезентируют фрагмент этноязыковой картины мира русского народа. Перцептивная часть образной составляющей концепта выражает народную мудрость, связанную с осуждением жадности и алчности человека, его стремления к пресыщению в жизни (*Грешны, грешны, а щи лакаем; Ешь солоно, пей кисло, помрешь – не сгниешь* – вкусовые ассоциаты). Наказанием выступает Смерть, которая в сознании этноса предстает как неизбежность, характеризующаяся тишиной (*Перед судьей, да перед смертью замолчишь* – звуковые ассоциаты), отсутствием динамики (*Живи – почесывайся, умрешь – свербеть не станет* – тактильные ассоциаты), а также особыми обонятельными признаками (*пахнуть ладаном, дышать на ладан*). Интересен зрительный образ Смерти, который создается конверсивно: с одной стороны, смерть ослепляет (*На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь*), а с другой, – гасит огонь в душе человека, в его глазах (*Померк свет в очах*).

Когнитивный образ связан со способностью человеческого сознания опредмечивать абстрактные сущности, наделять их признаками и свойствами бытовых реалий. Так, концепт «Жизнь» находит воплощение в двух универсальных метафорах «Жизнь-Ценность» и «Жизнь-Жестянка», содержание которых репрезентировано в пословицах языковыми средствами разных уровней. Например, метафора «Жизнь-Жестянка» представляет сложность жизни человека и с физической, и с моральной стороны с помощью наречий (*плохо, горько, валко*), деепричастий (*кряхтя*), существительных (*без улыбки; каторга; не на*

*радость*), устойчивых сочетаний (*тяжел крест; ни в сито ни в решето*), сравнений с отрицанием (*жить – не лапоть сплести; не рукой махнуть; не сено трясти; не поле перейти*). Метафора «Жизнь – Ценность» актуализирует бережное отношение к жизни: *Дорога голова на плечах, Жизнь дана на добрые дела* и др. Таким образом, когнитивный и перцептивный образы жизни взаимосвязаны и актуализируют ее двойственную сущность: в сознании народа Жизнь предстает как динамический процесс с совокупностью звуковых, вкусовых, тактильных восприятий, тогда как Смерть осмысливается как статика, служащая логичным завершением трудного пути человека.

Ценностная составляющая концепта «Жизнь». Несмотря на то, что многие исследователи отмечают положительную маркированность концепта «Жизнь» в русском языковом сознании, следует говорить об амбивалентном отношении к жизни: жизнь хороша, если сравнить ее с еще большим злом – смертью. Материал, собранный в словаре В.И. Даля, дает больше отрицательных признаков концепта «Жизнь»: *«Живучи не улыбнешься...», «Жить вертко (валко)...», «Живешь – воз прешь...», «Жить горько...», «Жить плохо...», «Жить грустно...», «Как жить ни тошно...», «Жить – мучиться...», «Тяжел крест, да надо несть», «Жизнь – копейка...», «Тянуть лямку»*. Из положительных следует отметить концептуальную метафору «Жизнь – Сказка»: *жизнь – сказка, смерть – развязка, гроб – коляска, покойна, не тряска, садись да катись*.

Бинарность проявляется и в народном осмыслении человеческого существования как телесного и духовного. Телесное связывается со смертью, а духовное – с жизнью, бессмертием: *тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти; тело в тесноту, а душу на простор*. Кроме того, русскому языковому сознанию свойственно различное представление о смерти по итогам жизни: доброму человеку не смерть, а вечная память, воскресение, а злему – и злая смерть (*Смерть злым, а добрым вечная память, злему – смерть, а доброму – воскресение*).

В целом, данные словаря В.И. Даля подтверждают выводы О.А. Ипановой о том, что в русской языковой картине мира «жизнь активна, деятельна. Она влияет на человека, двигает им, изменяет его, помогает ему, является судьей, агрессором. Человек же, в основном, пассивен, подчиняется жизни, может только обвинить жизнь или пожаловаться на нее» [Ипанова 2017: 73].

#### Литература и источники

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1995. – 92 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2004. – 616 с.
3. Ипанова О.А. Концепт ЖИЗНЬ в русской языковой картине мира // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – №4(40). – 2017. – С. 60-75.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.

Озерова Е.Г.,

д. фил. н., проф. НИУ «БелГУ», г. Белгород

## СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И СИМВОЛЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Ozerova Elena G.,*

*Professor, Belgorod State National Research University*

### DICTIONARY OF V.I. DAHL AND SYMBOLS OF RUSSIAN CULTURE

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы культурной коннотации как познавательной и культурологической категории; на материале символа «колокол», который представляет значимый фрагмент русской культуры, выявляется своеобразие языкового сознания народа, вербально отображенного в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля.

**Summary.** The article deals with the issues of cultural connotation as a cognitive and cultural category; on the material of the «bell» symbol, which represents a significant fragment of Russian culture, the originality of the linguistic consciousness of the people is revealed, verbally reflected in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl.

**Ключевые слова:** словарь В.И. Даля, культурный феномен, коннотация.

**Key words:** dictionary of V.I. Dahl, cultural phenomenon, connotation.

Словарь В.И. Даля, безусловно, является объектом лингвистического анализа и культурологическим источником, поскольку слово демонстрирует «культурный компонент» (Н.Г. Комлев) и «культурно-национальную коннотацию» (В.Н. Телия). Поэтому смысловое наполнение и интерпретацию языковых средств, которые формируют культурный фон художественного текста, многие поколения филологов выявляют по словарям В.И. Даля, которые можно рассматривать как коммуникативный фактор культуры.

Кумулятивная специфика языка и культуры отражена в символах русской духовной жизни, одним из которых является *колокол*. Рассматривая дискурс колокола в русской культуре, Э.Р. Лассан отмечает, что «тема колокола является инвариантной темой русской поэзии, связующей нитью времён, с одной стороны, с другой – «связкой» с дискурсами других культур» [Лассан 2014: 40]. В качестве феномена русской культуры, «воплотившего интеграцию веры, искусства и быта» трактует колокол Н.С. Каровская, отмечая, что он «может рассматриваться в качестве одного из важнейших символов, олицетворяющих духовный мир нации» [Каровская 2014: 4]. Обратимся к дефиниции лексемы *колокол* и проследим специфику функционирования культурно-национальной коннотации этого слова. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «КОЛОКОЛ м. звон, церк. кампан; вылитый из меди (с примесью олова, серебра и пр.) толстостенный колпак; с развалистым раструбом, с ушами для подвески и с привешенным внутри биллом или языком» [<https://gufo.me/dict/Dahl/колокол>].

Следует отметить, что в настоящее время в России сформирована область научного знания – *кампанология*, которая занимается осмыслением и исследованием колокольного звона: кампан – номинация колокола, зафиксированная в Церковном Уставе. В начале VII в. в Кампани (местность Италии) впервые были изготовлены колокола [<https://azbyka.ru/kampany>]. Анализируя мир концептов-артефактов, В.А. Маслова замечает, что «родиной колокола многие учёные считают Китай, а первые колокольчики датируются XIII-XI вв. до н.э.» [Маслова 2005: 237]. Первоначально слово «колокол» имело негативный контекст, поскольку в тексте Нового Завета (1-е Коринфянам 13: 1) сказано: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» [Новый Завет 2007: 214]. Культурная коннотация является не только познавательной, но и культурологической категорией, репрезентирующей ценностно-смысловую специфику. Этнокультурные смыслы колокола содержатся в Словаре В. Даля и также имеют оттенки пейоративной коннотации: «*Колокол в церковь зовёт, а сам никогда не бывает. Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Язык есть, речей нет, вести подаёт. Звони поп в колокола, чтобы попадьё не спала. Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти! ... Чужой человек в доме колокол*» [<http://www.infoliolib.info/sprav/Dahl/00/624.html>]. Колокола, отмечает В.А. Маслова, «подвергались наказаниям. Так, в 1591 г. по приказу Бориса Годунова отрубили уши и вырвали язык Угличскому колоколу, сообщившему народу о гибели царевича Дмитрия» [Маслова 2005: 238].

Впоследствии ценностно-смысловой контекст колокольного звона трансформируется, что также находит отражение в Словаре В. Даля: «*Пришло счастье, хоть в колокола звони!*» [<http://www.infoliolib.info/sprav/Dahl/00/624.html>]. «Колокольный звон для русских – это жизнь, с ним проходят все важные события» (Маслова, 2005: 239-240), поэтому феномен колокола культурно закреплён во всех видах искусства:

- в живописи (Мария Якунчикова «С колокольни Саввино Сторожевского монастыря»; Исаак Левитан «Вечерний звон»; Илья Глазунов «Штурм града», «Русская старина»; Виталий Губарев «Колокольный звон»; Яна Иванчина «Колокольный звон»);

- в прозе: Николай Гоголь «Записки сумасшедшего», «Петербургские повести», «Мёртвые души»; Евгений Замятин «Русь»; Иван Бунин «Над городом»; Иван Шмелёв «Лето Господне»; Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»; Валентин Катаев «Алмазный мой венец»; Анатолий Рыбаков «Тяжёлый песок»; Василий Шукшин «Калина красная»; Александр Солженицын «В круге первом»; Даниил Гранин «Месяц вверх ногами»; Василий Гроссман «Жизнь и судьба»;

- в поэзии: Фридрих Шиллер «Песнь о колоколе»; Эдгар По, перевод Константина Бальмонта «Колокола и колокольчики»; Иван Бунин «С тёмной башни колокол уныло»; Вячеслав Иванов «Колокола поют на дне долины»;

Константин Бальмонт «Далёкий звон колоколов»; Афанасий Фет «Колокольчик»; Борис Пастернак «Музыка», «Мельхиор»;

• в музыке: русская народная песня «Вечерний звон», Михаил Глинка «Жизнь за царя»; Александр Бородин «Князь Игорь»; Пётр Чайковский «Борис Годунов»; Модест Мусоргский «Светлый праздник»; Сергей Рахманинов «Колокола», «Всенощное бдение»; Георгий Свиридов «Ой, звоны звонят»; Дмитрий Шостакович «Казнь Степана Разина»; Валерий Гаврилин «Перезвоны».

Как видим, феномен колокола является символом и неотъемлемой частью культуры. Например, в период Фоминой недели (первой недели после Пасхи) всем желающим разрешается звонить в колокола. Данная информация отображена в художественной действительности произведения «Чаша жизни» И.А. Бунина: *«На Святой, на Фоминой по целым дням трезвонили колокола над городом – и казалось, что это трезвон в честь её новой жизни, её первой радостной весны».*

В художественном тексте «действительность отражается посредством вербализации этнокультурной коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности» [Озерова 2015: 112]. Например, благодаря словарям В.И. Даля нами выявляется смысловое и культурное содержание таких сочетаний, как *чистый понедельник, святой день, Святой Дух*; словесное воплощение культурных концептов «Икона», «Ангел». Следовательно, словари В.И. Даля помогают «сохранять накопленный опыт и знания, ... упорядочивать весь этот массив знаний, ... интегрировать их в единую систему» [КСКТ 1997: 114] и интерпретировать ценностно-смысловые и культурные феномены.

Словарь Владимира Ивановича Даля демонстрирует, как культурные ценности отражаются в языковом сознании народа. Поскольку адресантом культурной памяти является человек как реальный субъект культурно-исторического процесса, который создаёт язык, представляющий собой определённую форму национально-культурного статуса общества, социокультурное становление языковой личности формируется благодаря культурно-языковой памяти. Своеобразие культурной традиции зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, который является культурным феноменом, представляющим когнитивно-семантический континуум.

#### Литература и источники

1. Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета / Библия. – М., 2007. – 294 с.
2. Каровская Н.С. Феномен колокола в русской культуре: Дисс. ... канд. культурологии. – Ярославль, 2000. – 201 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов [КСКТ] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. – 245 с.
4. Лассан Э.Р. Благовест сменяется набатом (дискурс колокола в русской культуре) // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2014, №3. – С. 28-41.
5. Озерова, Е.Г. Этнокультурная память лирикопрозаического текста / Е.Г. Озерова // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку: сб. материалов Межрегион.

*Петров А.В.,  
д. фил. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь*

## ИНФОРМАЦИЯ О КРЫМЕ В СЛОВАРЕ В. ДАЛЯ

*Petrov A.V.  
Department of Russian, Slavic and General Linguistics, KFU named after V.I.  
Vernadsky, Simferopol, professor*

### INFORMATION ABOUT CRIMEA IN THE DICTIONARY OF DAHL

**Аннотация.** В статье проанализирован топоним Крым, используемый в метаязыке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, в энциклопедических справках, сопровождающих толкование слова или иллюстративную часть словарной статьи. Даль широко вводит в метаязык Словаря авторский иллюстративный материал, в котором упоминаются топоним Крым, хрононим Крымская война, астионимы Перекоп и Севастополь, выдающиеся деятели, связанные с историей Крыма.

**Summary.** The article analyzes the toponym Crimea, which is used in the metalanguage of the «Explanatory Dictionary of the Russian Language» of V. Dahl, in encyclopedic references following the interpretation of a word or an illustrative part of a dictionary article. Dahl widely introduces into the dictionary's metalanguage the author's illustrative material, which mentions the toponym Crimea, the chrononym Crimean War, astionyms Perekop and Sevastopol, outstanding figures associated with the history of Crimea.

**Ключевые слова:** топоним Крым, Словарь В. Даля, метаязык, словарная дефиниция, иллюстрация.

**Key words:** toponym Crimea, V. Dahl's Dictionary, metalanguage, dictionary definition, illustration.

Цель исследования – выявить место топонима *Крым* в метаязыке Словаря В. Даля. Метаязык составляет основу любого словаря. Информацию, связанную с полуостровом, В. Даль передает с помощью включения в толкование слов или в иллюстративную часть словарной статьи топонима «Крым», относительного прилагательного «крымский», при помощи помет «крым.» / «крымс.» (крымский) и «таврч.» (таврический). Это свидетельствует о значимости топообъекта *Крым* для картины мира русского носителя языка XIX века.

Одной из важных составных частей словарного описания является иллюстративный блок – примеры употребления слов в разных языковых ситуациях. Смысл иллюстрирования, например, Г.Н. Складаревская видит в том, чтобы «а)... продемонстрировать разнообразные виды употреблений... б) давать энциклопедические сведения о денотате» [Складаревская 1994: 57–58].

В Словаре Даль использует два типа иллюстрирования: цитирование (поговорок, пословиц, летописей, фрагментов из художественных и публицистических произведений) и авторские предложения – словосочетания и предложе-

ния, созданные на основе лингвистического опыта, национальных чувств и предпочтений, а также языкового вкуса.

Так, в *гнезде перекапывать* находим следующую энциклопедическую информацию о Крыме: *Перекоп, канава или канава со рвом поперек чего, для непропуска, защиты, связи вод. Крым отрезан перекопом, окопом, рвом и валом, отчего и перешеек и город на нем Перекоп* [Даль, т. 3: 55]. Крымский город упоминается в некоторых произведениях В. Даля: «Выпотрошенные курицы лежали уже, чинно и по парно, на кухонном столе; старый вол, который сходил уже раз одиннадцать *под Перекоп* за солью, или в Одессу с арнауткой, был предан семейному пиру на жертву...» («Савелій Граб, или Двойник»); «По этой дороге Смарагд скользил через Херсон и *Перекоп* по ровной, гладкой, однообразной степи, не выдав ничего, кроме вьюги и метели...» («Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся»).

Из всех городов Крыма в Словаре назван *Перекоп* и неоднократно *Севастополь*. Упоминаются также *Арабатская стрелка* [Даль, т. 4: 345] и *Севастопольская бухта: В Севастопольскую бухту входят по створу двух маяков, поставленных за бухтой* [Даль, т. 4: 320].

Топообъекты *Крым* и *Дон* включены в энциклопедическую справку, сопровождающую толкование слова «чумак»: ‘юж. нврс. сар. млрс. протяжной извозчик на волах; в былое время, отвозили в *Крым* и на *Дон* хлеб, а брали рыбу и соль; этот промысел ныне сильно упал’ [Даль, т. 4: 614].

В иллюстративном материале представлено также население Крыма – крымцы. Из иллюстрации к слову «тара» ‘стар. водоходная посуда’ узнаем, что крымцы строили водоходные приспособления: *Крымцы поделали тары, да повезлись*. [Даль, т. 4: 390]. Крымцы делали набеги на Москву. Вал в срубках, построенный для защиты от крымцев в Москве по Садовой (1591), назывался Скородум-город, то есть выстроенный скоро [Даль, т. 4: 205]. В «Пословицах русского народа» в разделе «Русь – Родина» крымскотатарское население Крыма охарактеризовано следующим образом: «*Крымцы – селедники, садовники. Сельди тухлые*» [Даль 1957: 344].

Иллюстрации – авторские речения. Тема Крыма звучит в авторских иллюстрациях, связанных

а) с историческими сведениями покорения Тавриды / Крыма. В русских источниках, начиная с XVIII века, Крым именовался Тавридой: <http://Топонимический словарь Крыма. EdwART. 2011>: гнездо *подклонять* ‘кому покорить, подчинить’. *Екатерина подклонила державе своей Тавриду* [Даль, т. 3: 178]; гнездо *овладевать*: *Петр овладел Ингриею, Екатерина Крымом. Суворов овладел Измаилом приступом* [Даль, т. 2: 642]; гнездо *царь*: *Крым покорен в царство Екатерины, а Сибирь – в царствованье Иоанна IV* [Даль, т. 4: 571];

б) с упоминанием Потемкина, который руководил присоединением и первоначальным устройством Таврии и Крыма: *гнездо слава*: *Подновские огурчики (нижгр.) в славе, за ними Потемкин из Крыму гонцов присылывал* [Даль, т. 4: 215];

в) с ополчением: гнездо **друг** || Войско, рать в известном составе; *наше ополченье в 1812 и 1854 годах состояло из тысячных дружин* [Даль, т. 1: 496];

г) с введением хрононима «Крымская война». Например, в гнезде **шашал** иллюстрация закрепляет информацию о появлении в Крымскую войну вредителя-червя: «червь *Teredo*, вообще гусенички, кои точат, сверлят дерево, лес, избу, корабли и пр. **В крымскую войну** появился *шашень*, который просверливал патронные ящики и даже самые пули» [Даль, т. 4: 624].

Однако больше всего иллюстрации Даля отражают аллюзии к Крымской войне (1853–1856 гг.) с использованием астионима «Севастополь» как символа непокоренности русского духа. В иллюстративной части словарных статей содержится информация:

● о длительности блокады города: гнездо **прогромить**: *Неприятель прогромил Севастополь одиннадцать месяцев сряду* [Даль, т. 3: 478];

● о потере севастопольских доков: гнездо **взрывать**: *Севастопольские доки взорваны неприятелем* [Даль, т. 1: 201];

● о стойкости защитников города: гнездо **сидеть**: *Войско наше сидело в Севастополе насмерть, отсиживалось, обороняя крепость* [Даль, т. 4: 181]; гнездо **держать**: *Долго держался Севастополь* [Даль, т. 1: 431]; гнездо **окапчивать**: *Он окоптился в Севастополе*, понюхал пороху [Даль, т. 2: 662]. В гнезде **увенчивать** упоминается Павел Степанович Нахимов, который руководил обороной города: *Нахимов увенчал подвиги свои славною смертью* [Даль, т. 4: 463];

● о неимоверных потерях: гнездо **перегибать**: *Народу без числа перегибло под Севастополем*, погибло [Даль, т. 3: 43];

● о наблюдениях над врагом: гнездо **перебегать**: *Французы перебежчивее англичан, как испытали мы напр. под Севастополем* [Даль, т. 3: 35];

● о потере морской крепости: гнездо **провоевать**: *Мы провоевали Севастополь*, потеряли, утратили войною [Даль, т. 3: 472].

*Иллюстрации – цитаты.* Отмечено дословное воспроизведение иллюстрации, заимствованной Далем из «Словаря Академии Российской»: гнездо **шерть** «ж. стар. присяга мусульман на подданство. *Дать шерть. Шертовать*, присягать, давать клятву. *Как они влк. государю на куране шертовали и за весь Крым шертовали*, Акд.» [Даль, т. 4: 630]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера сказано, что слово «шерть» впервые встречается в русских грамотах 1474 года [Фасмер, т. 4].

В гнездо с вершиной **страх** («стар. Боящийся чего, робкий. *Московские войска ни которых людей так не страшны, как крымских*, Котошихин» [Даль, т. 4: 337]) Даль помещает цитату из сочинения Григория Карповича Котошихина – чиновника Посольского приказа, перешедшего на шведскую службу и написавшего сочинение «О России, в царствование Алексея Михайловича», являющееся источником по истории России XVII века. Расширим цитату: «...*Московские войска на Крымские войска поиску сыскати не*

могут никакого, потому что Московские войска ни которых людей так не страшны, как **крымских**» [О России...: 48].

В гнезде «юрт» ‘м., татар. владенье, область, земля, государство’ в качестве иллюстрации приводится цитата из летописи: *Астрахань Темира Кутлуев царев юрт, Казань Бараков царев юрт, Крым Тохтамышев царев юрт*, стар. летописн. [Даль, т. 4: 669]. Так ногайские мурзы в своих грамотах обычно рассматривали Астрахань, Казань и Крым как центры ханств, которые появились после краха Золотой Орды XV веке.

В качестве иллюстрации к глаголу «добрести» Даль приводит поговорку *Добредет, как хан до Крыма*: «добрести, с трудом дойти, дотащиться. *Добредет, как хан до Крыма*, разбитый» [Даль, т. 1: 443].

Таким образом, в Словаре В. Даля информация о Крыме содержится в толковании слова, в энциклопедической части словарной статьи и в иллюстративной части, представленной цитатами из летописей, из актуальных текстов эпохи и авторскими речениями, составленными в соответствии с менталитетом и духовными предпочтениями автора словаря.

#### Литература и источники

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. – М.: «ТЕРРА» – «TERRA», 1995.
2. Даль В. Пословицы русского народа. – М., 1957. – 992 с.
3. О России, в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Издание археологической комиссии. – СПб., 1859.
4. Склярская Г. Н. Новый академический словарь. – СПб., 1994. – 64 с.
5. Фасмер Ф. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986.

*Половнева М.В.,*

*к. фил. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

*Заманова И.Ф.,*

*к. фил. н., доц., БГИИК, г. Белгород*

### ТВОРЧЕСТВО В.И. ДАЛЯ В ОЦЕНКЕ В.Г. БЕЛИНСКОГО

*Polovneva M.V.*

*Associate Professor of the Department of Russian Language  
and Russian Literature, Belgorod State National Research University*

*Zamanova I.F.,*

*Associate Professor, Belgorod State Institute of Arts and Culture*

### WRITING OF V.I. DAHL IN THE VIEW OF V.G. BELINSKY

**Аннотация.** В данной статье предпринимается попытка представить мнения выдающегося критика XIX века В.Г. Белинского о творчестве В.И. Даля, рассмотреть те оцен-

ки, которые критик давал произведениям Казака Луганского, определяя суть его писательского таланта.

**Summary.** This article attempts to present the views of the outstanding critic of the 19th century V.G. Belinsky about the work of V.I. Dahl, to consider the assessments that the critic gave to the works of Kazak Lugansky, defining the essence of his writing talent.

**Ключевые слова:** критик, сказка, рассказ, повесть, физиологический очерк, жанр, талант, «натуральная школа», русский быт.

**Key words:** critic, fairy tale, story, story, physiological sketch, genre, talent, “natural school”, Russian way of life.

Когда произносится имя Владимира Ивановича Даля, то в сознании сразу возникает образ собирателя русских пословиц и поговорок, этнографа, автора «Толкового словаря живого великорусского языка». Однако мало кто знает о том, что в его биографии были страницы, связанные со службой морского офицера, с учебой на медицинском факультете Дерптского университета, что во время русско-турецкой войны выкристаллизовался его талант хирурга, что он увлекался гомеопатией, боролся с эпидемией холеры, участвовал в строительстве наплавных мостов и в разработке плана освобождения крестьян, управлял Нижегородской казенной палатой, был избран членом-корреспондентом Академии наук за собрание коллекций по флоре и фауне Оренбургского края, а также о том, что Даль сам писал сказки, много сделал для развития детской литературы, был поэтом и прозаиком, выступавшим под псевдонимом «Казак Луганский».

Первые стихотворные публикации Даля появляются в журнале «Славянин» в 1827 году, с 1830 года он выступает в печати уже как прозаик (повесть «Цыганка»), а в 1832 году выходит сборник «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый», экземпляр которого был подарен А.С. Пушкину, высоко оценившему сказки Казака Луганского. Наиболее плодотворными в литературном плане для Даля были 1840-е годы. В это время он печатается в «Современнике», «Москвитяине», «Отечественных записках», примыкает к «натуральной школе», обретает популярность писателя-беллетриста, а его имя получает известность за пределами России.

Многие современники Даля пытались разгадать загадку его таланта и объяснить востребованность у читательской аудитории его произведений, которые не могли поразить воображение ни сложностью и замысловатостью сюжета, ни созданием глубоких и многогранных характеров. В этой связи интересно мнение такого авторитетного критика, как Виссарион Белинский, о котором, в свою очередь, так писал И.С. Тургенев: «Белинский, бесспорно, обладал главными качествами великого критика; и если в деле науки, знания ему приходилось заимствовать от товарищей, принимать их слова на веру – в деле критики ему не у кого было спрашиваться; напротив, другие слушались его; почин оставался постоянно за ним. Эстетическое чутье было в нем почти непогрешительно; <...>; он сразу узнавал прекрасное и безобразное, истинное

и ложное и с бестрепетной смелостью высказывал свой приговор – высказывал его вполне, без урезок, горячо и сильно, со всей стремительной уверенностью убеждения. <...> Другое замечательное качество Белинского как критика было его понимание того, что именно стоит на очереди, что требует немедленного разрешения, в чем сказывается «злоба дня» [Тургенев 1983: 29-31].

Держа руку на пульсе времени, предчувствуя потребности насущного дня, В.Г. Белинский отмечает важность физиологического очерка «натуральной школы», защищает и этот жанр, и представителей данного направления в литературе от нападков в их адрес. Так, например, в «Ответе «Москвитянину» критик опровергает упреки в адрес представителей «натуральной школы» в незнании русского народа, ссылаясь на творчество Даля: «Сошлемся в особенности на того же Даля, о котором мы уже упоминали: из его сочинений видно, что он на Руси человек бывалый; воспоминания и рассказы его относятся и к западу и к востоку, и к северу и к югу, и к границам и к центру России; изо всех наших писателей, не исключая и Гоголя, он особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до малейших подробностей, знает, чем владимирский крестьянин отличается от тверского, и в отношении к оттенкам нравов и в отношении к способам жизни и промыслам. Читая его ловкие, резкие, теплые типические очерки русского простонародья, многому от души смеешься, о многом от души жалеешь, но всегда любишь в них простой наш народ, потому что всегда получаешь о нем самое выгодное для него понятие» [Белинский 1982: 327].

В обзоре «Русская литература в 1845 году» уже читаем: «Из этих последних статей мы должны указать на «Денщика» В.И. Луганского, как на одно из *капитальных* произведений русской литературы. В.И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*. Повесть с завязкою и развязкою – не в таланте В.И. Луганского, и все его попытки в этом роде замечательны только частностями, отдельными местами, но не целым. В физиологических же очерках лиц разных сословий он – истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, то есть не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле – воспроизведения действительности во всей ее истине. «Колбасники и бородачи», «Дворник» и «Денщик» – образцовые произведения в своем роде, тайну которого так глубоко постиг В.И. Луганский. После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» [Белинский 1982: 26]. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский указывает на помещенную в «Отечественных записках» повесть «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» Луганского как на «замечательное произведение легкой литературы прошлого года», отмечая, что произведение интересно «не как повесть, а как мастерский физиологический очерк бытовой стороны жизни»: «Мы не скажем, чтобы соб-

ственно повесть Луганского не имела интереса; мы хотим только сказать, что она гораздо интереснее своими отступлениями и аксессуарами, нежели своею романическою завязкою. Так, например, превосходная картина избы с резными окнами, в сравнении с малороссийскою хатою, лучше всей повести, хотя входит в нее только эпизодом и ничем внутренне не связана с сущностью ее содержания. Вообще, в повестях Луганского всего интереснее подробности, и «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» в особенности богато интересными частностями, помимо общего интереса повести, которая служит тут только рамкою, а не картиною, средством, а не целью» [Белинский 1982: 214-215].

Когда же в 1846 году выходят «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», то критик в очередной раз отмечает, что истинным призванием Казака Луганского являются физиологические очерки: «Вглядываясь в произведения самобытного таланта, всегда находите в них признаки сильной склонности, иногда даже страсти к чему-нибудь одному, и по тому самому такой талант становится для вас истолкователем овладевшего им предмета. Он делает его для вас доступным и ясным, рождает в вас к нему симпатию и охоту знать его. К числу таких-то талантов принадлежит талант г. Даля, прославившегося в нашей литературе под именем *Казака Луганского*. В чем же заключается особенность его таланта? Об этом мы пока не будем говорить, а скажем, в чем заключается господствующая склонность, симпатия, любовь, страсть его таланта. Заключается все это у него в русском человеке, русском быте, словом – в мире русской жизни. <...> Любовь г. Даля к русскому человеку – не чувство, не отвлеченная мысль: нет! это любовь деятельная, практическая. <...> К особенности его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого *крестьянином* и *мужиком*. И – боже мой! – как хорошо он знает его натуру! он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком. Он знает его добрые и его дурные свойства, знает горе и радость его жизни, знает болезни и лекарства его быта...» [Белинский 1982: 513-514].

Примечательно, что любовь к русскому народу как основную черту личности Даля отмечают все его современники. Вот как об этом пишет И.С. Тургенев: «Небо не всегда внимает молениям смертных; <...>, а Казаку Луганскому, вероятно, без всякой с его стороны просьбы, определило быть писателем действительно народным. Мы более всего ценим в таланте единство и округленность: не тот мастер, кому многое дано, да он с своим же добром сладить не может, но тот, у кого всё свое под рукой. А г. Далю и многое дано, и владеет он своим талантом мастерски, особенно там, где он у себя дома. <...> В наших глазах тот заслуживает это звание, кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом. Мы употребляем здесь слово «народный» <...> в его

исключительном, ограниченном значении. Для того чтоб заслужить название народного писателя в этом исключительном значении, нужен не столько личный, своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность. В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г. Далем. Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев» [Тургенев 1978: 277-278].

Выявляя и характеризуя специфику таланта Даля, критик делит его творчество в жанровом отношении на «на три разряда»: «*русские народные сказки, повести и рассказы и физиологические очерки*» [Белинский 1982: 515]. Отмечая, что в творческом наследии Даля «особенно много» сказок, автор критической статьи признается, что «не совсем понимает этот род сочинений»: «Ведь простой народ не прочтет, даже не увидит вашей книги, а для образованных классов общества – что такое ваши сказки?.. С такими мыслями взялись мы читать сказки г. Даля; но если, прочтя их, мы не переменили таких мыслей, то значительно смягчили их строгость, по крайней мере в отношении к г. Далю. Он так глубоко проник в склад ума русского человека, до того овладел его языком, что сказки его – настоящие русские народные сказки...» [Белинский 1982: 515]. Интересно, что после появления в «Молве» в 1835 году «Былей и небылиц Казака Луганского» Белинский тогда очень скромно оценил талант писателя, давая ему весьма нелестную характеристику: «Вот, например, сколько шуму произвело появление Казака Луганского! Думали, что это и невесть что такое, между тем как это ровно ничего; думали, что это необыкновенный художник, которому суждено создать народную литературу, между тем как это просто балагур, иногда довольно забавный, иногда слишком скучный, нередко уморительно веселый и часто приторно натянутый. Вся его гениальность состоит в том, что он умеет кстати употреблять выражения, взятые из русских сказок; но творчества у него нет и не бывало; ибо уже одна его замашка переделывать на свой лад народные сказки достаточно доказывает, что искусство не его дело» [Белинский 1976: 369-370]. Однако, спустя десятилетие, критик изменил свое мнение, и в статье 1846 года он уже отмечает мастерство Казака Луганского в создании сказок и именно им объясняет тот «великий соблазн», который движет писателем к созданию этого жанра, указывает на читательский интерес к ним, но все-таки «не пожелает им дальнейшего размножения...» [Белинский 1982: 515]. По мнению критика, для читателей важнее жанры повести и рассказа, в которых Даль «является человеком бывалым»: «Г-н Даль – это живая статистика живого русского народонаселения... Между повестями его есть не совсем удачные, каковы, например, «Савелий Граб», «Мичман Поцелуев», «Бедовик»... Они скучны в целом, но в подробностях встречаются драгоценные черты русского быта, русских нравов. Многие рассказы очень занимательны, легко читаются и незаметно обогащают вас такими знаниями, которые, вне этих рассказов, не всегда можно приобрести и побывавши там, где бывал Даль»

[Белинский 1982: 516]. Однако истинное призвание Даля Белинский связывает с созданием физиологических очерков: «В физиологических очерках своих Даль является уже не просто бывалым, умным, наблюдательным человеком и даровитым литератором, но еще художником... В самом деле, для того чтобы написать «Дворника», «Денщика» и «Колбасники и бородачи», мало наблюдательности и самого строгого изучения действительности: нужен еще элемент творчества. Иначе изображения дворника, денщика и купцов с купчихами и купеческими дочерьми не являлись бы в статьях г. Даля типами, не поражали бы своею живою, внутреннею верностию действительности, не врезывались бы навсегда и так глубоко в памяти того, кто прочел их раз... Их можно не только читать, но и перечитывать, и каждый раз будут они казаться все лучше и лучше» [Белинский 1982: 516]. А далее критик пытается проследить эволюцию художественного творчества Даля: «Нам кажется, что г. Даль, пиша русские сказки, повести и рассказы, искал настоящей дороги для своего таланта, а написавши «Дворника», «Денщика», «Колбасники и бородачи», нашел ее... Это подтверждается отчасти повестью «Бедовик»: в ней мы видим, как бы в зародыше, то лицо, которое так полно и богато, так ясно и резко обозначилось потом в «Денщике». Как бы то ни было, но физиологические очерки г. Даля считаем мы перлами современной русской литературы и желаем и надеемся, что теперь г. Даль обратит свой богатый и сильный талант преимущественно на этот род сочинений, не теряя более времени на сказки, повести и рассказы...» [Белинский 1982: 516].

В очередной раз на то, что «настоящий род» Даля – «физиологические очерки разных сторон русского быта и русского люда» [Белинский 1982: 398], Белинский укажет в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «К замечательнейшим повестям прошлого года принадлежит «Павел Алексеевич Игривый», повесть г. Даля («Отечественные записки»). Карл Иванович Гонобобель и ротмистр Шилохвастов, как характеры, как типы, принадлежат к самым мастерским очеркам пера автора. Впрочем, все лица в этой повести очерчены прекрасно, особенно дражайшие родители Любоньки; но молодой Гонобобель и друг его Шилохвастов – создания гениальные. Это типы довольно знакомые многим по действительности, но искусство еще в первый раз воспользовалось ими и передало их на приятное знакомство всему миру» [Белинский 1982: 401-402].

В этой же статье Белинский указал на то, что «много аналогии с талантом Луганского» имеет талант Тургенева, который, в свою очередь, охарактеризовал «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» как «замечательное и самобытное дарование», а, стараясь определить «составные элементы его таланта», отмечал следующее: «Г-н Даль очень умен, – в этом нет сомнения; но он еще более смышлен, смышлен русской смышленостью. На своем веку он, должно быть, видал и смекал многое. У него мало юмора, но русского игривого остроумия у него бездна. <...> Слог у Даля чисто русский, немножко мешковатый, немножко небрежный (и нам крайне нравится эта

мешковатость и небрежность), но меткий, живой и ладный. <...> У г. Даля гораздо более памяти, чем воображения; но такая верная и быстрая память стоит любого воображения. <...> разве не талант – умение одним взглядом подметить характеристические черты края, народонаселения, уловить малейшие выражения разных – говоря высоким слогом – личностей и, среди всякого рода дразгов и мелких хлопот, сохранить неизменную, непринужденную веселость?» [Тургенев 1978: 278-280].

И сегодня, безусловно, уже никто не сомневается в том, что судьба определила Даля «быть писателем действительно народным» [Тургенев 1978: 277].

#### **Литература и источники**

1. Белинский Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834 – 1836. – М.: Худож. лит., 1976. – 736 с.
2. Белинский Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т.8. Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 – март 1848. – М.: Худож. лит., 1982. – 783 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834-1849. – М.: Наука, 1978. – 574 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 11.
5. «Литературные и житейские воспоминания», биографические очерки и некрологи, автобиографические материалы, незавершенные замыслы и наброски, 1852-1883. – М.: Наука, 1983. – 530 с.

***Проненко В.М.,***

*учитель русского языка и литературы  
МОУ «Майская гимназия», пос. Майский*

### **ПИСАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ В.И. ДАЛЯ (КАЗАКА ЛУГАНСКОГО)**

***Pronenko V.M.***

*teacher of Russian language and literature  
of the Maiskaya Gymnasium, village. May Day*

### **THE WRITING EXPERIENCE OF V.I. DAHL (COSSACK OF LUGANSK)**

**Аннотация.** Рассматривается писательское дарование В.И. Даля, его роль в развитии русской литературы XIX века, отмечаются особенности языка его произведений, тяготение к бытовым зарисовкам в духе «физиологического очерка», к широчайшему использованию в тексте пословиц, метких образных словечек и других форм фольклора. Анализируются лучшие произведения писателя, отмечается его творческие связи с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем.

**Summary.** The author considers the writer's talent of V. I. Dahl, his role in the development of Russian literature of the XIX century, notes the peculiarities of the language of his works, the attraction to everyday sketches in the spirit of «physiological essay», to the widest use

of proverbs, apt figurative words and other forms of folklore in the text. The best works of the writer are analyzed, his creative connections with A. S. Pushkin and N. V. Gogol are noted.

**Ключевые слова:** народный, Даль, совмещение профессий, собирание слов, произведение, культура

**Key words:** Dahl, folk, combining professions, collecting words, work, culture

*Заслышав зов, уйду пред утром непосильным,  
В угодия твои, четырехтомный Даль,  
Отчизны языка всеведущий спаситель,  
Прощенье ниспошли и утешенье дай...*

Белла Ахмадулина

Все, кому дорого русское слово, с особым трепетом произносят имя Владимира Ивановича Даля. Всю свою жизнь Даль посвятил России, русскому народу, русскому языку, русскому слову. Хочется, чтобы современные дети знали этого великого человека и любили свою Родину, русский язык, как любил его В.И. Даль. Во Владимире Ивановиче было что-то от титанов Возрождения. Моряк, искусный хирург, музыкант (он отлично играл и пел), знаток ботаники и зоологии (по его учебникам училась вся Россия). Он создал музей в Оренбурге. Знал топографию, делал съёмки маршрутных карт границ Хивинского ханства. Умелый слесарь, столяр, печник. Он был фольклористом, под псевдонимом Казак Луганский издал переработанные им русские сказки. В оренбургский период он создал лучшие свои повести, рассказы, очерки, в те времена его даже ставили рядом с Гоголем.

Говоря о Дале, все мы имеем в виду его «Толковый словарь живого великорусского языка». Словарь этот – уникальное явление в истории мировой литературы, это национальная сокровищница русской культуры. Словарь В.И. Даля создавался несколько лет. Принялся он за эту работу по настоянию А.С. Пушкина, с которым познакомился осенью 1832 года и подарил поэту свою первую книгу сказок. Сказки Пушкину понравились, и он отозвался о них с восхищением. Много раз доводилось им потом встречаться. Пушкин серьёзно относился к поисковой работе друга. Он много подарил Далю интересных слов и сюжетов народных сказок. Одна из таких сказок об орле и вороне, рассказанная Далю поэтом в Оренбурге, вошла в повесть «Капитанская дочка».

До опубликования Далем своих основных работ русский писатель Н.В. Гоголь сказал о нём: «...каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигает ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни...».

Любовь к украинской культуре сблизила Владимира Ивановича с Тарасом Шевченко, с Григорием Квиткой-Основьяненко, братьями Лазаревскими, с автором слов бессмертного романа «Очи чёрные» Евгеном Гребинкой. Сам Владимир Иванович оставил в наследие не только Толковый словарь, но и много литературных произведений. Но когда же именно появляется его литературный псевдоним «Казак Луганский», прославивший свою родину на

весь мир? Первой работой Владимира Ивановича, подписанной псевдонимом «Казак Луганский», была статья «Слово медика к больным и здоровым», положения которой остаются актуальными и в настоящее время. Основное внимание в статье обращается на необходимость правильного образа жизни: «Тот, кто в движении и не наедается досыта, реже нуждается в пособии врача». А первая книга В.И. Даля под псевдонимом Казак Луганский, «Русские сказки. Пяток первый», вышла в 1832 году. Но книга вскоре была изъята из продажи, так как цензоры усмотрели противоправительственный пафос сказки о царе Додоне, Золотом Кошеле: «...книга напечатана самым простым слогом, вполне приспособленным для низших классов, для купцов, для солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдата и пр.».

В 1848 году над Далем снова нависла угроза ареста за рассказ «Ворожейка», в котором власти усмотрели «порицание действий начальства». Героиня рассказа, цыганка-гадалка, ловко одурачила полицейского. Власти восприняли это как поклеп на себя. В.И. Далю поставили условие: «Служить – так не писать, писать – так не служить». Но Владимир Иванович не мог не служить, потому что это был единственный доход его большой семьи из девяти душ. И не писать уже не мог.

С самого начала литературной деятельности он обнаружил тяготение к бытовым зарисовкам в духе «физиологического очерка», к широчайшему использованию в тексте пословиц, метких образных словечек и других форм фольклора.

В 1839 г. в «Отечественных записках» появилась повесть «Бедовик». Это, по словам Белинского, «лучшее произведение Казака Луганского». Герой произведения – скромный и благородный молодой уездный чиновник Евсей Стахеевич Лиров, которого называют «бедовиком», т. е. неудачником. Он «ходит по бедам», чтобы «не видеть своими глазами на каждом шагу, как всякая правда живет подчас кривою», как «бестолковому тунеядному обычаю» дают повсюду «силу житейского закона». Прослышав в своем городе чудаком, Лиров собрался в Питер или Москву с надеждой «жить не местом, а жалованием», и его путешествие стало цепью различных приключений, встреч, дающих возможность автору «сбиваться на посторонние предметы», попутно описывать губернский город, почтовые станции, эпизоды военной службы, словом, неповторимые черты русского быта, включавшего и характеристику нравов, замеченных полно, богато, ясно и резко.

Правдивые подробности, типы, выхваченные из самой толщи народной жизни, отразил Владимир Даль и в повести «Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей» (1843). «Не ищите в записках живого человека повести или романа, т. е. сочинения; это ряд живых картин», — предупреждал Даль. Достоверны и метки наблюдения автора над жизнью героя, бывшего и дворовым, и солдатом, и домашним учителем, и лекарем в уездном городишке... Пестрая био-

графья Чайкина дала писателю возможность показать различные социальные круги, выступить против бесправия крестьян, самодурства крепостников, взяточничества и беззакония. В центре произведения – история разночинца Вакха, стремящегося принести пользу, заботящегося об общем благе. Многие картины из жизни Чайкина исполнены обличающей силы. Это вставные рассказы об уездном землемере-взяточнике; о фельдшере, беззастенчиво обирающем крестьян; о помещике, купившем мертвые души; об обмане, царящем в военном госпитале, где во время генеральского осмотра трудных больных выпроваживают «в корчму либо баню, чтоб на глаза не попадались», и другие «живые картины», знакомящие с Россией 30-40-х гг. XIX в.

Охотно обращался писатель к воспроизведению жизни простолюдина, возражая тем, кому она «кажется однообразною, незанимательною». Крестьянской теме посвящает он повесть «Хмель, сон и явь» (1843). С любовью, привлекая интереснейшие этнографические подробности, изображает автор быт крестьян среднерусской полосы, вынужденных уходить на отхожие промыслы, чтобы прокормить семью. Талантливо раскрыта драматическая история Степана Воропаева, хорошего плотника, человека совестливого, способного к чистосердечному раскаянию, но склонного к выпивке. Обличающая сила произведения несколько ослаблена тем, что причину невзгод и несчастий Воропаева Даль объясняет лишь пьянством. Основное достоинство повести, отмеченное демократической критикой, – в утверждении права литературы на изображение труженика, представителя низшего сословия.

Простые люди – солдаты, крестьяне, ремесленники – герои физиологических очерков Даля «Уральский казак», «Петербургский дворник», «Денщик», «Русак» и др. Эти произведения высоко ценил Белинский, наряду с обличающими чиновников рассказами писателя «Мертвое тело», «Хлебное дельце», «Двухаршинный нос».

В 1844 г. была опубликована повесть «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета», получившая лестную оценку В. Белинского. Сюжет ее – жизнь мнимого художника, музыканта, который, по словам самого автора, «невпопад пустился в Гении», и его собаки Аршета – что значит, в переводе с французского, смычок. Их история полна забавных приключений.

В 1847 г. в «Отечественных записках» появилась повесть Даля «Павел Алексеевич Игривый». Главный герой ее – в молодости деятельный помещик, человек отзывчивый и добрый, постепенно, пережив разочарование в любви, опускается, утрачивает смысл жизни и влачит, наконец, полурастительное существование. Но наружность обманчива. Судьба Игривого – сплошное самопожертвование, столь привлекательное в образе этого, по словам Белинского, «комически робкого и стыдливого» героя. В повести обрисованы трагическая участь всю жизнь любимой Павлом Алексеевичем Любоньки Гонобобель, деспотичная фигура ее мужа, помещика Гонобобеля, и ротмистра Шилохвостова.

Перу Даля принадлежат отличающиеся богатым языковым разнообразием повести из русской жизни: «Колбасники и бородачи» (1844), «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» (1846), «Савелий Граб, или Двойник» (1848), «Отец с сыном» (1848), «Картины из русского быта», рассказы для детей.

Народным писателем называл Даля И.С. Тургенев, восхищаясь тем, что «русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев». Высокую оценку художественным произведениям писателя давали В. Белинский, Н. Некрасов, А. Герцен, М. Горький, хотя они и отмечали умеренность его политических взглядов. Лучшие творения Даля привлекательны и сегодня достоверностью жизненных наблюдений, образностью народного языка, любовью писателя к простому человеку.

Сейчас в школе появилась возможность познакомиться с литературным творчеством В.И. Даля на уроках родной литературы. Надеемся, что изучение произведений Владимира Ивановича Даля будет чрезвычайно полезным для современных школьников.

#### **Литература и источники**

1. Бессараб М. Я. Даль Владимир Иванович. О нём. М., 1961.
2. Даль В. И. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. М. – Л. Гослитиздат., 1961.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, Изд-во ННН, 2000.
4. Даль В. И. Словарь живого великородного языка. Изд-во 3-е – СПб., 1903 – 1909гг.

***Родионова И. Г.,***

*канд. фил. н., доцент, ПГУ, г. Пенза*

### **ПРИШЛО СЧАСТЬЕ, ХОТЬ В КОЛОКОЛА ЗВОНИ: ОБ ОДНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ ГИПЕРБОЛИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ПОСЛОВИЦАХ, СОБРАННЫХ В.И. ДАЛЕМ**

***Rodionova I. G.***

*Associate Professor of the Department  
of Russian Language and Methods of Teaching  
the Russian Language, Penza State University*

### **HAPPINESS HAS COME, JUST RING THE BELLS: ABOUT ONE ANALYTICAL WAY OF EXPRESSING HYPERBOLIC ACTION IN THE PROVERBS COLLECTED BY V.I.DAHL**

**Аннотация.** Рассматриваются особенности использования в текстах пословиц аналитической конструкции, представленной частицей *хоть* и глаголом в форме императива, для выражения гиперболического действия. Обращается внимание на структурно-семантические типы пословичных текстов, включающих данную конструкцию. Делается

вывод о том, что её употребление, с одной стороны, отражает когнитивные особенности русского народа, а с другой – показывает возможности грамматической системы русского языка, позволяющей передать тончайшие оттенки смысла.

**Summary.** The article deals with the peculiarities of using in the texts of proverbs an analytical structure, represented by a particle *hot'* a verb in the form of an imperative, to express a hyperbolic action. Attention is drawn to the structural and semantic types of proverbial texts that include this construction. It is concluded that its use, on the one hand, reflects the cognitive characteristics of the Russian people, and on the other hand, it shows the capabilities of the grammatical system of the Russian language, which makes it possible to convey the subtlest nuances of meaning.

**Ключевые слова:** пословица, аналитическая конструкция, частица, глагол, гиперболическое действие.

**Key words:** proverb, analytical construction, particle, verb, hyperbolic action.

Пословицы, собранные В. И. Далем [Даль 2009], представляют собой уникальный материал для лингвистических исследований. В частности, интересным видится выявление особенностей употребления в текстах пословиц глагольных форм. Академик В.В. Виноградов отмечал: «Структура глагола, сохраняя элементы синтетического строя, осложнена приёмами агглютинативного построения и сложными формами аналитических конструкций <...>. Почти половина формальных слов-частиц обслуживает главным образом синтаксическую систему глагола, его конструктивные потребности» [Виноградов 1972: 511].

Одной из аналитических конструкций, которые активно используются в пословицах, собранных В.И. Далем, является сочетание частицы *хоть* с формой повелительного наклонения глагола: *Затянул песню, так допевай, хоть тресни; Хоть овин гори, а молотильщиков корми; У упрямого на голове хоть кол теши!; Хоть его в сад посади, и сад привянет*. Несмотря на императивную форму, глагол с частицей *хоть* не выражает побуждения к действию, а называет гиперболическое, невероятное, нереальное действие. Данный факт подтверждает слова В.В. Виноградова о том, что в русском языке основная форма повелительного наклонения, свободная от императивной интонации, выходит далеко за пределы императивных синтаксических конструкций [Там же: 455].

Методом сплошной выборки в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля было выделено около 100 пословиц, содержащих аналитическую конструкцию, представленную сочетанием частицы *хоть* с формой повелительного наклонения глагола. Частица всегда находится в препозиции. Она может занимать не только контактное, но и дистантное положение, актуализируя зависимое от глагола слово, называющее а) субъект действия: *После меня хоть волк траву ешь!* б) объект действия: *Слово сказал, так на нём хоть терем клади*, в) обстоятельство, при котором совершается действие: *Кому скоромным куском подавиться – хоть век постись, комара проглотишь, подавишься*. Несмотря на это, именно глагол в сочетании с частицей образует предикативную основу и определяет структуру простого или сложного предложения.

Важно отметить, что рассматриваемая аналитическая конструкция является экспрессивно окрашенной. Экспрессивность большинства пословиц подкрепляется восклицательной интонацией, графически отражённой с помощью восклицательного знака.

Структура предложений-пословиц, включающих аналитическую конструкцию, представленную сочетанием частицы *хоть* с императивом, не всегда может быть квалифицирована однозначно, поскольку в пословичных текстах нередко утрачены живые синтаксические связи между словами в простом предложении и связи между предикативными частями сложного предложения. Однако, по нашему убеждению, такие конструкции, находящиеся на периферии синтаксической системы, не должны выпадать из поля зрения лингвистов, поскольку они позволяют полнее представить весь синтаксический строй русского языка и расширить знания о языке в целом.

В ходе анализа нами были выявлены следующие структурно-семантические типы пословичных текстов, включающих сочетание частицы *хоть* с императивом.

1. **Простое предложение**, в котором рассматриваемая аналитическая конструкция занимает позицию осложнённого простого глагольного сказуемого, называющего гиперболическое действие. По структуре предложение чаще всего односоставное: *На словах твоих **хоть** **выспись***; *Дело это **хоть** в рукавички **обуй** (т. е. готово)*; *Бабе **хоть** кол на голове **теши***; *На нём **хоть** дрова **коли** (**хоть поезжай**)*; *Мёртвым (Мёрзлым) телом **хоть** забор **подпирай!*** или двусоставное с нарушением живой синтаксической связи между подлежащим и сказуемым: *После меня **хоть** трава не расти!*

2. **Сложносочинённое предложение** с противительно-сопоставительными отношениями с союзом *а*: *Дело делу рознь, а иное **хоть** брось*. Отметим возможность разного лексического наполнения первой части предложения при единообразии второй предикативной части, содержащей рассматриваемую аналитическую конструкцию. В данном случае можно говорить о единой модели создания пословичных текстов, в которых, несмотря на различия в содержании первой части, гиперболическое действие является одинаковым, что подчёркивает возможность одинаковой реакции субъектов действия на разные ситуации: *Дружба дружбе рознь, а иную **хоть** брось*; *Гость гостю рознь, а иного **хоть** брось*.

Пословицы, представленные сложносочинёнными предложениями с противительно-сопоставительными отношениями, часто содержат антонимы (в том числе контекстуальные), которые находятся в разных предикативных частях. При этом в одной части называется (или подразумевается) реальное, выполнимое действие, а в другой – гиперболическое действие, представленное глаголом с частицей *хоть*. Включение в состав пословиц антонимов и глаголов разного модально-семантического плана усиливает противопоставление и повышает экспрессивность текстов: *Отдай моё, а своим **хоть** подавись*; *Под гору вскачь, а в гору – **хоть** плачь*; *Языком **хоть** ноги лижи, а руки покорооче держи*.

Обращает внимание использование во второй части пословиц с противительно-сопоставительными отношениями наречия *там*, относящего высказывания к плану будущего и выражающего безразличное отношение говорящего к последующему гиперболическому действию: *На кисель, на блины, а там хоть святых менять понеси*; *Было б хожено да лажено, а там хоть чёрт родись*.

3. Сложноподчинённое предложение с препозитивным придаточным уступительным. В сложноподчинённых предложениях данного типа лексема *хоть* совмещает функции частицы и подчинительного союза. Ср.: «Подвижность, переходность, гибридность характерна для частиц и союзов; многие «словечки» употребляются то как частицы, то как союзы» [Лекант 2007: 29]. В придаточной части содержится рассматриваемая аналитическая конструкция, называющая гиперболическое действие; содержание главной части может выражать различные смыслы:

а) желание говорящего, названное инфинитивом с частицей *бы* или формой сослагательного наклонения. Частица-союз *только*, содержащаяся в главной части, показывает, что говорящего вполне удовлетворило бы названное действие: *Хоть кнут впрягай, только бы доехать*; *Хоть дугу впрягай, только бы везла*;

б) побуждение собеседника к действию, выраженное формой повелительного наклонения глагола: *Хоть чёртом зови, да хлебом корми*; *Хоть в ухо бей, да хлеба дай!* Часто в главной части сложноподчинённого предложения употребляются частица-союз *только* и отрицание *не* перед глаголом: *Хоть плетьюм высеки, только чести не лишай*; *Через меня хоть вар понеси, только не обвари!* В пословицах данного типа выражается согласие говорящего принять любую невероятную ситуацию при выполнении собеседником действия, названного в главной части: *Хоть со ангелы ликуй, только с нами не будь*; *Хоть ступай через меня, только не наступай!*; *Хоть горшком назови, только в печь не станови*; *Хоть чёртом зови, только хлебом корми!*; *Хоть в аду ликуй, только нас минуи!*; *От лихого человека – хоть полу отрежь, да уйди*;

в) отсутствие ожидаемого результата, несмотря на совершение гиперболического, невероятного действия, названного глаголом в повелительном наклонении с частицей *хоть* в придаточной части. В главной части возможно наличие частицы *всё* или подстановка частицы *всё равно*: *Хоть трижды подой, всё тот же удой*; *Ведь я не Пугач: хоть царём скажись, не поверят*; *Хоть лоб взрежь, ничего не помню*; *Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: божья роса*; *Хоть приложись, так не поверю*; *Хоть в нитку избожись, не поверю*. Интересно частое использование в пословицах данного типа глагола *поверить* с отрицанием (*не поверю, не поверят*), отражающего особенности менталитета русского человека, не готового воспринимать факты на веру, даже несмотря на совершение говорящим нереального, гиперболического действия. Отсутствие ожидаемого результата может быть представлено от-

рицанием предикативного признака, названного сочетанием существительного или прилагательного со связкой в односоставном предложении: *Хоть тресни синица, а не быть журавлём; Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть; Мойся, хоть кожу сотри, а белее воды не будешь.*

4. **Сложноподчинённое предложение с придаточным степени.** Значение степени в пословичных текстах данного типа репрезентируется находящимися в главной части указательными словами *так, такой* [Родионова 2021: 425], которые акцентируют внимание на ситуации, представляемой как положительная. Семантика степени дополняется оттенком следствия, выраженного союзом *что*. Аналитическая конструкция, называемая гиперболическое действие, находится в придаточной части, она усиливает положительную оценку ситуации, описанной в главной части предложения: *Такая крутая каша, что хоть палец уломи; Такое сено, что хоть попа корми; Так сработано, что хоть в ухо вдень (тонко); Так захотелось, что хоть роди да подай!*

5. **Бессоюзное сложное предложение,** вторая часть которого выражает значение следствия, названного гиперболически благодаря использованию рассматриваемой аналитической конструкции. Возможна подстановка слов *поэтому, следовательно, так что. Пришло счастье, хоть в колокола звони; Напекла, наварила, хоть отца с матерью жени.* Семантика следствия может совмещаться со значением условия: *Пошло врознь да вкось – хоть брось.*

Анализ материала показал, что глаголы, употребляемые с частицей *хоть* для выражения гиперболического, невероятного действия, не имеют семантических ограничений и, как правило, являются стилистически нейтральными. Экспрессивность пословичным текстам придают не глаголы сами по себе, а их сочетания с частицей *хоть*, то есть аналитические конструкции. Использование аналитических конструкций, с одной стороны, отражает когнитивные особенности русского народа, способного выразить мысль ярко, образно, эмоционально. С другой стороны, употребление в пословицах глаголов в форме повелительного наклонения с частицей *хоть* для называния гиперболического действия показывает возможности грамматической системы русского языка, позволяющей передать тончайшие оттенки смысла.

#### Литература и источники

1 Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

2. В. И. Даль. Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля. – 4-е изд., стер. – М.: Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.

3. Лекант П. А. Гибридные слова и гибридные части речи // Грамматические категории слова и предложения. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – С. 28-32.

4. Родионова И. Г. Сложноподчинённые предложения со значением меры в малой прозе К. Г. Паустовского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. – С. 424-426.

*Сердечная Н. В.,  
главный библиограф Белгородской ГУНБ, г. Белгород*

**«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА»  
В. И. ДАЛЯ В ФОНДАХ БЕЛГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ  
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ**

*Serdechnaya N.V.,  
chief bibliographer of the Belgorod State University of Science Library, Belgorod*

**«INTERPRETING DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN  
LANGUAGE» V. I. DAHL IN THE FUNDS OF THE BELGOROD STATE  
UNIVERSAL SCIENTIFIC LIBRARY**

**Аннотация.** В статье представлен краткий обзор наиболее значимых и интересных изданий «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, имеющих в фонде Белгородской государственной универсальной научной библиотеки. Дана краткая характеристика дореволюционных изданий словаря Даля и его современных версий.

**Ключевые слова:** толковый словарь, словари русского языка, В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», Белгородская научная библиотека.

**Summary.** The article provides a brief overview of the most significant and interesting editions of «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» by Vladimir Dahl, available in the collection of the Belgorod State Universal Scientific Library. A brief description of the pre-revolutionary editions of the Dahl dictionary and its modern versions is given in this article.

**Key words.** Explanatory dictionary, dictionaries of the Russian language, V.I. Dahl, «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language», Belgorod Scientific Library.

На Белгородчине русскому языку уделяется особое внимание. В 2016 году учреждено региональное Общество русской словесности в память о знаменитом земляке – митрополите Московском и Коломенском Макарии (Булгакове), выдающемся русском богослове и церковном историке, проповеднике Русской православной церкви, защитнике духовных основ Русского мира и подвижнике русской словесности. В учредительных документах Общества отмечается, что на региональном уровне нужна консолидация усилий педагогов, ученых, деятелей культуры, широкой общественности для сохранения ведущей роли русской литературы и русского языка в воспитании подрастающего поколения. Члены Совета Общества инициировали организацию и проведение большого количества научных мероприятий филологического направления. Это международные и всероссийские научно-практические конференции, форумы, педагогические чтения, фестивали.

Наряду с образовательными учреждениями, средствами массовой информации важную роль в сохранении, развитии и популяризации русского языка играют библиотеки. Учитывая пользовательский спрос, Белгородская государственная универсальная библиотека постоянно пополняет фонды новыми изданиями по русскому языку. В библиотеке собраны книги, журналы,

авторефераты диссертаций, тезисы докладов научных конференций и сборники научных трудов, учебники и учебные пособия, диссертации, а также большой массив справочных изданий по русскому языку. Закономерным явилось создание в 2007 году на базе библиотеки консультационного пункта «Справочная служба русского языка». Основу его деятельности составляют справочники и словари по русскому языку.

В БГУНБ представлено всё многообразие словарей русского языка: толковые, лексические, фразеологические, этимологические, словари иностранных слов, словари редких и забытых слов, словари личных имен и русских прозвищ, словари речевого этикета, словари крылатых слов, устаревшей лексики, словари авторских новообразований и др. Среди них можно найти как общеизвестные классические образцы словарей (В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова), так и новые издания. Каждое издание уникально и особенно. Общее количество словарей в фонде библиотеки насчитывает около 8 тысяч экземпляров.

Одним из особых экспонатов библиотеки является первый толковый словарь русского языка «Словарь Академии Российской» в 6 томах, это один из главных трудов Михаила Ломоносова, основоположника преобразований русского языка и художественной литературы. Работа над словарем началась в 1783 году и заняла 11 лет. Словарь содержит 43 357 слов. История первого толкового словаря продолжилась уже в XXI веке. Сотрудники Московского гуманитарного института им. Дашковой переиздали «Словарь Академии Российской». К работе были привлечены ведущие ученые. Новое издание словаря – факсимильное современное переиздание новым набором текста. В третьем издании – серьезное научное сопровождение. В предисловии рассказывается о том, почему в XXI веке возник интерес к XVIII веку и к этому первому словарю русского языка – памятнику отечественной лексикологии. Для посетителей библиотеки в читальном зале доступно факсимильное переиздание словаря.

Однако самым известным и популярным у читателей словарем русского языка на протяжении многих десятилетий был и остается «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

Словарь Даля называют энциклопедией народной жизни XIX века. Он содержит ценнейшие этнографические сведения. Читая этот словарь, узнаешь язык, быт и нравы наших предков. За 53 года подвижнической работы В.И. Даль собрал и истолковал более 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок, метких выражений.

«Толковый словарь живого великорусского языка» Даля по сегодняшний день считается каноническим, он является одним из богатейших и ценнейших толковых словарей русского языка, который сохранил популярность и значимость в веках.

Первое издание «Толкового словаря» вышло в 1863–1866 годах. Отметим, что выпущено оно было Обществом любителей российской словесности при Императорском московском университете. По подсчету автора, в первое

издание словаря вошло около 200 тысяч слов. Из них 80 тысяч слов Даль собрал самостоятельно.

Второе издание «Толкового словаря живого великорусского языка» вышло в 1880–1882 годах, уже после смерти автора. Даль успел внести изменения в новое издание: дополнил и расширил лексический и фразеологический материал (в словарь введено свыше 1,5 тысячи новых слов, около 300 пословиц и поговорок), уточнил этимологию и орфографию слов и фразеологизмов.

Третье издание «Толкового словаря» вышло в свет в 1903–1911 годах под редакцией профессора Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. Бодуэновское издание повторено в 1911–1912 годах. Профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ, бережно относясь к тексту автора, пополнил словарь 20 тысячами слов, значительно обогатил его фразеологию, внес важные уточнения.

Два четырехтомника четвертого издания «Толкового словаря живого великорусского языка» под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ, изданных в 1912 и 1914 годах, хранятся в БГУНБ в отделе редкого фонда, где также можно увидеть главное сокровище коллекции «далевских трудов» – десяти-томное первое посмертное полное издание, дополненное, сверенное и вновь просмотренное по рукописям полного собрания сочинений Владимира Даля, изданного в 1897–1898 годах. Это самое раннее из оригинальных печатных изданий словаря в коллекции библиотеки.

Репринтное воспроизведение более ранней версии словаря Даля (вышло в 1903–1909 годах под редакцией Бодуэна де Куртенэ), изданное в 1994 году в Москве в издательстве «Прогресс», доступно для посетителей библиотеки в читальном зале.

В фонде библиотеки имеется еще одна репринтная копия бодуэновского варианта словаря, вышедшая в 1995 году, которая предваряется вступительной статьей известного лексиколога Александра Михайловича Бабкина о жизни и трудах В.И. Даля. В самых первых словах статьи – высокая оценка словаря: «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля – явление исключительное и, в некотором роде, единственное. Он своеобразен не только по замыслу, но и по выполнению. Другого подобного труда лексикография не знает».

Помимо репринтных воспроизведений точных первых версий словаря Даля в фонде библиотеки немало других особых его переизданий. Например, уникальное переиздание словаря – «Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка», содержащий около 1,5 тысячи иллюстраций к словарным статьям, изданный в 2006 году. В названную версию издания вошли самые яркие и интересные статьи, наиболее полно описывающие историю, быт, нравы, обычаи и обряды русского народа. Основная особенность настоящего издания – цветные иллюстрации, выстраивающие великолепный визуальный ряд. Читателю предоставляется возможность не только прочесть далевские толкования давно забытых слов, узнать необычные значения слов уже известных, но и увидеть на полотнах знаменитых русских художников

их зрительные образы. Перелистывая страницы иллюстрированного словаря, читатель знакомится не только с сокровищницей русского слова, но и с творчеством великих русских художников: Андрея Рублёва, Ивана Айвазовского, Ильи Репина, Виктора Васнецова, Бориса Кустодиева, Василия Сурикова и многих других.

Существенное отличие имеет издание «Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание», вышедшее в четырех томах в 2001 году в издательстве Астрель. В нем воспроизводится значительная часть знаменитого труда Владимира Ивановича Даля и предлагается полный текст знаменитого словаря, переведенный на современный алфавит и орфографию без «ятей», «ижиц» и «еров». Это значительно облегчает пользование словарем читателю XXI века.

Всего же в фонде БГУНБ насчитывается 13 печатных переизданий словаря, все вместе они составляют коллекцию из почти 80 томов.

Осталось много свидетельств того, что известные люди читали этот словарь запоем. Например, Владимир Набоков писал в «Других берегах»: «Однажды, на рыночной площади посреди Кембриджа, я нашел на книжном лотке среди подержанных Гомеров и Горацийев Толковый словарь Даля в четырех томах. Я приобрел его за полкроны и читал его, по несколько страниц ежевечерне...» [Набоков 1989:129].

Николай Васильевич Гоголь так охарактеризовал статьи словаря: «...Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни...» [Гоголь 1952:424]. Поэтесса Вера Инбер (1890–1972) сразу после снятия ленинградской блокады поделилась впечатлениями в книге «Страницы дней перебирая...»: «Вчера полдня упивалась словарем Даля. Читала букву “Ш”. Это мне нужно для шума деревьев. Но я убеждаюсь, что Даля надо читать ежедневно» [Инбер 1977:156].

Сегодня «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, так же как многие другие словари, можно найти в Интернете, но чтобы увидеть и подержать в руках «то самое» издание словаря, которыми зачитывались просвещенные люди конца XIX – начала XX века, стоит прийти в библиотеку.

#### **Литература и источники**

1. Гоголь, Н. В. О Современнике // Полное собрание сочинений : в 14 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 8. – С. 421–431.
2. Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка : современное написание : около 1 500 иллюстраций. – М.: АСТ : Астрель : Хранитель, 2006. – 349 с.
3. Даль В. И. Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского) : в 10 т. – 1-е посмерт. полн. изд., доп., свер. и вновь просмотр. по рукописям. – Санкт-Петербург ; Москва : т-во М. О. Вольф, 1897–1898.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Москва : Прогресс, 1994.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. – Москва : Астрель : АСТ, 2001.
6. Инбер, В. М. Страницы дней перебирая.... – М.: Сов. писатель, 1977. – 382 с.

7. Набоков, В. Другие берега. – М.: Книжная палата, 1989. – 287 с.  
8. Словарь Академии Российской, 1789–1794 : в 6 т. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

**Сулейманова С.Р.,**  
*магистрант, ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова,*  
*г.Симферополь.*  
*Науч.рук. – Петров А.В.,*  
*д.фил.н., проф., ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова,*  
*г.Симферополь*

## ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА В.И. ДАЛЯ «БЕГЛЯНКА»

**Suleymanova S. R.**  
*State Budget Education Institution of Higher*  
*Education of the Republic of Crimea Crimean*  
*Engineering and Pedagogical*  
*University the name of Fevzi Yakubov*  
*Master's degree student*

## THE LEXICAL ANALYSIS OF V.I. DAHL'S STORY "THE FUGITIVE"

**Аннотация.** В статье проводится лексический анализ рассказа В.И. Даля «Беглянка», определяются общие и различные черты двух редакций произведения (1848 и 1862 года), устанавливаются некоторые особенности употребления лексических средств и их роль в передаче основной идеи произведения.

**Summary.** The article proceeds lexical analysis of the story "The Fugitive" written by V. Dahl, determines common features and differences of two editions (of 1848 and 1862), sets out some patterns of lexical means and their function in reproduction of story's main idea.

**Ключевые слова:** рассказ «Беглянка», Словарь В. Даля, фольклорные средства, фразеологические единицы, образные конструкции.

**Key words:** "The Fugitive", V. Dahl's Dictionary, expressions of folklore, phraseological units, metaphorical constructions.

«Беглянка» – это рассказ херсонской крестьянки Домахи о ее горестной жизни на чужбине. Причиной ее горести стала мечта покойного мужа о золотом царстве, «...гдѣ нѣтъ ни некручины, ни податей; гдѣ винограда, меда и молока вволю, и где ... живутъ какъ въ раю» [Даль 1848: 5]. Эта же мечта едва ли привела самого рассказчика на чужбину в русскую деревню, что очень его удивило: «Поразительно было встрѣтить тутъ всѣ обычаи и весь бытъ русскій, коренной, исконный, который даже не всегда и не вездѣ можно найти въ Россіи. Изба и почти вся утварь русскія...» [Даль 1848: 1].

Работа над произведением «Беглянка» велась не один год, с чем связано наличие нескольких редакций: 1848 года, 1861 года и 1862 года. В данной статье мы рассмотрим сходства и различия двух редакций – 1848 и 1862 года.

В рассказе Домахи о ее нелегкой судьбе В. И. Даль использовал лексику, подчеркивающую происхождение героини из Херсонской губернии. Так, например, Домаха обращается к рассказчику: *«Паночку, возьмите меня съ собой... что хотите заставляйте дѣлать, я буду въковѣчная работница ваша, только возьмите меня отсюда!..»* [Даль 1848: 2]. Даже в самом описании героини рассказчик использует наименования украинского национального костюма: *«По первому слову ея видно было, что она носитъ синій сарафанъ не издѣтства, промѣнявъ на него запаску и плахту»* [Даль: 1862, 2].

Примечательно кроме того употребление слов *воля* («...**воля** барская, подумала я...») и *доля* («...а мать плакала, радуясь моей **долѣ**...») как отдельных единиц, так и в составе пословицы (Не въ **волѣ** счастье, а въ **долѣ**).

Особенно характерным стало использование украинского названия *Туречина* в рассказе Домахи: «... как ночью сказалъ мнѣ, что хочеть на волю въ **Туречину**...» [Даль 1848: 5]. В редакции 1848 года топоним **Туречина** употребляется в четырех контекстах, но наряду с ним в одном контексте встречается наименование **Турція**. В редакции 1862 года топоним представлен всего три раза.

Имя Степан в рассказе также сокращено на украинский лад: «...**Стецько** был человѣк хорошій и любилъ меня...» [Даль 1848: 4].

К этой же группе слов можно отнести и слова *некрутчина*, *шинок*, *заплутаться*, *надокучило*, *чуяло*. В исповеди Домахи употребляется и производный от существительного *шинок* глагол *шинковать*, лексическое значение которого по «Толковому словарю живого великорусского языка» следующее: «Шинковать и шанкарить южн. немецк. быть сидельцем или хозяином шинка (шинок м.), кабака, питейного дома, торговать чарочной продажей питей».

Неподдельный интерес вызывают слова, лексическое значение которых становится понятным из контекста. Так, например, в Словаре В.И. Даля мы находим слово *дуб* со следующим значением: «Дуб, южн. челн, лодка, струг однодеревка, долбушка; дубы с наделками, по Бугу и Днепру, поднимают 150 до 700 четвертей хлеба». Слово *клепать* употреблено в рассказе в значении *наговаривать*, *клеветать*: «Клепать (клепли) на кого, наговаривать или взводить напраслину, обносить, клеветать. Век на на кого не клепывал».

*«Не стерпѣла я, стала плакать еще разъ и просить мужа, чтобъ раздумывалъ, да не въриль бы такому шатуну; такъ онъ, сердечный, инно меня ударилъ...»* В данном контексте слово *инно* имеет значение *даже*: «Инно, инда, илько, вологодск. лино; анно, анда, ально, ажно, даже, так что, что даже» [Даль 1848: 7].

*«Давнишній бродяга ... который давно уже ушелъ изъ-подъ Москвы туда къ намъ, в херсонскую, ... пришелъ съ Дунаю на дубу, стоялъ въ Лиманъ, въ камышахъ, и колобродилъ по шинкамъ и базарамъ...»* [Даль 1862: 7]. В.И. Даль использует слово *колобродить*, определяя им действие «шляться, слоняться, шататься без дела; бродить беспокойно из угла в угол, в

помеху другим». Эмоциональную подавленность и горе героини подчеркивают обращения с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *паночку, батюшка, баринушка*. Таковы общие черты двух редакций.

В редакции 1862 года В. Даль употребляет фольклорные и фразеологические конструкции, в отличие от редакции 1848, а также повторы: «день денской, ночь ночески», «да въ вѣковѣчные работники и взяли ихъ». Автор создает образ желанной жизни, мечты о свободе крепостного человека. Сравнивая данный образ в двух редакциях, сложно не заметить особый интерес писателя к языку «живого русского народонаселения». К примеру: «...гдѣ нѣтъ ни некрутчины, ни податей; гдѣ винограда, меда и молока вволю, и гдѣ наши, русскіе, живут какъ въ раю...» [Даль 1848: 5] и «...тамъ-де виноградъ, молочныя рѣки, кисельные берега, медомъ маслять, сахаромъ солять, – ну, словомъ, житье, словно въ раю...», «...сытовья рѣки, кисельные берега...» [Даль 1862: 5]

Редакция 1862 года отличается бóльшим обращением писателя к языку народа, фольклорным мотивам и значительно меньшим количеством украинизмов (например, вместо *Стецько* используется полное имя *Степан*; вместо обращения *паночку – баринушко*. Богатство рассказа фольклорными мотивами можно объяснить плодотворной литературной работой В. Даля после отставки в 1859 году с должности управляющего Нижегородской удельной конторой. В 1862 году также увидели свет второе издание «Толкового словаря живого великорусского языка», «Пословицы русского народа», «Полное собрание сочинений», затем «Два сорока бывальщинок для крестьян».

Одной из основных идей рассказа «Беглянка» является осуждение разбойничества, пьянства, разгула, обмана. Эта идея выражается с помощью слов с отрицательным значением, например: *кабак, шинок, колобродить, шинковать, злодей, обобрать*. Слово «*бродяга*», используемое в рассказе в отношении хозяина дома, в котором после смерти мужа живет Домаха, имеет негативное лексическое значение, отмеченное в «Словаре великорусского языка», – «человек праздный, дармоед, шатающийся стороною, в людях». Угощая своих гостей вином, он говорит Степану: «*Вотъ, видишь-ли, каково вино? А и оно тамъ вольное, хоть самъ кури, хоть пей, хоть лей, хоть, пожалуй, шинкуй, ни на что нѣтъ запрету!*» [Даль 1862: 9]. Вероятно, для Степана вино было редкостью, поэтому герой таким образом старался заманить его, дав еще один повод пойти за ним, что в итоге обернулось трагедией.

При первой встрече с хозяином дома рассказчик подмечает: «*Хозяинъ мой былъ расторопный мужичина, который обрадовался русскому гостю, много спрашивалъ и самъ рассказывал и увѣрял, между-прочимъ, будто онъ уже родился въ Турціи, тогда-какъ, глядя на эту кулебяку съ бородой, в красной рубахѣ, по неволѣ казалось, что она вотъ только-что перенесена за Дунай изъ-подъ Москвы*» [Даль 1848: 1]. Кулебяка – традиционное русское блюдо, образ которого в данном контексте метафоричен: герой по всем внешним данным – русский человек (что подчеркивается выражением «**ВОТЪ**

только–что перенесена за Дунай изъ–подъ Москвы»), при этом он вводит в заблуждение гостей, утверждая, что он родом из Турции. Такое описание присутствует только в редакции 1848 года, в редакции 1962 года оно не встречается. Лицемерным можно считать и отношение хозяина к Богу: «...утромъ выпроводилъ меня съ поклонами и пожеланіями, помянувъ нѣскольکو разъ Бога, безъ котораго, по словамъ его, ни до порога...» [Даль 1862: 14]. Пословица «Без Бога ни до порога» говорит о набожности человека, который не предпринимает серьезных действий без обращения к Богу. После рассказа Домахи понятно, что хозяин не имеет никакого представления о праведной жизни. Если описание героя встречается только в редакции 1848 года, то такая яркая его характеристика отмечается в обеих редакциях.

В речи Домахи чувствуется порицание разгульного образа жизни, на что указывает подбор лексических средств: «...всю ночь **проштался** онъ, либо въ кабакахъ, либо сама не знаю гдѣ...», «...старый **бродяга... колобродилъ по кабакамъ** и базарамъ... наговорилъ ему [мужу] **обманомъ** и **лукавствомъ** про сытовья рѣки, кисельные берега...». Можно предположить, что **сытовья рѣки, кисельные берега** в данном контексте передают чувство разочарования и сожаления за совершенный побег, так как изначально в описании образа свободной жизни чувствуется надежда, желание ее получить и употребляются **молочныя рѣки, кисельные берега, медомъ маслять, сахаромъ солять**. В редакции 1862 года Домаха говорит о хозяине: «онъ-то... и наговорилъ ему [мужу] про турецкую землю, что про рай земной». Именно выражение *рай земной* является кульминацией в описании свободной жизни, воли, но в то же время осознание героини недостижимости этой жизни.

Интересен образ, передаваемый в следующем контексте: «*Нѣтъ: какъ только стала заниматься заря, то увидали мы въ сторонѣ, подѣ берегомъ, этотъ злыдарный дубъ...*» [Даль 1848: 8]. В Словаре В.И. Даля дается такое определение слову *злорадный*: «кто радуется злу; кто радуется злу, тешится бедствием, несчастьем другого». Для Домахи этот дуб, эта лодка стала неразрывной ассоциацией и напоминанием о людях, которые получают выгоду из горя и несчастья других. О переживаниях героини, о степени ее тревожности и страха можно судить по выражению *Сердце такъ во мнѣ и заныло, словно тѣсно ему стало...* В данном случае сердце для героини главный ориентир, именно оно говорило ей о скорой беде. Дурной образ жизни привел к трагическим последствиям: «богатого-то мужика сманивъ обобрали, да утопили, а бѣдныхъ взяли въ кабалу...» [Даль 1848: 11]. Осуждение переплетается с сочувствием к человеку, который, слепо следуя мечте, погубил себя и свою жену.

Как видим, В. Даль использовал народную мудрость в качестве сюжета своего рассказа.

#### Литература и источники

1. Даль В. Беглянка [Электронный ресурс] // Даль В. Картины русского быта. – 1848. – Режим доступа: <http://web.petrsu.ru/~dahl/html/pdf/BEGLJA48.pdf>
2. Даль В. Беглянка [Электронный ресурс] // Даль В. Два сорока бывальщинок. – 1862. – Режим доступа: <http://web.petrsu.ru/~dahl/html/pdf/SBEGLJAN.pdf>

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Типография М.О. Вольфа. – 1881. – Т.2. – 814 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Типография М.О. Вольфа. – 1881. – Т.4. – 712 с.

*Харченко В.К.*

*д. фил. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

## **ПАССИОНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В.И. ДАЛЯ**

*Kharchenko Vera K.*

*Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University*

## **THE PASSIONARY POTENTIAL OF V. I. DAHL'S PERSONALITY**

**Аннотация.** Рассматриваются возможности личности В.И. Даля в плане усиления пассионарных свойств его потомков. Выделяются пять феноменов пассионарности: совмещение профессий на протяжении всей жизни; создание уникального словаря по объему; написание литературных произведений с элементами пассионарности; помощь другим собирателям; внедрение в практику языка лучших находок.

**Summary.** The possibilities of V. I. Dahl's personality in terms of enhancing the passionary properties of his descendants are considered. There are five phenomena of passionarity: combining professions throughout life; creation of a unique vocabulary by volume; writing literary works with elements of passionarity; helping other collectors; introduction into practice of the language of the best finds.

**Ключевые слова:** пассионарный, Даль, совмещение профессий, собирание слов, образец

**Key words:** passionary, Dahl, combining professions, collecting words, sample.

Среди прочитанных книг особую группу составляют книги о людях, с которых можно было брать пример, то есть пассионарные книги. Обычно это работы из серии ЖЗЛ, но не только. Это могут быть самые разные источники. «Как в истории, по Льву Гумилеву, появляются пассионарные личности, так и в литературе есть пассионарные книги. Их едва ли больше десятка: Библия, Коран, «Что делать?», «Как закалялась сталь», «Так говорил Заратустра», «Архипелаг ГУЛАГ»... «Пассионарная книга отличается от всех остальных тем, что аккумулирует в себе огромную энергию масс и действует в масштабах человечества, «приподнимая» его на ступеньку выше» [Орбий 2012: 92]. Заучивание, запоминание, цитирование этих текстов формирует особый строй личности, о чём свидетельствуют, в том числе, зарубежные ученые. Пассионарный – значит зажигательный, вдохновляющий, влияющий на сегодняшнее поведение, на действия, зовущий вперед даже вопреки сложившейся ситуации. По жизни мы нередко ориентируемся на чужие истории. В науке сравнительно недавно появилось понятие «расписание жизни». Были проанализированы темпорально-возрастные образы успеха и неудачи в жизни: в каком возрасте должна быть своя квартира, когда зарабатывать соб-

ственные деньги, вступать в брак, заводить ребенка и пр. [Ежов 2008]. Это как раз те ориентиры, которыми мы пользуемся, но которые, тоже со временем, меняются, причём некоторые меняются весьма существенно. Но мы будем вести речь не о других величинах. Здесь можно выделить три феномена. Первый – это феномен после-чтения. Мы слепили образ из ранее прочитанных книг, статей, биографических сведений. Книга или отрывки из книг нас познакомили с человеком, эти отрывки стали знаковыми. Второй феномен – это воздействие этого образа, которое является сильным, оседая в глубинах памяти, но воздействует, конечно же, не всегда. Наконец, третий феномен – это тайна, свежесть самого образа, который для кого-то ничего не значит, но для вас в данный момент является весьма авторитетным. Все сказанное относится к В.И. Далю. Рассмотрим, в чем состоит пассионарный потенциал этой личности.

Первое, на что мы обращаем внимание, это яркое совмещение профессий. Даль – врач, его пригласили к смертельно раненному Пушкину. Даль был врачом во время войны. Но Даль же – это и потрясающий филолог, создатель ряда замечательных работ, и прежде всего четырехтомного словаря живого великорусского языка, прославившего на века имя его создателя. Все? Да нет! Даль – это и литератор, сочинитель целого ряда произведений, напомним, к примеру, о сказках Казака Луганского. Совмещение профессий требовало большой работы, оно и отвлекало и не отвлекало от работы сегодняшнего дня, и Даль здесь замечательный пример такого совмещения. Сейчас модно приобретать второе высшее образование, легко стало менять профессии, но нередко такая смена становится формальной, профессия номер один гаснет в огне нового увлечения, а на проверку оказывается, что человек по-настоящему не состоялся ни в одной из профессий. В предисловии к известной книге Н. Абалкин пишет: «...Даль сходен был, пожалуй, с человеком эпохи Возрождения. Он мог, умел, любил делать все: под огнем противника наводить мост для переправы войск, писать сказки, учебники по зоологии и ботанике, оперировать больного, мастерить мебель, сочинять пьесы, заниматься этнографией, статистикой, археологией, историей, городским благоустройством и многим, многим другим. И самым главным, постоянным, неотложным и непрерывным делом всей своей жизни – собиранием русского слова...» [Абалкин 1972: 5-6]. Люди широчайшей палитры интересов, люди, можно сказать, эпохи Возрождения способны насытить своим примером многие поколения потомков.

Второй феномен В.И. Даля – это выдающийся словарь, его структура, его объем, что само по себе значимо. «Как собиратель Даль охватывал все жанровое многообразие народного творчества: былины, сказки, песни, поговорки, поговорки, загадки, скороговорки, народные анекдоты, заговоры, суеверия и предрассудки, народные плачи, свадебные и похоронные обряды, образцы народного изобразительного искусства (лубочные картинки и пр.)» [Гулак 1975: 8]. Только о вовкулаках, ведьмах и русалках им собрано 63

украинских поверья [Гулак 1975: 14]. Мы проследили массив употребления народных примет в словаре В.И. Даля и убедились в неохватности собранного материала [Харченко 1993: 9-10]. Исследователь заимствованной лексики в творчестве В.И. Даля, Т.В. Чикова отмечала в начале работы тот широкий круг интересов, которыми владел Даль. «...Даль ходил на бриге «Феникс» в Данию и Швецию, окончил медицинский факультет Дерпского университета, был непосредственным участником многих военных компаний и походов, явился автором учебников «Ботаника» и «Зоология», служил чиновником высокого ранга, заведовал тайной канцелярией министра внутренних дел, знал делопроизводство и разбирался в политике и юриспруденции [Чикова 2003]. Такая широкая канва срабатывала и на словарь. Но главное здесь еще и то, что Даль не боялся, во-первых, привлекать диалектный материал (и это хорошо, в жизни диалекты сосуществуют бок о бок с титульным языком), а во-вторых, иногда предлагал свои варианты слов. Когда человек работает с таким массивом материала, у него развивается чутье языка. И Даль не боялся упреков в субъективизме, он чувствовал, что необходимо языку, чего в нем нет. Профессор Воронежского университета Г.Ф. Ковалев когда-то сказал о Дале (а мы записали эти слова!): «Коллектив не сделает, а человек сделал!». И это тоже стало для многих напутствием на большие, очень большие дела. Здесь есть ещё проблема, связанная с гуманистикой в целом. «От гуманистики никто ничего не ждёт, кроме прочтений и перечтений, анализа и интерпретации текстов. Гуманистика стала текстологией и перестала быть человековедением. А потому перестала быть и человеководством. Ведая лишь текстами и архивами, она уже никуда не ведёт. <...> Меня тревожит, что гуманитарные науки перестают быть тем, чем были и призваны быть – самосознанием и самотворением человечества. <...> Образуется вакуум человеческих смыслов и целей, который техника заполнить не может, а гуманистика не хочет», – пишет М.Н. Эпштейн в статье «Проективная теория в естественных и гуманитарных науках» [Эпштейн 2012: 62]. Большие задачи, которые берет на себя человек, оборачиваются его «самотворением». Пассионарный потенциал личности Даля связан с созданием уникального словаря, что может служить примером для людей, пытающихся что-либо сделать.

Третий феномен открывается нам в рассуждении, какой пассионарный эффект содержат произведения Даля (Казака Луганского). Сказка «Об Иване молодом сержанте удалой голове, без роду, без племени, просто без прозвища» [Даль 1983]. В ней вся мудрость жизни – живи, трудись и знай, что, даже если ты вдруг все потеряешь, надо иметь мужество начать все сначала. Не впадай в отчаяние: все будет хорошо, будь только сам хорош. Главное, как ты относишься к людям, как ты работаешь. «Мало славы служить из-за одной корысти; нет, Иван, послужи-ка ты... под оговором, под клеветой, верою и правдою, как служат на Руси, из одной ревности да из чести». Пассионарный призыв хорошо слышен в этих словах [Харченко 1985: 13-15]. Пассионарный эффект мог быть сосредоточен всего в одном абзаце, но это не

делает его слабее. Добавим, что сказки служили и словарю. «Такая своеобразная литературно-лингвистическая методология, к которой Даль нередко прибегал в процессе отбора словарного материала, обеспечила его словарю подлинную близость к народной разговорной стихии языка, органическую связь с бытом, характером, психологией русского человека. Взятые из жизни как бы подвергались экспериментальной проверке в контексте художественного произведения и уже затем занимало свое место в Словаре» [Смирнова 1972: 13].

Четвертый феномен – это вопросы внедрения, до сих пор слабое место в нашей научной культуре. Мы анализировали сказку Даля, поражаясь обилию в ней интереснейших пословиц. И, может быть, эти пословицы сработали на живую жизнь, вошли в быт, почерпнутые Далем «кое-где» в этой жизни. «Чтение – это ведь, в первую очередь, забота о себе и прокладывание путей в будущее, способ не только убийства времени, но и саморазвития, продвижения в завтрашний день и формирования отдалённых перспектив. Если «завтра» не существует, то человек не читает, на первый план у него выходят совершенно иные заботы и практики» [Бавильский 2019: 22]. Многие пословицы мы почерпнули у Даля, и такое чтение срабатывало как внедрение в жизнь, как более широкое использование меткого русского слова.

Наконец, пятая ситуация – это понимание других изыскателей, реальная помощь им. «Приятель Даля, художник Сапожников просит прислать ему для коллекции несколько видов бабочек из тех, что водятся в Оренбургском крае» [Порудоминский 1971]. Даль прислал ему 120 штук! На это тоже надо было потратить время – собрать, надписать, упаковать, отправить. И время работало на него, на Даля, хотя, может быть, и отвлекало от иных занятий.

Мы охарактеризовали сейчас всего пять пунктов пассионарного воздействия личности В.И. Даля. Приведем наблюдение из недавней жизни. Случайно ли, что в своих текстах (Сочинениях об истории семьи) их авторы признавались, что семейные родословные на многое им открывали глаза, что настроение по мере написания повышалось, хотя речь в них шла подчас о трагических событиях, что жизнь наполнялась новым смыслом, а не только сиюминутными, подчас тоже весьма важными страстями? Когда мы осмысливаем судьбу В.И. Даля, то путеводными словами может служить признание Михаила Эпштейна: «Я люблю бросать сам себе вызов, находя зияния не только в культуре, но и в себе».

#### **Литература и источники**

1. Абалкин Н. Об этой книге // Майя Бессараб. Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. – М.: Современник, 1972. – С.5-6.
2. Бавильский Дмитрий. Чтение – в первую очередь забота о себе // Знание – сила, 2019, № 12. – С. 22.
3. Гулак А.Н. В.И. Даль и Украина (Украина и украинское народно-поэтическое творчество в сфере фольклористических и писательских интересов В.И. Даля). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Киев, 1975. – 26 с.
4. Даль В.И. (Казак Луганский). Избранные произведения. – М.: Изд-во «Правда», 1983. – 448 с.

5. Ежов О.Н. Жизненный путь как подход в социологии и социальной работе // ПОЛИС (Политические исследования), 2008, № 3. – С.58-68.
6. Орбий С. Пассионарные книги // Знание – сила. 2012, № 12. – С. 92-93.
7. Порудоминский В.И. Даль. Изд. 2. – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1971. – 384 с.
8. Смирнова (Парсиева) В.А. В.И. Даль и натуральная школа. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Саратов, 1972. – 16 с.
9. Харченко В.К. Лингвистический строй сказок В.И. Даля // Использование творческого наследия В.И. Даля в художественном, нравственном и эстетическом воспитании молодежи». – Ворошиловград, 1985. = С. 13-15.
10. Харченко В.К. Народные приметы в словаре В.И. Даля // Два крыла духовности (Далевско-Гринченковские чтения). – Луганск, 1993. = С. 9-10.
11. Чикова Т.В. Лексические заимствования в произведениях В.И. Даля: Казака-Луганского. Дисс. ... канд.филолог.наук. Владивосток, 2003. – 179 с.
12. Эпштейн М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила, 2012, № 4. – С. 55-62.

## Часть 2.

# ТРАДИЦИИ В.И. ДАЛЯ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ОПЫТАХ

*Адонина А.А.,  
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.  
Науч. рук. – Демичева В.В.,  
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород.*

## «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» КАК ЦЕННОЕ СПРАВОЧНОЕ ПОСОБИЕ

*Adonina A. A., student, NRU "BelsU", Belgorod*

### «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE» AS A VALUABLE REFERENCE GUIDE

**Аннотация.** В статье рассматривается роль словаря В.И. Даля. Также затронута тема заимствований и отношение В.И. Даля к этому процессу. «Толковый словарь живого великорусского языка» отражает народную языковую стихию, собрав воедино, с одной стороны, ценности русской культуры, которые отразились в народном творчестве; а с другой стороны, этот памятник словесности общенационального масштаба до сих пор является уникальным явлением как русской, так и мировой лексикографии.

**Ключевые слова:** слово, толковый словарь, русский язык, В.И. Даль, справочник.

**Summary.** The article considers the role of the dictionary of V. I. Dahl, which consists in enriching the Russian language with a whole layer of new vocabulary. The topic of borrowing and V. I. Dahl's attitude to this process are also touched upon. «Explanatory Dictionary of the living Great Russian language» reflects the folk language element, bringing together, on the one hand, the values of Russian culture, which are reflected in various folk works; and, on the other hand, this monument of literature on a national scale, which is still a unique phenomenon of both Russian and world lexicography.

**Key words:** word, explanatory dictionary, Russian language, V. I. Dahl, guide.

В современном мире становится необходимостью ежедневное пополнение знаний, способствующее повышению уровня культуры личности, в том числе культуры языковой, речевой и коммуникативной. Исключительная роль в решении этой непростой задачи принадлежит словарям. «Словарь как уникальный объект научного труда лингвиста, – отмечает В.А. Козырев, – занимает особое место в формировании культурного члена общества. Сегодня все больше осознается роль словарей в духовной жизни народа, в осмыслении его культурного наследия» [Козырев, Черняк 2012: 160].

Отмечаемый в 2021 году юбилей В.И. Даля убеждает нас в том, насколько и сегодня важен его «Толковый словарь живого великорусского языка», потому что это не просто памятник «русскому слову», но и представление языковой картины мира. «Словарь В.И. Даля, – отмечает В. Березин, – создает идеальный способ чтения – постоянное (и бесконечное) перечитыва-

ние во время всей жизни – жизни и человека, и книги. Это книга-спутник, равномерно читаемая книга, идеальная книга, если угодно» [Березин 2001].

В своем великом лексикографическом труде Владимир Иванович осмыслил в количественном и качественном отношении целый пласт культурологической лексики русского языка, старался определить список и включить в него те слова, какие, по его мнению, наиболее ярко отражают культурные концепты «своей» и «чужой» культуры, и неумышленно на протяжении всей своей жизни «собирал человек слова», не просто слова, а слова с национально-культурным, культурно-историческим, этнолингвистическим и другим специфическим компонентом. Именно поэтому словарь В.И. Даля можно отнести к словарям лингвокультурологического типа.

Именно Словарь В.И. Даля впервые через призму диалектной лексики отразил народную, прежде всего крестьянскую, языковую стихию, обратился к фольклористике, обогатил представление о русской языковой картине мира, собрав воедино, с одной стороны, ценности народной культуры, которые отразились в загадках, сказках, приметах, поверьях, пословицах, поговорках, обычаях, в народной мифологии; а, с другой стороны, этот памятник словесности общенационального масштаба остался уникальным явлением как русской, так и мировой лексикографии.

Первая особенность словаря заключается в том, что в его основе народный язык. Рассматривая родственные слова в одной статье, мы находим интересное представление слов многозначных. При описании многих реалий (предметов) В.И. Даль выступает как тонкий знаток народного быта. Так, из словаря мы узнаем не один десяток названий для слова *ручка* – ‘за что берут, держат, поднимают вещь: *топорнице* – у топора, *дужка*, *перевясло* – у ведра, *черен*, *колодка* – у долота, ножа, *метловище* – у метлы, *молотовище* – у молота, *косовище* – у косы, *древко* – у стяга, *пики*’ [Даль 2003: 216].

Яркой особенностью представления слов является то, что в ряде случаев В.И. Даль не толкует слово, не объясняет его значение, а подбирает ряд синонимов (общенародных и диалектных) к этому слову или прибегает к энциклопедическому описанию вещи. Например, слово «сума – ‘это мех, мешок, кошель, кisa’ [Даль 2003: 308]. К слову *тугой* без объяснения его значения подобраны синонимы: *крепкий, упорный, стойкий, твердо упругий, неподатливый*. По мнению автора, именно в синонимах – источник толкования слов.

Вторая особенность словаря связана с отношением В.И. Даля к словам «чужеземным». Толковый словарь В.И. Даля включает достаточно большое количество иностранных слов. Но если у чужеземного слова есть русский вариант, то нет необходимости, по мнению автора словаря, его употреблять: например, ‘*кадавер – покойник, этаж – ярус, эхо – отклик, отголосок*’ и др. Тем не менее, большинство иноязычных слов прочно вошло в лексический состав русского языка. В ряде случаев между заимствованным и русским словом В.И. Даль предлагал свободу выбора, например: заимствованное *ат-*

*мосфера* – или *русское колоземица*. К иностранным словам автор предлагал часто этимологические пометы: ‘*автограф*’ греч., ‘*администрация*’ лат., ‘*кортеж*’ франц., ‘*рейс*’ нем. и т.п.

При этом автор словаря был категорически против неосвоенного русским языком произношения заимствованных слов. К таковым, например, относилось слово *инстинкт*, которое можно выговорить только западным произношением. А русскому языку, характеризующемуся вялостью речевых движений, это усвоить достаточно сложно, считал Владимир Иванович.

Прошло много лет с тех пор, как были сказаны эти слова. И сейчас мы убеждаемся, насколько прав был В.И. Даль в таком рассуждении. Сейчас остро стоит вопрос освоения иностранных слов с чуждыми русскому языку звуко сочетаниями; вот и появляется в речи русских *компроментировать* вместо *компрометировать*, *инцидент* вместо *инцидент*, *координально* вместо *кардинально* и т.п. Путаются значения слов: *коррупция* и *коммерция*, *маркетинг* и *менеджмент* и т.д. Характерные черты американского варианта английского языка проникают во все уровни языка, но наиболее активно это отражено в лексике и орфоэпии; переизбыток иностранной терминологии в научной литературе; бесчисленное множество английских слов: имен, названий фирм, групп, написанных и произносимых по-английски, – все это мы слышим по радио и телевидению, в речи молодежи, читаем на городских вывесках, в книгах, периодике.

Мы остановились только на некоторых примерах, позволяющих говорить о лингвокультурологической составляющей «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Также доказательством этой составляющей является и тот факт, что в словаре помещено около 30 тысяч пословиц. Следовательно, этот словарь выходит за пределы словаря филологического, поскольку он объясняет предметы, характеризующие русский народный быт, и поверья, и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарём, а также даёт множество других этнографических сведений.

Таким образом, до сих пор словарь В.И. Даля остается непревзойденным в отечественной лексикографии по объему представленного материала. На протяжении столетий он является не только ценнейшим справочным пособием, но и имеет огромное образовательное и воспитательное значение. Выражение: «комната образованного человека – это стол, стул и В.И. Даль», появившееся вскоре после выхода в свет этого бесценного труда, не потеряло своей актуальности.

#### Литература и источники

1. Березин В. Роль словарей и энциклопедий в структурировании мира // История энциклопедии. – М.: «Мир», 2001. – С. 107- 112.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т.3. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003.
3. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура.

*Бобоходжаева А.Л.,  
магистрант Каришинского гос. университета (г.Карши, Узбекистан)  
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,  
д. пед. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

## ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА *КАЗАК* В РАЗНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКАХ

*Bobohojayeva A. L.  
master's student of Karshi State University (Karshi, Uzbekistan)*

## ORIGIN AND MEANING OF THE WORD *KAZAK* IN DIFFERENT INFORMATION SOURCES

**Аннотация.** В данной статье раскрывается понятие такого явления в русском языке, как тюркизмы, приведены разные данные о происхождении и о значении слова *казак* в русском языке из разных источников.

**Summary.** This article reveals the concept of such a phenomenon in the Russian language as Turkisms, provides different data on the origin and meaning of the word *kazak* in Russian from different sources.

**Ключевые слова:** тюркизм, заимствование, слово казак, кочевник, этимология, словарь.

**Key words:** Turkish phrases, borrowing, word of kazak, nomad, etymology, vocabulary.

Заимствования из других языков – естественное явление языка. Процесс заимствования не прерывался никогда и продолжается в настоящее время.

Наши научные интересы связаны с анализом заимствований-тюркизмов. По некоторым сведениям, тюркизмы составляют едва ли не 50% общего объёма заимствований в современном русском языке. Откроем любой словарь на букву «А»: *алмаз, арбуз, айва, айран, акын, алкоголь, Аллах, алтын, араб, арба* (и *Арбат*), *аргамак, аркан, атлас, аул* и т.д. – это всё заимствования из тюркских, старотюркских и арабских языков.

Однако не у всех заимствований из тюркских языков имеются условно тюркские, легко доказуемые историко-этимологические корни. Иногда существует несколько версий происхождения слова. Таким словом с неясным происхождением является весьма распространенное в наши дни слово *казак*.

В одном из академических словарей (МАС) по этому слову дана очень лаконичная справка: **казак** – от тюрк. *к а з а к* – вольный человек [МАС 1983: 13]. Подкрепляется это и переводными и этимологическими словарями: **казак** (из старотюркского) – «кўзғоқ», то есть «кочевник» или «свободный человек» [ЭС-П: 158].

Слово «казак» известно с XIV века. Оно впервые упоминается в значении «стража» в старейшем письменном памятнике – в многоязыч-

ном переводном словаре старокупчакского (половецкого) языка начала XIV века Codex Cumanicus. Тот факт, что это уже был словарь, позволяет говорить об употреблении данного термина раньше, по крайней мере, уже в XIII в. Список Codex Cumanicus хранится в библиотеке собора Святого Марка в Венеции. В нем дан первый латинский перевод слова «казак» – «свободный человек» [См. Википедия].

На Руси первое письменное слово, напоминающее «козак», встречается в Псковских летописях о событиях начала XV века: *посадник Юрий Козакович, Юрий посадник Козачкович* и др. С середины XV века казачество становится упоминаемым в документах словом, встречается во многих источниках, в частности, в Никоновской и Ермолинской летописях, в «Повести о Мустафе-царевиче»; например, там встречаются упоминания о «казаках рязанских», которые пришли на помощь к рязанцам и москвичам в борьбе против татар [См. Википедия].

Позже пытался выяснить вопрос казачьего этногенеза польский автор Веспасиан Коховский в XVII веке. Он считал, что *казаками* (или *козаками*) именовались «люди, которые верхом на лошадях были быстры и легки, как *козы*». Здесь, мы считаем, скорее, проявление народной (ложной) этимологии. Сюда же мы относим утверждения, что казаки – это жители «кавказских косогоров», граждане страны Касахии, или даже турецкие «гуси» (*каз* – гусь по-турецки), или монгольские бронники и пограничники (*ко-захь*). Некоторые исследователи связывают *казак* и *сказать/казать*: в псалмах о Духоборце есть диалог: «Почему ты казак? – Потому что смею Божие слово *сказать, Сатану связать*» [Эл. ресурс. См.5: <https://zen.yandex.ru>].

К теме происхождения казачества обращался известный этнограф Л.Н. Гумилев: он выводил казаков из «хазар», предполагая, что предками низовых казаков были бродники, православные хазары. Но всё очевиднее тюркские корни слова. Во всяком случае, большинство исследователей указывают на тюркское происхождение слова [Подробнее: Сопов 2008: 72].

Таким образом, слово «казак» — тюркского происхождения и означает вольного кочевника, свободного человека [по Википедия]. Оно изначально применялось к человеку, в одиночку или с семьёй отделившемуся от своего государства, рода и вынужденного самостоятельно искать средств содержания в степи, вести жизнь «искателя приключений». Казаками также могли называть недовольных правителем (ханом, князем, королём, царём) подданных, ушедших в другое место, и самого правителя, потерпевшего поражение и оставшегося с небольшой группой сторонников.

Эту версию подтверждают наиболее авторитетные этимологические и толковые словари. В первую очередь, обратимся к словарю В.И. Даля. Вот как выглядит статья о слове казак в одной из современных версий знаменитого словаря [Даль, 2007].

**Казак**, или **козак** (вероятно, от среднеазиатского *казмак* – скитаться, бродить; как *гайдук* от *гайда*, *бродяга* от *бродить* и пр. Киргизы сами себя

зовут *казак*) – войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков – легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении. Примеры. *Казак – глаза и уши армии* (Суворов). *Терпи казак, атаман будешь. Не всем казакам в атаманах быть. Казак и в беде не плачет. Без коня казак кругом сирота. Казачонок* – малый работник, подпасок, помощник пастуху. *Казачина*: 1) м.р. – казак-молодец; 2) ж.р., собир. – казачье войско, сословие, быт, состояние, земля, обитаемая казаками. *Казакин* – полукафтан с бортами, с прямым воротом, без пуговиц, на крючках. *Казаковатый, казаковать, казакованье. Казачничать* (тверск.) – батрачить, жить у кого-то в работниках [Даль 2007: 147].

Удивительные метаморфозы происходят со словом *казак* ко времени собирания слов В.И. Далем в XIX веке: кроме значения вольный, свободный, появляется противоположное значение батрак, наемный рабочий. Этот факт отмечен только Далем.

Обратимся к одному из академических словарей XX века – 4-х томному словарю русского языка, изданному Институтом русского языка АН СССР в 1983 году (МАС):

«**Казак**, -а, м., мн. казѧки и казакѧи.

1. В Русском государстве 15-17 вв: вольный человек из бежавших на окраины государства (Дон, Яик, Запорожье) крепостных крестьян, холопов и городской бедноты. *Запорожские казаки*.

2. Представитель военного сословия, которое складывалось на границах Русского государства в 15-17 вв. из этих вольных людей, а с 18 в. обязано было нести военную службу за льготное пользование землей (житель войсковых областей: Кубанской, Оренбургской, войска Донского. *Донские казаки. Терские казаки*.

3. Уроженец некоторых областей СССР (бывших войсковых областей). *Из задних рядов долго пробирался к сцене невысокий, в сером зипуне, казак. Шолохов. Поднятая целина»* [МАС 1983: 13].

Далее следует безвариантная этимологическая справка: «От тюрк. к а з а к – вольный человек [МАС 1983: 13].

В качестве устойчивого выражения приводится фразеологизм *Вольный казак* – без иллюстрирующего примера. Выражение *вольный казак* мы используем в том случае, когда хотим подчеркнуть свободу своих действий: *Экзамены сдал, теперь я вольный казак до 1 сентября»; «Тебе хорошо – ты вольный казак»* (т.е. не женат) и др. [из разговоров].

Подводя итог нашему небольшому исследованию, мы хотели бы сказать, что исследование истории происхождения и современного функционирования всего одного слова дает возможность погрузиться в историю и культуру не только какого-либо определенного народа, но и в мировую историю. В Интернете обширная справка по казакам начинается с указания, что «**казакѧи** (др.-рус. козѧкъ; укр. козакѧи; польск. *kozasy*; от тюрк. (казак – вольный

человек), а также *черкасы*) или **козаки** – представители **казачества** – специфической этносоциальной общности, сформировавшейся в рамках особого, служилого сословия на территории современных Австрии, Казахстана, Польши, России, Украины, Хорватии, Чехии...» [См. Википедия].

Таким образом, слово *казак*, помимо своей необычной истории, имеет еще одну особенность – оно объединяет народы, т.к. является знаковым для истории и культуры как тюркских, так и славянских народов.

#### **Литература и источники**

1. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо; Форум, 2007. – 288 с.: ил.
2. Словарь русского языка. В 4-х томах. АН СССР, Институт русского языка. Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Русский язык, 1983. Т. 2 (МАС)
3. Сопов А. В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение// Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. – № 4. – С.66-85 (Эл. ресурс по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskogo-proishozhdeniya-kazachestva-i-ee-sovremennoe-prochtenie>)
4. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / авт.-сост. М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. II (ЭС)
5. Происхождение слова **казак**: в бесполезных поисках. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ef8896c0d13dd78e21972de/proishojdenie-slova-kazak-v-bespoleznyh-poiskah-6027c0d1b498705a81ba4c7e> (дата обращения 13.02. 2021)

***Еременко О.И.,***

*к.фил. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

***Горохова А.М.,***

*учитель МОУ «Шелаевская СОШ»*

*Валуйского р-на Белгородской обл.*

## **ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

***Eremenko O. I.,***

*Candidate of Philology, Associate Professor, NRU BelSU, Belgorod*

***Gorokhova A.M.,***

*teacher of the MOE «Shelayevskaya SOSH»*

*Valuysky district of the Belgorod region.*

## **DIALECT VOCABULARY AS A MEANS OF REGIONALIZATION PRIMARY LANGUAGE EDUCATION**

**Аннотация.** В статье анализируется дидактический потенциал диалектной лексики, которая рассматривается как объект внеурочной деятельности в начальной школе; предлагается программа внеурочной деятельности «Диалектная лексика», апробированная в одной из сельских школ Белгородской области.

**Ключевые слова:** лингвистическое краеведение, диалектная лексика, региональный компонент.

**Summary.** The article analyzes the didactic potential of dialect vocabulary, which is considered as an object of extracurricular activities in primary schools; the program of extracurricular activities «Dialect Vocabulary», tested in one of the rural schools of the Belgorod region, is proposed.

**Key words:** linguistic local history, dialect vocabulary, regional component.

В последние десятилетия в образовательных учреждениях России значительно возрос интерес к изучению родного края. Это обусловлено рядом причин: деидеологизацией общества; новыми подходами к процессу обучения, гуманизацией образования; ориентацией на развитие личности; осознанием эффективности краеведческого принципа обучения (от известного к неизвестному, от частного к общему). В настоящее время созданы необходимые объективные предпосылки, дающие возможность обратиться к познанию местных особенностей в процессе изучения всех школьных предметов. Реализация «Базисного плана общеобразовательных учреждений Российской Федерации» предполагает, наряду с федеральным, освоение и национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта. Выделение данного компонента сделало актуальной идею регионализации образования, под которой понимается процесс максимального приближения образовательной сферы к реальным потребностям школы с учетом специфики региона, его культурно-исторических особенностей.

Предмет «Русский язык» обладает большим потенциалом в плане формирования регионального компонента. Под региональным компонентом школьного лингвистического курса понимаются языковые факты, присущие той или иной местности как в тематическом, так и лингвистическом отношении (Л.К. Лыжова, Т.В. Майорова). Таким образом, использование регионального компонента в языковом образовании предполагает обращение к местным языковым особенностям, к лингвистическому краеведению.

Важнейший объект лингвистического краеведения – диалект, его фонетические, грамматические и лексические особенности. Еще в XIX в. ученые настойчиво рекомендовали школьным учителям знакомить своих учеников с особенностями местных говоров, с тем, чтобы изучать язык в его исторических и местных изменениях (Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов). «Из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами, – писал А.А. Шахматов, – учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках – он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни» [Шахматов 1982: 36].

Выбор именно этого местного материала обусловлен тем, что в последние десятилетия намечаются негативные тенденции в развитии нацио-

нального русского языка (активное проникновение в русский язык иноязычных слов, жаргонизация языка). В таких условиях обращение к региональной лингвистике, к местным диалектам будет весьма полезным и своевременным. Диалекты – это исторически необходимая ступень развития русского языка. В средние века именно диалектная дробность позволила языку выжить в условиях межнациональной конкуренции, чужеземных завоеваний, государственной расчлененности. Диалекты сохранили народные языковые формы, многие из которых затем вошли в фонд литературного языка. На протяжении столетий именно диалект был основным источником пополнения литературного языка. И поэтому изучение современного русского литературного языка невозможно без обращения к диалектной лексике. Изучение говоров, представляющих многие реликты русского языка, помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, понять условия, причины, неизбежность и необходимость последовательного изменения русского языка. Знакомство с живым русским народным словом даст возможность показать красоту и мощь родного языка, богатство его выразительных средств. Сегодня как никогда актуально звучат слова В.И. Даля, который еще в 1866 г. в «Напутном слове» к своему словарю писал: «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи» [Даль 1956 : 23].

На уроках русского языка обращение к региональным особенностям из-за ограниченности во времени может осуществляться в виде отдельных экскурсов, в ходе которых учащиеся будут знакомиться с местными языковыми особенностями. Более эффективным и целесообразным является привлечение регионального языкового материала в процессе внеурочной деятельности, который позволит учителю организовать постоянную и систематическую работу с закрепленным составом участников по изучению того или иного лингвокраеведческого материала, а именно – диалектной лексики.

Идея использования диалектной лексики в процессе внеурочной деятельности актуальна в условиях практически любого региона нашей страны. Большая часть школ России – это сельские школы, речь учащихся которых не свободна от влияния окружающего диалекта. Обучение в условиях диалектной среды вызывает необходимость корректировать методику с учетом местной языковой ситуации. Анализируя задачи учителя, работающего в диалектной среде, Л.Л. Касаткин справедливо отмечает, что, обучая литературному языку, нельзя допустить, чтобы он «вытеснил у детей тот язык, которым они владеют с детства, – местный говор... В деревенском общении должен сохраниться местный говор. И благородная цель учителя – показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для вы-

полнения своей роли, а в некоторых отношениях он и богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору – вот важная цель учителя деревенской школы» [Касаткин 1999: 23].

В связи с особой актуальностью проблемы регионализации языкового образования нами разработана программа внеурочной деятельности «Диалектная лексика» для младших школьников, которая в течение двух лет апробировалась в МОУ «Шелаевская общеобразовательная школа» Валуйского района Белгородской области (учитель – Горохова Антонина Михайловна). Программа рассчитана на учащихся 3-4 классов. Задачи программы:

- формирование у учащихся правильного отношения к диалектной речи, умения коммуникативно целесообразно использовать диалектизмы. Школьники должны осознавать, в каких условиях употребление диалектных слов можно считать правильным и уместным;
- формирование интереса к изучению народной речи и бережного отношения к народному слову;
- формирование представления о русских народных говорах, об особенностях местного говора;
- привитие навыков сбора диалектологического материала;
- расширение знаний учащихся об истории, культуре своего региона, характерных для него обычаях и традициях.

В процессе внеурочной деятельности нами используются следующие методы и приемы работы: слово учителя, сообщения учащихся; беседы по сообщаемому факту (фактам); сопоставление фактов диалектного и литературного языка; решение лингвистических задач, отражающих диалектные особенности; использование занимательного материала; использование иллюстративного материала (таблиц, лингвистических карт и т.п.); экскурсии (например, в краеведческий музей); работа со словарями (толковыми, этимологическими, с «Толковым словарем живого великорусского языка» В.И. Даля); беседы с местными жителями; составление словаря местного говора (тематического, алфавитного); создание мини-текстов с использованием диалектной лексики.

В содержание программы включено два круга вопросов: общие, призванные дать младшим школьникам представление о диалектном языке, диалектном членении русского языка, типах диалектных слов, и частные, которые должны познакомить с особенностями лексики родного говора. Приведем примерное содержание программы.

### **I. Общие вопросы**

Понятие о русском национальном языке. Литературный язык и диалекты.

Понятие о диалектном членении русского языка. Основные черты южнорусского и севернорусского наречий.

Белгородские говоры как яркие представители южновеликорусского наречия. Формирование белгородских говоров. Украинизмы в белгородских говорах.

Выдающиеся собиратели народной речи и фольклора (В.И. Даль, А. Афанасьев и др.). Диалектные (областные) словари. Правила отбора слов, построения словарных статей в таких словарях. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как сокровищница лексики народных говоров. Нахождение и анализ в этом словаре слов с пометой *южн., курс., воронеж.* (есть ли такие слова в местном говоре; судьба этих слов в современном русском языке – по толковым словарям современного русского языка).

Понятие о диалектном (областном) слове. Типы диалектизмов (семантические, фонетические, морфологические, этнографические).

## **II. Лексика говора родного села.**

Лексический состав местного говора. Явления синонимии и антонимии в лексике говора. Многозначные слова и антонимы в лексике говора.

Этнографическая диалектная лексика в говоре родного села.

Мотивированность названий в лексике говора.

Тематическая классификация лексики говора.

Названия предметов домашней утвари.

Названия построек и их частей, частей усадьбы, земельных угодий.

Названия орудий труда и сельскохозяйственного производства. Народные названия кушаний. Названия одежды, обуви в местном говоре.

Составление тематического словаря местного говора.

В процессе реализации программы внеурочной деятельности мы убедились, что в условиях сельской школы открываются широкие возможности для наблюдения над местным диалектом. Школьники могут выявить лексические черты местного говора, увидеть слова и формы, которые сохранились с древнейших времен, обнаружить множество слов, которым нет эквивалентов в литературном языке, что дает возможность показать лексическое богатство говоров и функции местных слов. Следует отметить и практическую направленность программы внеурочной деятельности по изучению диалектной лексики. Происходящее в настоящее время нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, – это утрата части языкового богатства, обеднение общенародного языка. Собирая и записывая диалектную лексику, учителя сельских школ вместе со своими учениками вносят определенный вклад в сохранение диалектов, которые являются феноменом культурного национального наследия.

### **Литература и источники**

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т.1. – М., 1956. – 543 с.

2. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М.: Дрофа, 1999. – 528 с.

3. Лыжова, Л.К. Лингвокраеведение как отражение регионального компонента в преподавании родного языка / Л.К. Лыжова. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – 18 с.

4. Майорова Т.В. Региональный компонент образования по русскому языку. Программа для общеобразовательных учебных заведений Тульской области / Т.В. Майорова. – Тула: ТГПУ, 2003. – 14 с.

5. Шахматов А.А. К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях / А.А. Шахматов // Русский язык как предмет преподавания. – М.: Просвещение, 1982. – С. 34-42.

*Канакина Г. И.,  
к. пед. н., проф., ФГБОУ ВО «ПГУ», г. Пенза,  
Гурьянова Л. Б.,  
ст. преп., ФГБОУ ВО «ПГУ», г. Пенза*

## **НАСЛЕДИЕ В. И. ДАЛЯ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА**

*Kanakina G.I.  
candidate of Pedagogical Sciences, professor,  
Head of the Department of Russian Language and methods of teaching the Russian  
language, Penza State University  
Guryanova L.B.  
senior lecturer of the Department of Russian Language and methods of teaching  
the Russian language, Penza State University*

## **V.I. DAHL'S HERITAGE IN THE PREPARATION OF A LANGUAGE AND LITERATURE TEACHER**

**Аннотация.** Анализируется опыт использования пословиц, собранных В. И. Далем, в подготовке учителя-словесника. Пословицы являются ярким и выразительным иллюстративным источником при обучении русскому языку в вузе и в школе. Использование пословиц в занятиях русским языком с будущими учителями словесности готовит их к формированию языковой, коммуникативной, культуроведческой компетенций школьников, к организации и проведению внеурочной работы с ними.

**Summary.** The article analyzes the experience of using proverbs collected by V. I. Dahl in the training of a teacher-wordsmith. Proverbs are a bright and expressive illustrative source when teaching Russian at university and at school. The use of proverbs in Russian language classes with future teachers of literature prepares them for the formation of language, communication, cultural competence of schoolchildren, to organize and conduct extracurricular work with them.

**Ключевые слова:** наследие Даля, пословица, русский язык, подготовка учителя-словесника.

**Key words:** the legacy of Dahl, proverb, Russian language, training of a teacher-wordsmith.

Социальный заказ общества на качественную подготовку выпускников школ, наряду с другими факторами, обеспечивается высоким уровнем профессионализма педагога. В условиях модернизации современного образова-

ния ведущей функцией его деятельности является содействие образованию и воспитанию школьников, становлению их личности. А это требует изменения в системе подготовки учителя, в том числе учителя-словесника. По мнению Е. О. Галицких, современная «профессиональная подготовка педагога-словесника характеризуется реализацией интегративного подхода, в котором гармоничное сочетание педагогической, психологической, методической и предметной подготовки необходимо, чтобы личность самого учителя стала проводником «живого слова» русской культуры, ценностной, созидательной, мировоззренческой силы искусства слова» [Галицких 2019: 64-65].

Основой для подготовки учителей русской словесности, от результатов труда которых во многом зависит будущее страны, поскольку именно язык играет первостепенную роль в сохранении духовных ценностей и традиций и передаче их от поколения к поколению, может служить богатейшее творческое и научное наследие Владимира Ивановича Даля.

Широта научных интересов В. И. Даля позволила ему внести значительный вклад в развитие отечественной лингвистики. Его работы по истории русского языка, диалектологии, лексикографии, описательной фонетике, орфоэпии, орфографии, теоретической грамматике, стилистике на многие годы предопределили не только состояние теоретических исследований, но и возможность их практического применения в образовании и воспитании подрастающего поколения. «В.И. Даль являлся необыкновенной языковой личностью, ярким лингвистом, во многом опередившим современную ему науку и создавшим цельную теорию лингвистического знания, соотнесенного со стратовым характером русской культуры, т.е. знания лингвокультурного» [Фархутдинова 2001].

Безграничная любовь В.И. Даля к русскому языку проявлялась в собирательстве народных слов и выражений, «в призыве к образованной части общества научиться думать и говорить по-русски». Самая большая заслуга Даля, которая дала его имени широкую известность, – это два его больших научных труда: сборник «Пословицы русского народа» (1862 г.) и «Толковый словарь живого великорусского языка» (1861–68 гг.). Словарь В. И. Даля более 150 лет служит тем, кому дорог русский язык и его история. В предисловии к 3-ему, исправленному и дополненному, изданию словаря И. Бодуэн де Куртенэ писал: «Словарь Даля является не только одной из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того, сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения мирозерцания русского народа. Чего только стоит одно обилие сочных и метких изречений и пословиц!» [Цит. по: Вомперский 1976: 12-13].

В «Напутном» (предисловии к сборнику «Пословицы русского народа») В. Даль, обращаясь к своим читателям, так объяснил свою страсть к собирательству этих мудрых народных изречений: «... если не собрать и не сбегать речь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности

и бесцветности, стрижкой под гребенку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху» [Даль 1949].

Творческое и научное наследие В. И. Даля включено во многие рабочие программы языковедческих и литературоведческих дисциплин подготовки бакалавров педагогического направления (44.03.05) по профилю «Русский язык. Литература» в Педагогическом институте имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета. Особенно активно в процессе подготовки учителей-словесников задействованы собранные учёным пословицы. В своей статье мы остановимся на конкретных фактах творческого использования этого уникального материала в подготовке учителей-словесников на кафедре «Русский язык и методика преподавания русского языка». Нами подготовлен ряд учебно-методических пособий для студентов и школьников, включённых в учебный процесс по дисциплине «Методика обучения и воспитания (русский язык)». В качестве языкового дидактического материала в них мы использовали пословицы, собранные и записанные В. И. Далем.

В 2004 году нами было издано пособие для студентов педагогических специальностей «Русская пословица как феномен культуры и средство формирования языковой и нравственной компетенции» [Канакина 2004]. Пословицы были привлечены как универсальный дидактический материал для изучения единиц разных языковых уровней.

Кроме того, большой воспитательный потенциал пословиц позволил показать возможность использования пословиц в образовательном процессе с целью формирования ценностных жизненных установок, выработки нравственной позиции. Эта возможность обусловлена тем, что содержащиеся в пословицах этические ценности являются общечеловеческими, поэтому они ясны каждому. Пословицы – особый вид языковых выражений. Они в доступной форме предписывают правила поведения и выступают как его нравственные регуляторы. Истолковывая смысл пословицы, обращаясь к пословичной мудрости, мы переводим общечеловеческие ценности, заключённые в пословицах, в разряд лично значимых.

С 2015 г. по настоящее время в издательстве «Флинта» выходит наше учебное пособие «Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции» [Канакина 2020]. Данное пособие посвящено формированию языковой и социокультурной компетенции будущих учителей на материале пословиц. Пословицы рассматриваются с точки зрения их строения, языковых особенностей и как своеобразное хранилище сведений о народной жизни, нравственных ценностях, социокультурных нормах общества. Мы отмечаем, что этот золотой фонд русской языковой культуры, к сожалению, недостаточно задействован в качестве дидактического материала в вузовских и школьных учебниках по гуманитарным дисциплинам. Занятия русским языком, кроме решения учебных задач, призваны способствовать духовному развитию обучающихся, воспитывать интерес к истории русского народа, его самобытной культуре. Специфика пословицы как феномена куль-

туры представлена в первой главе пособия. Вторая глава даёт возможность использовать материал пословиц при изучении всех разделов курса русского языка, поскольку они являются благоприятным материалом для работы с языковыми единицами разных уровней. Как малый жанр русского фольклора, они не требуют дополнительного контекста для уяснения семантики и структуры, позволяют четко представить языковое явление и правильно его квалифицировать. Работа с пословицами на занятиях русским языком позволяет сохранить у обучающихся желание изучать русский язык и стимулирует интерес к его истории. Заключение в пословицах социальный опыт народа позволяет использовать их в воспитательных целях как средство формирования социальной культуры. Этот материал изложен в третьей главе книги. Наше пособие основано на компетентностном подходе и написано в соответствии с программами учебных дисциплин, занимающихся проблемами взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры.

Мы предлагаем систему работы (теоретические сведения, упражнения и задания) по формированию языковой и социокультурной компетенции с опорой на языковые, дидактические и воспитательные возможности русских пословиц. Приложения к пособию содержат дополнительный дидактический материал, который существенно расширяет возможности преподавателя, позволяя ему моделировать новые формы работы.

Анализ пословиц и поговорок, собранных великим В.И. Далем, позволяет убедиться в том, что формирование личности должно идти через овладение родным языком, тысячелетиями накапливающим сокровища народной мысли и опыта. В обучении русскому языку в школе использование наследия В. И. Даля позволяет построить изучение самых сложных вопросов на дидактическом материале пословиц, который не только обучает, но и развивает и воспитывает. В 2006 г. в московском издательстве «Вербум-М» вышел элективный курс для старшеклассников «Язык русских пословиц» и методические рекомендации к нему. Цель курса по выбору – «вести учащихся от постижения языка пословиц к постижению русской культуры и формированию на этой основе духовности» [Канакина 2006: 3]. В нём рассмотрена специфика языка русских пословиц с точки зрения фонетических, лексических особенностей и грамматического строя. Актуальность выбранной нами темы обусловлена значением изучения пословиц для интеллектуального и нравственного развития школьников и недостаточной изученностью их практического применения на уроках русского языка.

Работая над пословицами, учащиеся постигают вариативность языка, его выразительные средства и образное содержание, что является основой формирования не только языковой компетенции, но и языкового вкуса. Использование пословиц целесообразно не только для иллюстрации грамматических явлений и закрепления их в речи. Благодаря своему лексико-грамматическому разнообразию, пословицы могут использоваться для обогащения словарного запаса, для развития мышления и речи.

Кроме того, обращение к пословицам позволяет формировать интерес учащихся к родному языку, расширять их кругозор, развивать чувство языка, воспитывать уважение к народным традициям и культуре русского народа. Задания направлены на формирование умения толковать значение пословиц, что является для современных учеников достаточно сложным видом работы, так как они не всегда воспринимают обобщённый смысл пословиц, видят лишь их прямое значение.

Формирование личности будущих учителей происходит как в процессе обучения, так и во внеучебной деятельности. Одним из направлений подготовки учителей-словесников является их подготовка к проведению с обучающимися внеурочной работы по русскому языку, которая способствует расширению лингвистического кругозора, повышает как творческие возможности будущих словесников, так и их общую языковую культуру. Во время учёбы в педагогическом вузе студенты имеют возможность создавать сценарии внеурочных мероприятий и принимать участие в их организации. С 2013 года наша кафедра на базе Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова ежегодно проводит Лингвистическую ассамблею, посвященную Дню словарей и энциклопедий. Лингвистическая ассамблея стала внеучебным мероприятием, не только формирующим у будущих учителей-словесников интерес к словарям русского языка, но и развивающим у них навыки проведения просветительских акций. Цель данного мероприятия – привлечь внимание студентов и школьников к лексикографии как разделу русского языка, занимающемуся вопросами составления словарей и их изучением, рассматривающим семантическую структуру слова, его особенности и толкование. В ходе мероприятия участники могут познакомиться с жизнью и деятельностью лексикографов-составителей словарей и, в первую очередь, В. И. Даля. Студенты тщательно отбирают материал, посвященный жизни и деятельности создателя «Толкового словаря живого великорусского языка», ведь не случайно Лингвистическая ассамблея проводится 22 ноября, в день рождения учёного. Особое их внимание привлекают рукописные словари, собранные В. И. Далем: офенские словари, словари шерстобитов и мазуриков. Сведения о его новых словарных материалах впервые ввел в научный оборот доктор филологических наук, профессор В. Д. Бондалетов, который долгие годы работал в нашем вузе. В его книге «Даль и тайные языки в России» [Бондалетов 2004] впервые были опубликованы четыре рукописных словаря В. И. Даля, составленные в 40–50-е годы XIX столетия: «Словарь офенского языка» и «Русско-офенский словарь», которые включают более 5 тысяч слов торговцев-коробейников (офеней). Их дополняют «Словарь тайных слов шерстобитов» и «Словарь петербургских мазуриков». Книга профессора В.Д. Бондалетова – глубокое исследование истории бытования тайных языков в России.

Одной из форм подготовки к Ассамблее является групповая работа, в ходе которой создаются проекты, посвященные и другим учёным-

лексикографам: И. И. Срезневскому, Д. Н. Ушакову, С. И. Ожегову, Л. В. Щербе, Н. М. Шанскому, А. Н. Тихонову, О. Н. Трубачеву, Н. Ю. Шведовой. Каждая Ассамблея расширяет представление участников о многообразии словарей русского языка. Настоящим открытием для них стали словари, созданные русскими писателями: Н. В. Гоголем, В. И. Далем, А. Н. Островским, А. И. Солженицыным. Студенты готовят материал не только об истории их создания, но и о лингвистических взглядах мастеров слова, об использовании словарных материалов в их художественных произведениях.

В качестве зрителей и участников на каждой Ассамблее присутствуют школьники. Еще одним компонентом Ассамблеи является интеллектуальная игра для школьников, которую готовят и проводят студенты – будущие учителя-словесники: создают сценарий, выбирают ведущих и членов жюри, разрабатывают критерии оценки. После проведения игры проходит обсуждение её итогов и вручение призов. Поскольку данное мероприятие проводится на базе областной библиотеки, это всегда прекрасный повод в ходе книжной выставки познакомиться с различными словарями.

Пословицы занимают и в языковой подготовке, и в воспитании личности будущего учителя-словесника особое место. Их ритмическая и синтаксическая чёткость композиции, разнообразие изобразительно-выразительных средств позволяют использовать этот богатейший языковой материал на занятиях русским языком как в вузе, так и в школе. Включение пословиц в занятия русским языком с будущими словесниками готовит их к формированию у школьников языковедческой, коммуникативной и культуроведческой компетенций, выработке системы нравственных ценностей, способствует становлению их личности.

#### **Литература и источники**

1. Бондалетов В. Д. Даль и тайные языки в России. – М.: Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2004. – 456 с.
2. Вомперский В. П. Бодуэновское издание толкового словаря В. И. Даля // Русская речь. – 1976. – № 6. – С. 11-21.
3. Галицких Е. О. Профессиональная подготовка педагога-словесника: поиск резервов развития в новую цифровую эпоху // Педагогический ИМИДЖ.– 2019. – Т. 13. – № 2 (43).– С. 63–76.
4. Даль В. И. Напутное // Пословицы русского народа. – URL: <https://rus.ruolden.ru/1949/1-naputnoe-v-i-Dahl-poslovitsy-i-pogovorki/> (дата обращения 27.04.2021 г.).
5. Канакина Г. И., Викторова Е. В. Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции: учеб. пособие; под ред. Г. И. Канакиной. – 4-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 144 с.
6. Канакина Г. И., Викторова Е. В. Русская пословица как феномен культуры и средство формирования языковой и нравственной компетенции: учеб.-метод. пособие / под ред. Г. И. Канакиной. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2004. – 150 с.
7. Канакина Г. И. Язык русских пословиц: Элективный курс для 10-11 классов: Программа. Планирование. Методические рекомендации. – М.: Вербум-М, 2006. – 47 с.

*Красовская Н.А.,  
д. фил. н., доцент, ТГПУ  
им. Л.Н. Толстого, г. Тула*

## **ВОЗМОЖНОСТЬ СОСТАВЛЕНИЯ УЗКОЛОКАЛЬНОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

*Krasovskaya N. A.  
Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Ped-  
agogical University named after L.N. Tolstoy*

### **THE ABILITY TO COMPILE A NARROW-LOCAL DIALECT DICTIONARY IN MODERN CONDITIONS**

**Аннотация.** В статье идет речь о возможности создания диалектного словаря одного из административных районов Тульской области. Подготовка подобного лексикографического источника может способствовать прояснению положения тульских говоров как межзональных и влиянию на них юго-восточной диалектной зоны, а также более четкому представлению о системных отношениях в диалектной лексике. Автор предлагает остановиться на актуальности создания подобного словаря, рассмотрении его структуры и примерах словарных статей.

**Summary.** The article deals with the possibility of creating a dialect dictionary for one of the administrative districts of the Tula region. The preparation of such a lexicographic source can help clarify the position of the Tula dialects as interzonal and the influence of the southeastern dialect zone on them, as well as a clearer understanding of systemic relations in dialect vocabulary. The author proposes to dwell on the relevance of creating such a dictionary, considering its structure and examples of dictionary entries.

**Ключевые слова:** словарь, диалектная лексика, тульские говоры, словарная статья.  
**Key words:** dictionary, dialect vocabulary, Tula dialects, vocabulary.

Составление диалектных словарей – дело сложное и длительное, так как архаические говоры постепенно разрушаются, по объективным причинам становится меньше носителей диалектов. Однако говорить о полном исчезновении диалектных особенностей невозможно. Как показывает современный анализ языковых систем, территориальные и региональные языковые черты в значительной степени сохраняются как в активной речи носителей языка, так и в пассивном словаре.

Мы неоднократно писали о сложности составления «Словаря тульских говоров», который в силу ряда обстоятельств не был издан ранее [Красовская, 2014]. В настоящее время издано семь выпусков «Материалов к словарю тульских говоров», первый выпуск «Словаря тульских говоров», подготовлен второй выпуск «Словаря тульских говоров».

Объективные причины изучения тульских говоров сложились таким образом, что полного и системного их описания до сих пор не сделано. Хотя, безусловно, имеется в лингвистической науке целый ряд работ, в которых дается характеристика тульских говоров. В этой связи можно также говорить

об этапах изучения тульских говоров, об особенностях описания тех или иных их сторон. Тут можно вспомнить имена лингвистов, которые в своих основных работах исследовали систему тульских говоров: Е.Ф. Будде, В.Н. Сидоров, Н.Б. Парикова, И.Н. Чусова, М.А. Родина и др.

Проблема составления региональных словарей, именно как лексикографическая проблема, рассматривается в науке уже более сотни лет. Надо сказать, что на современном этапе осмысления проблем фиксации региональных лексических единиц господствуют взгляды, которые в свое время были определены Ф.П. Филиным при подготовке проекта «Словаря русских народных говоров» [Филин, 1961].

Однако уже во второй половине XX века высказывались различные взгляды лингвистов относительно точности составления словарей, их структуры, размещения в них тех или иных единиц, привлечения разнородного иллюстративного материала и т.д. Кратко можно сказать, что споры, связанные с лексикографической подачей диалектного лексического материала, не утихают до сих пор.

Нами более десяти лет разрабатывается концепция «Словаря тульских говоров» [Красовская, 2014]. Однако продолжающаяся работа по сбору и фиксации диалектного и регионального лексического материала ставит перед исследователями и иные задачи. В частности, нам необходимо определить возможность составления диалектологического словаря, включающего материал одного из районов Тульской области.

По нашему мнению, такой подход может быть вполне оправдан целым рядом причин, о которых и хотелось бы сказать. Одной из важнейших является переходность тульских говоров. Их межзональный характер делает заметно сложнее и их характеристику, и саму проблему определения внутренней неоднородности тульских говоров. В этом случае фиксация лексических единиц более узкой территории представляется весьма продуктивной для решения конкретных вопросов, связанных с влиянием той или иной диалектной зоны на системные признаки тульских говоров.

Следующей важной причиной, которая заставляет нас концентрированно рассматривать материалы отдельно взятого административного района, является более точное отражение системных отношений, которые иллюстрируются словарными материалами. Наконец, следует подчеркнуть, что обращение к корпусу лексических единиц, имеющих бытование в узком локусе, позволяет более выпукло представлять связь языковых единиц и культурно-исторической специфики, характерной для данного региона. В ситуации разрушения архаических диалектных лексем сохранение представления о системной организации лексики очень важно. Отчасти словник одного из районов, расположенных на востоке области, проливает свет на влияние именно юго-восточной диалектной зоны на Тульскую группу говоров. Надо подчеркнуть, что для описания лексических единиц Тульского края – это первый подобный опыт.

Можно говорить и о том, что сама подготовка словаря административного района выходит на дискуссионные вопросы о том, насколько значимо составление не просто узколокального словаря, а именно словаря лексических единиц, бытующих в населенных пунктах, объединенных административными границами, на вопросы о том, насколько представительным может быть материал такого словаря, будет ли иметь такой словарь не только научную, но и практическую значимость. Мы можем с уверенностью сказать, что многие из подобных вопросов могут быть решены только в процессе издания словаря и его «жизни» уже после издания.

Одной из целей публикации данной статьи является не только обоснование возможности и необходимости составления указанного словаря, но и представление его структуры.

Базу словаря составляют только те лексические единицы, которые были получены в ходе диалектологических практик и экспедиций в населенные пункты Воловского района Тульской области. Составителями словаря являются Красовская Н.А., Волина В.А., Кильмаматова Л.В. Именно они фиксировали и фиксируют лексические единицы в ходе проведения изыскательской работы в д. Алексеевка, д. Пруды, с. Непрядва, д. Красный Холм, с. Никитское. Подчеркнем, что все указанные населенные пункты сосредоточены в северо-восточной части района. Можно говорить о том, что весь представленный в словаре материал является результатом полевой работы указанных исследователей.

Словарная статья включает в себя заголовочное слово, грамматические пометы, стилистические и иные пометы, толкование, иллюстрацию (речение), указание на населенный пункт, в котором слово было зафиксировано.

Заголовочное слово имеет ударение, которое отмечается выделением гласного полужирным шрифтом. Грамматические пометы довольно традиционны: при существительном указывается род и окончание родительного падежа, при прилагательном – окончание родительного падежа, при глаголе – вид, переходность-непереходность. При иных словах указывается их частеречная принадлежность. Помимо этого, словарная статья может включать в себя и иные пометы: стилистические, семантические, лексические: *груб.*, *фольк.*, *уменьш.-ласкат.*, *обряд.* и др.

Обязательным элементом словарной статьи является толкование значения слова. Иллюстративным материалом считаются речения, которые приведены после толкования. Отметим также, что в качестве иллюстративного материала могут использоваться фольклорные произведения: пословицы, поговорки, присказки, песни, частушки. В иллюстрациях максимально сохранялись фонетические и грамматические особенности речи информантов. Завершается словарная статья указанием на населенный пункт, в котором эта лексема была зафиксирована.

Составители словаря благодарны жителям Воловского района, принявшим участие в беседах и способствующим сбору диалектного лексического материала.

Приведем некоторые примеры из готовящегося словаря:

**ВЯСНИКА** –и, ж.р. Овца, рождённая весной. *Вясной – вясника, осенью – осеняя, вясника – у нее длинная шерсть* (д. Алексеевка).

**ГАЙТАНЧИК** –а, м.р. Кайма. *Обшито гайтанчиками – материалом красным, сатин такой, пришивались по краям серяка* (с. Никитское).

**ГАЛЁРКА** –и, ж.р. Конец деревни. *С нашего конца, с галёрки, это конец деревни* (д. Пруды).

**ГАЛУШКИ** –Ø, мн.ч. 1. Лепёшки из картофеля. *Галушки делали у нас из картох* (д. Алексеевка). 2. Кружочки из теста, которые добавляли в суп. *Галушки, это замесишь тесто, режешь дольками и бросаешь в суп* (д. Пруды). 3. Кружочки из картофеля, которые добавляли в суп. *Делали вот эти вот, галушки из одних картошек, их называли клецки. Закатаешь и в кипяток кидаеш.* (с. Непрядва).

**ГАРНУШКИ** –Ø, мн.ч. Специальные ниши в стенке печи. *Тут гарнушки были. Это такие ниши, туда клали носки, подтяжки, варежки. Печка топит, там было тепло* (д. Красный Холм).

**ГЛЯДЕШКИ** –Ø, мн.ч. Обряд. Часть предсвадебного обряда, в ходе которого жених и его родители могли увидеть будущую невесту и оценить её достоинства и недостатки, смотрины. *Потом глядешки, идёшь на глядешки* (д. Алексеевка).

**ИГОЛКА** –и, ж.р. Вязальная спица. *Надо иголки в руки брать вязать* (д. Пруды).

**ИГРИЩЕ** –а, ср.р. Вечернее времяпрепровождение молодежи, вечеринка. *Они только по гостям, по игрищам ходят.* (с. Никитское). *Они только с игрищ пришли.* (д. Пруды). *Игрища, ну ходили, гармошка там, пляшут* (с. Непрядва).

Данные примеры иллюстрируют наличие всех компонентов словарной статьи, о которой было сказано выше, то есть отмечается заголовочное слово с ударением, грамматические пометы, если необходимо, то иные пометы, толкование, предложение-иллюстрация, указание на населенный пункт.

Как можно заметить, среди приведенных примеров словарных статей присутствуют те, которые указывают на факт полисемии, а также те, которые имеют не одну, а несколько иллюстраций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подготовка и составление диалектного словаря одного административного района Тульской области, в нашем случае Воловского, – это вполне решаемая научная задача, которая может иметь важные следствия в плане изучения лексической системы Тульской группы говоров.

#### **Литература и источники**

1. Будде Е.Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь. – СПб : Типография Императорской Академии Наук, 1904. – 151 с.

2. Будде Е.Ф. О народных говорах Тульской губернии. – СПб: Типография императорской Академии наук, 1898. – 60 с.

3. Будде Е.Ф. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. – СПб., 1897. – С. 1-10.
4. Красовская Н.А. Составление словаря тульских говоров: основные проблемы // Вестник ПСТГУ III: Филология. . 2015. Вып. 1 (41). – С. 71-80.
5. Парикова Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 15 с.
6. Родина М.А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 518 с.
7. Савинов Д.М. Диссимилятивно-умеренное яканье в говорах Белевского района Тульской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.: Наука, 2002. – С.65 – 83.
8. Сидоров В.Н. Об одном тульском говоре с гласное Е, не изменившейся в О // Материалы и исследования по русской диалектологии / АН СССР, ИРЯ. – М.; Л., Издательство АН СССР, 1949. Т.2. – С. 277- 289.
9. Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров». – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 200 с.
10. Чусова И.Н. Лексика, связанная с обозначением особенностей, склонностей человека и действий, в которых они проявляются (На материале тульских говоров): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 365 с.

***Мигаль Р.А.***

*учитель русского языка и литературы  
МОУ «Майская гимназия», Белгородская область*

## **ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.И. ДАЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ**

***Migal R.A.***

*teacher of Russian language and literature, MOE “Mayskaya gymnasium  
of the Belgorod district of the Belgorod region”*

## **THE STUDY OF V. I. DAHL’S WRITING IN THE MODERN SCHOOL**

**Аннотация.** Статья посвящена актуальным вопросам изучения литературного наследия Владимира Ивановича Даля в современной школе. В ней освещаются вопросы литературного развития и духовно-нравственного воспитания школьников на примере произведений В. И. Даля, являющихся благодатным материалом для этого и способствующих обогащению словарного запаса наших детей.

**Summary.** The article is devoted to the topical issues of studying the literary heritage of Vladimir Ivanovich Dahl in the modern school. It highlights the issues of literary development and spiritual and moral education of schoolchildren on the example of the works of V. I. Dahl, which are a fertile material for this and contribute to the enrichment of the vocabulary of our children.

**Ключевые слова:** творческое наследие, литературное развитие, фольклор, литературная сказка, поэтичность, выразительность языка, литературная сказка.

**Key words:** writing heritage, literary development, folklore, literary fairy tale, poetry, expressiveness of language, literary fairy tale.

Имя Владимира Ивановича Даля ассоциируется у нас прежде всего с «Толковым словарем живого великорусского языка». Однако список его достижений и титулов велик. В.И. Даль был не только лексикографом и писателем, но и фольклористом, этнографом, лингвистом, врачом, востоковедом. Он был одним из организаторов русского Географического общества, играл на нескольких музыкальных инструментах, работал виртуозно на токарном станке. Владимир Иванович обладал энциклопедическими знаниями. Изучением фольклора и языка он занимался всю жизнь.

Давно доказано, что чтение произведений устного народного творчества влияет на формирование личности ребенка, на его литературное развитие.

Современные школьники знакомятся с произведениями фольклора через книгу, интернет и реже – в живой форме. Подобрать для юного читателя книгу с настоящим народным творчеством – первоочередная задача учителя.

Произведения В. И. Даля являются благодатным материалом для литературного развития и духовно-нравственного воспитания детей. Известно, что дети обладают повышенной речевой одаренностью, которая проявляется в памяти на слова и грамматические конструкции, в чуткости к звучанию и значению слов. Поэтому, чтобы научить ребенка новым формам речи, надо выбирать произведения с богатым и выразительным языком. Это можно найти в произведениях В.И. Даля. Не случайно почти три десятилетия при жизни и более 45 лет после смерти писателя его произведения изучались в различных учебных заведениях России – гимназиях и реальных училищах, военных заведениях и духовных семинариях, сельских и городских народных школах. Без преувеличения можно сказать, что начиная с 40-х годов девятнадцатого века каждый образованный человек был со школьной скамьи знаком с рассказами В.И. Даля, чего, к сожалению, не скажешь сейчас [Бессараб 1972: 118].

На протяжении всей жизни В. И. Даль собирал слова, народные выражения, стремясь показать богатство живого языка. Каждая строчка собранного материала знакомит ребенка с бытом, выразительным и ярким народным языком. Постигание богатства и многообразия русской речи происходит и при чтении произведений, написанных самим В. И. Далем. В сказках, былинах, пословицах и поговорках раскрываются ум народа, его быт, мировоззрение. Произведения, написанные В.И. Далем, помогают воспитывать в детях чувство любви к Родине, национальной культуре, к языку. Поэтому изучение творческого наследия этого замечательного писателя, неоправданно забытого в советское время, представляется очень важным делом.

Свои пять «Русских сказок», представлявших вольную обработку народно-сказочных сюжетов, В.И. Даль выпустил в свет в 1832 г. под псевдонимом Казака Луганского. Сборник сказок вышел под названием «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским».

Сказка «Новинка-диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво» относится к числу сочиненных самим Далем и для сегодняшнего читателя интересна не столько с точки зрения своих литературных достоинств, а скорее, в качестве примера, позволяющего понять идеи раннего творчества писателя в отношении народного языка.

Есть у В. И. Даля литературно обработанные сказки. Сказки «Трус», «Лиса и тетерев» относятся к позднему его творчеству по обработке произведений народного детского фольклора. Сказки эти вошли в сборник «Первая первинка полуграмотной внуке», изданный в 1870 году.

Сюжеты многих сказок В.И. Даля знакомы нам благодаря публикации вариантов этих сказок другими собирателями. Тем не менее, его сказки имеют значение самостоятельных произведений, так как они являются пересказом записанных со слов народа сказок, существующих, как известно, в самом различном изложении.

Сам В. Даль считал сказку очень нужной ребенку, потому что она укрепляет в нем моральное чувство, будит любознательность, развивает воображение, формирует эстетическое чувство.

Мир сказок оказывает большое влияние на рост творчества детей, который так необходим при их литературном развитии. Литературное развитие – процесс длительный и сложный, он обусловлен активностью мысли и чувства, памяти и воображения, степенью наблюдательности читателя. Практика показывает, что уже с первых лет обучения, основываясь на искреннем доверии детей к автору, можно начать формирование творческих читателей, опираясь, в частности, на материал произведений В. И. Даля, так как писательская палитра очень богата. Мы можем наблюдать сочетание плана сказочного вымысла с реалистическим, описание народного быта, владение образной русской речью, использование мягкого юмора, введение ярких сказочных образов. К тому же, народный колорит сказок был усилен В.И. Далем множеством пословиц, загадок, поговорок, метких образных словечек.

Современным детям известны такие сказки В. И. Даля, как «Девочка Снегурочка», «Журавль и Цапля», «Война грибов с ягодами», «Лиса и Медведь», «Лиса-лапотница» и многие другие. Все они вызывают у детей сильное эмоциональное впечатление. Например, сказка «Девочка Снегурочка» заставляет ребенка почувствовать жалость к одиноким старикам, к собаке Жучке, а спасение самой Снегурочки пробуждает радостные чувства. Вызывают улыбку у детей и сказки «Журавль и Цапля», «Лиса и Медведь», в которых главные герои привередничают, лгут, льстят друг другу. Их действия подталкивают читателей сделать вывод словами русской народной пословицы: «Всякая птичка свои песенки поет».

Исходя из опыта работы, следует заметить, что затруднение у учителя при изучении сказок вызывает не работа над идейно-художественным смыслом произведения, а работа над языком сказки. Писатель был убежден в том, что не сказки сами по себе были важны, а русское слово.

Чему же может научить читателя работа над языком и стилем сказок В.И. Даля? Ответ прост: в ходе чтения приходит осознание того, что, создавая живую картину или художественный образ, писатель из сокровищницы общенародного языка отбирает самые нужные, самые точные, самые яркие слова для выражения мыслей и чувств. Наряду с этим дети овладевают первоначальными знаниями о фольклоре, пополняют активный словарный запас, постигают богатство и многообразие русской речи за счет изобразительно-выразительных средств языка на материале художественных произведений В. И. Даля.

Обратимся к сказке «Что значит досуг».

В центре этого произведения – мысль о труде. Каждый персонаж сказки по-своему относится к порученному делу. Поручение Георгия Храброго – это испытание для каждого героя, проверка на трудолюбие. Чтобы полнее понять идейно-художественный смысл сказки, нужно раскрыть характеры персонажей. Индивидуальная характеристика героя и авторское отношение к нему создаются различными средствами. И среди них – использование описательной речи автора и речи действующих лиц. Такие наблюдения помогают детям сделать следующие выводы:

1. Автор использует слова, подчеркивающие отношение персонажа к работе.

2. Речь самого персонажа ярко дополняет описательную речь автора.

3. Характеристику действующего лица и свое отношение к нему автор создает при помощи слов с уменьшительно-ласкательными и пренебрежительными суффиксами.

4. Создать живые картины с участием фольклорных персонажей писателю помогает употребление в сказке слов и выражений из общенародного языка.

5. Для описания персонажей вводятся дополнительные характеристики.

6. Поэтичность и выразительность языка достигается использованием эпитетов, вводных слов и предложений, параллельных конструкций с союзом «да».

При анализе языка сказки В. И. Даля учителю следует обратить внимание детей на лексическое богатство родного языка, его синтаксические конструкции. Простонародная лексика служит средством речевой характеристики персонажей, используется для передачи народного быта.

Говоря о творчестве В. И. Даля, нельзя забывать о его пословицах и поговорках. Из великого множества и разнообразия пословиц и поговорок, представленных в сборнике «Пословицы русского народа», авторы современных учебников отбирают материал так, чтобы за каждой из пословиц вырисовывалась бы определенная житейская ситуация и вытекающий из нее нравственный смысл, выраженный в образной форме. Кроме того, пословицы и поговорки могут служить материалом для языковых наблюдений.

Так, например, читая вместе с детьми сказку «Старик-годовик», можно показать им своеобразие словаря В.И. Даля, используя слова-разгадки: день и ночь.

В сказке «Старик-годовик» сказочник задает детям вопросы: Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика? (Птицы-месяцы). Какие это четыре крыла у каждой птицы? (Четыре недели). Какие семь перьев в каждом крыле? (Дни недели). Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая – черная? (Белая половина пера – *день*, черная половина – *ночь* [Даль 1987: 14])

*День* – время от восхода до заката солнца; от утренней до вечерней зари.

По мнению В.И. Даля, дни бывают «трех цветов». Черные – пора нужды, бедствия. У суеверных людей черный день – тяжелый; это понедельник и пятница; а легкие дни – вторник и суббота.

Второй «цвет дня» – красный. Красные дни – пора довольства, достатка. Красным называют и день жаркий, солнечный, сухой.

Между черным и красным днями располагается серенький денек, пасмурный, неясный. У В. И. Даля мы встречаем: *День на день не приходится, день дню рознь; нынче – тепло, а завтра – мороз.*

*Ночь.* День меркнет ночью. Доброму ночь не в убыток.

Используя для объяснения значений слов «день», «ночь» пословицы и поговорки, собранные В.И. Далем, учитель тем самым учит детей точности выражения.

Знакомя детей с интересными сказками, мудрыми пословицами и поговорками, занимательными загадками ученого-фольклориста, мы решаем ряд задач: во-первых, дети постигают русскую речь с ее шутками и приметам, байками и поговорками со всей полнотой жизненной мудрости; во-вторых, школьники пополняют свой лексический запас, приобщаются к культуре своих предков; в-третьих, осуществляется нравственное и эстетическое воспитание, а в процессе чтения и анализа произведений происходит литературное развитие.

Таким образом, видим, что творчество В.И. Даля интересно самобытностью языка и любовью к простому народу. Изучение его в современной школе – долг памяти по отношению к великому сыну России – Владимиру Ивановичу Далю.

#### Литература и источники

1. Бессараб М.Я. Владимир Даль: Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. – Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Современник, 1972. – 288 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).
2. Даль В.И. Старик-годовик. – М.: Детская литература, 1987. – 88 с.

*Михайлова А.И.,  
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород  
Науч. рук. – Кошарная С.А.,  
д. фил. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ  
СПЕЦИФИКА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ  
(на материале стихотворения Ланы Ясновой)**

*Mikhailova A. I.  
Master's student, NRU «BelsU», Belgorod*

**ETHNOCULTURAL AND INDIVIDUAL AUTHOR'S SPECIFICITY  
OF LINGUISTIC FIGURATIVE MEANS IN A POETIC TEXT  
(based on the material of a poem by Lana Yasnova)**

**Аннотация.** В статье представлен функционально-семантический анализ типичных для художественной поэтической картины мира образных средств в тексте стихотворения Ланы Ясновой «Прохоровский снег». Метафора, сравнение и эпитет, являясь универсальными образными средствами и строевыми элементами художественной картины мира вообще, репрезентируют этнокультурную и индивидуально-авторскую специфику, при этом индивидуально-авторское выступает частным проявлением этнокультурного начала.

**Ключевые слова:** художественная картина мира, языковые образные средства, метафора, сравнение, эпитет, индивидуально-авторское мировидение.

**Summary.** The article presents a functional and semantic analysis of figurative means typical for the artistic poetic picture of the world in the text of Lana Yasnova's poem «Prokhorovsky Snow». Metaphor, comparison and epithet, being universal figurative means and structural elements of the artistic picture of the world in general, represent the ethno-cultural and individual author's specifics, while the individual author's acts as a private manifestation of the ethno-cultural beginning.

**Key words:** artistic picture of the world, linguistic figurative means, metaphor, comparison, epithet, individual author's worldview.

Анализ поэтического языка выступает одним из актуальных направлений современной лингвокультурологии, поскольку он репрезентирует не только особенности идиостиля, но обладает обширным набором языковых средств, которые отражают специфику национальной культуры, поскольку всякий автор погружен в пространство этнокультуры.

Образные средства, используемые в поэтических текстах, казалось бы, универсальны и традиционны, вне привязки к конкретной культуре. Но их использование и содержательное наполнение всегда культуроспецифично.

Так, метафоры, как слова и выражения, употребленные в переносном значении и создающие образные представления о предметах и явлениях, соединяют в себе определенные, культурно отмеченные понятийные области. То же можно сказать и других видах тропов.

Заметим, что выделяют два типа метафор – языковая метафора (ЯМ) и художественная (индивидуально-авторская) метафора (ХМ) [Шаваева 2016:166]. В языковой метафоре ассоциативные связи отражают языковой опыт говорящего, отражают индивидуальное видение мира, поэтому они «субъективны и случайны относительно общего знания» [Винокур 1980:192-194]. Языковая метафора (иначе – устоявшаяся, общеупотребительная) – готовый элемент лексики, который мы используем, зачастую не осознавая в слове процесса «рождения метафоры» (например: *солнце садится*, *грудная клетка* и т.п.). Метафора часто лежит в основе устойчивых оборотов, фразеологизмов: *зайти в тупик*, *быть на распутье*, *витать в облаках* и др.

Художественная метафора уникальна и всегда является авторской (субъективной).

В основе метафоры лежит операция сравнения, которое в данном случае имплицитно: метафора *солнце садится* означает, что солнце опускается ниже, *как будто* садится. В свое время Аристотель определил, что сравнение, по сути, представляет собой ту же метафору, образующуюся при помощи вводящего слова. Благодаря Аристотелю закрепилась традиция, согласно которой метафору принято считать сжатым или эллиптическим сравнением, из которого исключены компаративные связи («как», «словно», «подобно» и т.д.) [Адмони 1994:172].

Что касается лингвокогнитивного осмысления этих двух языковых явлений, то, согласно точке зрения Н. Д. Арутюновой, метафора «статична; она отражает остановившийся, лишенный внутренней динамики мир – мир сущностей», а «сравнение-уподобление подвижно и измеримо» [Арутюнова 1998: 279].

Все трактовки метафоры и сравнения в современной науке не противоречат друг другу. Так, в словаре литературоведческих терминов сравнение толкуется как уподобление соотносимых явлений (предметов, состояний), выраженное при помощи слов *точно*, *будто*, *словно*, *как*, *что*, *как будто* и др., при этом свойства или качества одного явления (предмета, состояния) переносятся на другое с целью его художественного описания. Отличием сравнения от метафоры является то, что сравнение нет необходимости декодировать, в то время как метафору надо распознать.

Еще одним универсальным художественным образным средством является эпитет. Л.И. Тимофеев и Н. Венгров в своем «Кратком словаре литературоведческих терминов», определив эпитет, как «слово, определяющее, поясняющее, характеризующее какое-нибудь свойство или качество понятия, явления, предмета», приписывают ему статус «простейшей формы тропа» [Тимофеев, Венгров 1952: 147], то есть эпитет – это «слово, определяющее предмет или явление и подчеркивающее к.-л. его свойства, качества или признаки» [Тимофеев, Тураев 1974: 469]. При создании художественного образа с помощью эпитета предмет обогащается в смысловом и эмоциональном планах.

Таким образом, метафора, сравнение и эпитет, являясь образными средствами, выступают строевыми элементами художественной картины мира. В качестве иллюстрации приведем примеры употребления данных образных средств в одном из стихотворений белгородского поэта, члена Союза российских писателей Ланы Ясновой (филолога-русиста, профессора С.А. Кошарной). Материалом для анализа послужило стихотворение «Прохоровский снег». Это философская зарисовка, изображающая состояние человека, которого мы случайно застаём в момент уединения и раздумий о памяти, о войне, о прошедших на месте заснеженного Прохоровского поля боях, о погибших в Курской битве. Война – общий фон событий – возникает, словно призрак. Летящий снег зимы представляет собой лейтмотив стихотворения:

*«В ратном поле – мирный снег –  
сыплет, раны исцеляя,  
будто ангелы из рая  
прилетали на ночлег...»* (Лана Яснова «Прохоровский снег»).

Приход снегов – оттуда – с высоты, из области небытия, – как возвращение к нашей памяти.

Произведение начинается с антитезы, которая формируется двумя эпитетами: *ратное* поле и *мирный* снег. В словарях прилагательное «ратный» имеет помету «устаревшее», «книжное» слово – поэтизм. Предполагаем, что автор намеренно использует это определение, что сглаживает прямолинейность противопоставления *война – мир*, приближая солдат, павших в бою, к былинным богатырям, которые во все времена защищали Русь.

Здесь же мы видим метафору «раны исцеляя», которая дополняется сравнением «словно ангелы из рая прилетали на ночлег». Образ предновогоднего снега сопоставляется с неким лекарством – бальзамом для души лирического героя.

В стихотворении Ланы Ясновой лирической герой также находится в этой точке отсчета: сыплет снег зимы. Во второй части стихотворения «взгляд» лирического героя переносится в город, в каждый дом, где уже присутствует запах ели и все готовы к встрече новой вехи в своей истории. Это час веселых приготовлений к празднику. Здесь мы видим олицетворение зимы в городе, которая «ученически прилежно» познаёт «ремесло пирований, и щедрот, и твоих уединений».

Снег оставляет позади себя всё мрачное, черное, высветляя землю и наши мысли, начиная новый отсчет времени:

*«Ай да Пушкин, добрый гений, –  
прав на двести лет вперед.  
Чёрно-белая зима  
снова надвое ложится...»* (Лана Яснова «Прохоровский снег»).

Отсылка к А.С. Пушкину здесь не случайна, Это аллюзивное обращение к прецедентным, хорошо известным пушкинским строкам о зиме, ср., например, в романе «Евгений Онегин»:

*«В окно увидела Татьяна  
Поутру побелевший двор,  
Куртины, кровли и забор,  
На стеклах легкие узоры,  
Деревья в зимнем серебре,  
Сорок веселых на дворе  
И мягко устланные горы  
Зимы блистательным ковром.  
Все ярко, все бело кругом.*

<...>

*Блеснул мороз. И рады мы*

*Проказам матушки зимы»* (Пушкин А.С. «Евгений Онегин», гл. IV).

В главе IV пушкинского романа обозначен этот переход от осени к зиме как смена состояния лирического героя:

*«Гусей крикливых караван  
Тянулся к югу: приближалась  
Довольно скучная пора;  
Стоял ноябрь уж у двора.*

<...>

*Встаёт заря во мгле холодной;*

*На нивах шум работ умолк;*

<...>

*И вот уже трещат морозы*

*И серебрятся средь полей...*

<...>

*Мальчишек радостный народ*

*Коньками звучно режет лед;*

<...> *веселый*

*Мелькает, вьется первый снег,*

*Звездами падая на брег»* (Пушкин А.С. «Евгений Онегин», гл. IV).

Зима – это всегда обновление. И праздник живых проходит в мирное время, в мире, нет войны и есть радость и счастье, за которые и отдали свои жизни те, кто полегли на таком тихом и спокойно сегодня Прохоровском поле. А оно – здесь, совсем рядом, с нами, с нашими праздниками:

*«А над Прохоровкой – снег:*

*сыплет белыми цветами...»* (Лана Яснова «Прохоровский снег»)

Третья часть стихотворения – противопоставление живого и веселящегося города страшным следам войны на безлюдном поле.

*«А над Прохоровкой – снег:*

*сыплет белыми цветами,*

*и воронки ловят ртами  
эту свежесть млечных рек,  
словно с дальней стороны,  
где ни имени, ни даты,  
возвращаются солдаты,  
не пришедшие с войны, –  
в новый год и в новый век,  
в час, где праздника и дети,  
чтоб увидеть на рассвете  
в ратном поле мирный снег* (Лана Яснова «Прохоровский снег»).

Здесь зима другая, со следами войны, но этот снег – словно павшие солдаты, которые пришли убедиться в том, что на земле мир и покой, в том, что падает «мирный снег». Обозначим образные средства:

– метафоры: *воронки ловят ртами; свежесть млечных рек*, где *млечные реки* – это метафора снегопада, при этом использовано устойчивое словосочетание (ср.: *молочные реки, кисельные берега*), в котором автор задействует церковно-книжный, традиционно-поэтический вариант произношения слова *млечный* (от *млеко*, ср.: *молочный* – от *молоко*), благодаря чему возникает и связь с номинацией *Млечный путь* (снег – как звезды, которые сыплются с неба);

– сравнения (*снег сыплет белыми цветами* – творительный сравнения – автор использует творительный падеж для сравнения снега с цветами, которые, по традиции кладут на землю при погребении усопших);

– эпитеты (*солдаты, не пришедшие с войны; ратное поле, мирный снег* и др.). Образ возвращающихся солдат, которые больше полувека назад не вернулись домой на этом фоне печален и одновременно светел: эти призраки переходят вместе с живыми «в новый год и в новый век», словно защищая ныне живущих от новых бед, «чтоб увидеть на рассвете в ратном поле мирный снег».

Мир Л. Ясновой в этом стихотворении – это живые люди, для которых память и уважение прошлого – это защита от новых войн, от новых бед. Это не просто соединение жизни и смерти в вечном круговороте, а сама жизнь, в которой есть место не только радости ныне живущих, но и памяти, которая всегда рядом с нами, и в этом отражается одна из ключевых особенностей русской ментальности, находящая отражение в индивидуально-авторской картине мира поэтессы.

#### Литература и источники

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб: Наука, 1994. – 153 с.
2. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 896 с.
4. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

5. Шаваева Ф.Я. Языковая и художественная метафоры. Специфика функционирования метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – Ч. 1, № 5 (59). – С. 164-167.

6. Яснова Л. Прохоровский снег / Опаленные страницы // Созвездие БелГУ. Выпуск 4 / под редакцией В. А. Смирновой. — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. – С. 13-14.

**Невзорова Н.П.**

*канд фил. н., доцент НИУ «БелГУ», г. Белгород*

**Стручалина Г.В.**

*канд фил. н., доцент НИУ «БелГУ», г. Белгород*

## **ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ В.Я. ЕРОШЕНКО («ЗИМНЯЯ СКАЗКА»)**

*Nevzorova N.P., candidate of philology,*

*Belgorod National Research University, Belgorod*

*Struchalina G.V., candidate of philology,*

*Belgorod National Research University, Belgorod*

## **GENRE AND COMPOSITION FEATURES OF V.Y.YEROSHENKO'S TEXTS ("WINTER TALE")**

**Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы жанрового своеобразия рассказов В.Ерошенко, которые оригинально были написаны на японском и эсперанто и переведены большей частью с китайского на русский, на примере анализа текста писателя «Зимняя сказка». Среди жанровых особенностей отмечены элементы сказочной поэтики (наличие вымысла, условности хронотопа и т.д.), рождественского рассказа (мистика, путаница, нагнетание страха, образ ребенка и пр.), хотя преобладающими параметрами оказываются притчевые характеристики, причем с включением элементов публицистики.

**Ключевые слова:** жанрово-композиционная специфика, поэтика сказки, рождественские истории, публицистика, псевдоавтобиографическое эссе, притча, романтизм, символизм.

**Summary.** This article examines the issues of genre originality of V. Eroshenko's stories, which were originally written in Japanese and Esperanto and translated mostly from Chinese into Russian, on the example of the analysis of the writer's text «Winter's Tale». Among the genre features, elements of fairytale poetics (the presence of fiction, the conventions of the chronotope, etc.), the Christmas story (mysticism, confusion, fear-mongering, the image of a child, etc.) are noted, although parable characteristics turn out to be the predominant parameters – with the inclusion of elements of journalism.

**Key words:** genre-compositional specifics, poetics of a fairy tale, Christmas stories, journalism, pseudo-autobiographical essay, parable, romanticism, symbolism.

Творческое наследие Василия Яковлевича Ерошенко, к сожалению, так до конца и не переведено полностью на русский язык. Хотя стоит признать, что последние 10-15 лет делается достаточно много для возвращения имени и творчества нашего земляка в пантеон русской литературы XX века. Одно из

первых и самых объемных крупных изданий его рассказов в России – сборник «В.Я. Ерошенко. Избранное» 1977 года [Ерошенко 1977], куда вошло около 20 его произведений, а также статьи, очерки письма, воспоминания современников об авторе, Примечания и комментарии и огромная вступительная статья Р. Белоусова «Мечтания скитальца. Очерк жизни и творчества В. Я. Ерошенко».

Необходимо еще раз подчеркнуть, что тексты В.Я. Ерошенко на заре XX века первоначально были опубликованы не на русском языке. Автор создавал их на эсперанто и японском. К нам они в основном дошли в переводах с китайского (осуществленных классиком китайской литературы XX века и другом В.Я. Ерошенко – Лу Синем). Но существуют и современные переводы рассказов Ерошенко с японского, например, работы В.И. Аникеева и других переводчиков. Архивы В.Я. Ерошенко, где могли содержаться рукописи, проливающие свет на то, на каком языке изначально творил автор, были, к сожалению, уничтожены. Поэтому было бы достаточно бессмысленно говорить о лингвистических особенностях его текстов, но жанровая и сюжетно-образная система его текстов вполне поддается научному анализу.

Нам бы хотелось на примере жанрово-композиционного изучения текста «Зимней сказки» проиллюстрировать оригинальное сочетание как различных жанровых особенностей (сказка, рассказ, публицистическое и автобиографическое эссе и т.д.), так и специфических национальных и наднациональных реалий и образов (японские, китайские и в целом – восточные, российские, общекультурные) в его произведениях.

Дата первой публикации «Зимней сказки» неизвестна, однако предположительно текст был записан в Пекине [Ерошенко 1977: 257], то есть приблизительно можно определить время создания 1922 годом. Для сборника перевод сделан с японского Г. Гутерманом.

По многим параметрам (в том числе по содержанию и особенностям художественного времени и пространства) этот текст можно определить как рождественскую историю, святочный рассказ, жанр, чрезвычайно популярный как в отечественной, так и зарубежной литературе XIX века. Название ориентирует читателя и на жанр сказки. И тем не менее внутреннее содержание текста с трудом можно соотнести как со святочным рассказом, так и со сказкой, о чем будет сказано далее. Небольшая первая часть текста стилизована под автобиографическое эссе, хотя и элемент автобиографии в тексте достаточно условен, т.к. В.Я. Ерошенко не был в России во время гражданской войны, о чем косвенно свидетельствуют некоторые упоминания в эпизодах.

Итак, текст можно условно разделить на 2 части. Первая часть – «здесь и сейчас» – условно реалистическая, реализованная набором публицистических приемов. Вторая – условно сказочная – «там, на Родине в воспоминаниях детства», с элементами фантастики, мистики, но и пафоса романтизации.

Повествование ведется от имени лирического героя в первом лице единственного числа. Упоминания родины писателя и лирического героя

прямым текстом нигде не дается, но можно предположить, что автор имеет в виду именно Россию. *«Я родился в холодной стране. Глубокий снег и толстый ледяной покров с детских лет были моими ближайшими друзьями. Суrowsые мрачные зимние дни тянулись в моей стране бесконечно долго, а прекрасная теплая весна и лето пролетали быстро, как золотой сон. Так по крайней мере было в моей стране, когда я там жил»* [Ерошенко 1977: 86]. Подобная стилизация под автобиографию позволяет автору ввести несколько пространственно-временных планов, контрастно сопоставленных, вернее, противопоставленных друг другу: здесь и сейчас – теплые страны, там и тогда, в детстве героя, – страна холода.

Холод Родины, который леденит душу героя, противопоставлен теплым Южным странам, куда уехал рассказчик и где находится в момент повествования. Концепт Холода реализуется чрезвычайно интенсивно на протяжении небольшого вступления и характеризуется использованием градации, метафор, эпитетов, подбором синонимов.

Образ Холода, воспринимаемый героем как некая космическая несправедливость, накладывается на тему социального неравенства, переводя лирическое повествование на уровень художественной публицистики с использованием символики, чрезвычайно популярной в среде революционной демократической интеллигенции начала XX века во время нарастания революционных настроений не только в России, но и по всему миру.

Политическая и социальная злободневность и тема социального неравенства представлена контрастирующими образами «счастливые / несчастные». Себя при этом рассказчик относит к последним.

*«<...> Счастливые, чтобы укрыться от холодной и мрачной действительности, угрожавшей обледенением их сердцам, отправлялись в театры, концерты, разного рода увеселительные заведения, где искусство и веселье согревали им души и навевали приятные сны. <...> Уделом же несчастных оставались постоянные столкновения с жестокой действительностью, когда утром весь мир окутывал густой морозный туман, а к полуночи начинала свою бешеную пляску снежная вьюга»* [Ерошенко 1977: 86].

Публицистичность первой части характеризуется определенным подбором общественно-политической лексики, эмоциональностью, оценочностью, призывностью. С публицистическим стилем газет и журналов тексты Ерошенко (которые и публиковались на страницах этих самых газет и журналов начала XX века, и только позднее – в виде отдельных книжек) сближает особенно «воздействующая» составляющая (цель) — стремление повлиять на мнение людей, причём в его произведениях зачастую чередуется скрытое влияние на сознание читателя (каким пользуется художественная литература) и открытое (публицистичное).

При этом В.Я. Ерошенко описывает, например, общественно-политическое расслоение общества в начале текста, в первой его части, общими словами с наличием журналистских экспрессивных клише (счастливые –

несчастливые), а дальше, в середине текста, в сказочной его части, он эту «действительность» покажет через сюжетное развертывание, через события, в описаниях старухи, через рассказ и сам образ крестьянина – хозяина избы.

Повествование от первого лица с использованием публицистического стиля – приём, которым довольно часто пользуется автор (см. «Кораблик счастья», «Мудрец-Время», «Мировой пожар»). Таким образом В.Я. Ерошенко вводит в сказку контрастный ей элемент реализма и сразу создаёт ощущение когнитивной двойственности, ещё не видимого, но предощущаемого двоемирия.

С первого абзаца складывается устойчивое впечатление, что это двоемирие связано со старым и новым строем в России, ведь произведение написано в период, когда на территории бывшей империи шла гражданская война (невозможность попасть в Россию через Дальний Восток и вынудила В.Я. Ерошенко оставаться в Китае до 1923 года). О сопоставлении Нового и Старого в России свидетельствуют лейтмотивные для этой вводной части повторы, которые звучат как заклинания. Правда, кажется, что автор в это не особенно верит. *«Говорят, что сейчас там все переменялось. И я хочу верить, что на моей родине действительно произошли чудесные перемены»* [Ерошенко 1977: 86]. *«Говорят, что сейчас в моей стране почти не осталось людей, которые бы страдали и плакали по ночам из-за невыносимых условий существования. Я верю в то, что их почти не осталось»* [Там же].

В тексте, правда уже во второй части, фигурируют и реалии и штампы революционной литературы того времени: «красное» партизанское движение, состоящее из альтруистично настроенной молодёжи, «белые» солдаты и жандармы, жестоко расправляющиеся с восставшими и преследующие инакомыслящих. Есть и крестьянство – косное, суеверное, эгоистичное и корыстное, пытающееся в хаосе гражданской войны выжить, не примыкая напрямую ни к одному лагерю. Представителем такого типа односельчан выведен безымянный хозяин избы, в которую в снежную зимнюю ночь стучится после фантастических приключений рассказчик. С этим же человеком рассказчик встречается десять лет спустя, снова приезжая в родные края, от него узнаёт о расправах белых над красными и косвенно – о жестокости красных по отношению к крестьянам: *«на наше счастье, в этом году белогвардейцы многих партизан поймали. Кого порубали на месте, кого потом казнили. Только это нас, справных хозяев, и спасло, — добавил он, понизив голос до шепота»* [Ерошенко 1977: 96].

Сам же рассказчик у В.Я. Ерошенко может быть отнесён к «прогрессивной интеллигенции» – ещё один из штампов, применявшийся в былые времена, и характеризовавший людей умственного труда и небольшого достатка, ждущих перемен, сочувствующих интересам трудящихся и их борьбе за свои права: *«От суровой, мрачной действительности, царившей в моей стране, у меня коченело не только тело, но и душа. Зарывшись лицом в холодную подушку, я скрежетал зубами, до крови кусал губы и жалобно, слов-*

*но мяукающий котенок в студеной ночи, плакал, проклиная свою судьбу и судьбу других несчастных людей»* [Ерошенко 1977: 87]. Лирического героя при этом отталкивает всякое насилие, поэтому (а не по природной нерешительности) он зачастую оказывается разочарован, подавлен жестокостью, с которой новое борется со старым: *«С самых ранних лет я мечтал, чтобы на моей родине не было несчастных людей. С самых ранних лет я надеялся на это и страстно этого желал. Мне кажется, что лишь этим мечтам и надеждам я обязан тем, что до сих пор еще живу»* [Ерошенко 1977: 87-88].

Однако идеологическое двоемирие – лишь один из перевёртышей авторского текста. Мало того, что проблемы социального неравенства и общественной несправедливости Ерошенко проецирует не только на свою Родину, Россию, но выводит эти проблемы на мировой уровень, поднимая свое патетическое повествование до уровня философской метафоры. Внутри метафорического, эмоционально окрашенного описания социального и политического разрыва в обществе Ерошенко помещает историю с набором сказочных элементов, стилизованную под рождественский рассказ, причем, в его «страшном», крещенском варианте.

Рождественский рассказ имеет довольно жесткие каноны. Во-первых, календарную обусловленность и нравственно-религиозную тематику, во-вторых, сентиментальную и назидательную окраску, в-третьих, присутствуют критика социального устройства, мотивы богатства и бедности, истинных и ложных ценностей, семейных уз, сострадания и равнодушия, страдания и воздаяния.

Рождественский рассказ мистифицирует читателя чудом или случайным чудесным совпадением, но это чудо, с одной стороны легко объясняется прозаическими обстоятельствами, а с другой – продолжает бытовать как чудо, явление божественной воли и высшего милосердия. Одним из героев рождественского рассказа непременно должен быть ребёнок, часто – ребёнок бедный, несчастный, сирота, отвергнутый жестокими взрослыми. Либо под видом ребёнка к взрослым приходит Христос, как, например, в сказке О. Уайльда «Великан». В финале героя может ожидать счастливое избавление от бед, обретение дома, семьи, места в социуме, или же – трагическая гибель, безгрешное усупение, окончание страданий земных и вхождение в царство горнее. Подробнее о становлении и традициях жанра святочного рассказа можно прочитать у таких авторов, как Е.В. Душечкина [Душечкина 1995], О.Г. Третьякова [Третьякова 2001] и др.

Исследователь Н.В. Самсонова [Самсонова 1998] выделяет несколько восходящих к языческому мифологическому сознанию архетипов, скрывающихся глубоко под оболочкой сентиментального христианства в святочных рассказах. Таковы Рождественское зазеркалье; святочная путаница; Рождественское «чудо»; Рождественское древо; Рождественский огонь.

В истории, рассказанной Ерошенко, присутствуют почти все компоненты, однако завершается все отнюдь не чудесно и радостно. Зимняя холод-

ная ночь; пользующаяся недоброй славой у деревенских жителей тополиная роща, в которую, повинувшись зову сердца, приходит рассказчик, и замерзает до смерти; невинный сказочный Тополиный мальчик, просящий вырезать у него на груди знак «любовь» (поскольку от этого знака дерево лучше горит) и поцелуем возвращающий рассказчика к жизни. Присутствует и «путаница»: рассказчик ожидает найти в сказочном дворце прекрасную принцессу и с разочарованием узнаёт, что там живёт лишь двенадцатилетний мальчик. Налицо ироничность авторского тона, в которой мы видим сознательную игру автора с классическим жанром: «— Ну, это уж совсем ни к чему, — разочарованно сказал я и про себя подумал: «Принцесса во сне — это еще куда ни шло, а мальчик... Причем тут какой-то мальчик?» [Ерошенко 1977: 90].

Переосмысление канонов жанра можно увидеть и в следующей особенности текста Ерошенко: двойничество, не характерное для сентиментального рождественского рассказа, а скорее, характерное для романтической или психологической новеллы. Во «внутренней» истории события и персонажи развиваются сразу в двух плоскостях: реальной и фантастической, сновидческой.

Сам Рассказчик пребывает как бы в двух состояниях: живом и мёртвом. Он вроде бы уже замерз, умер, как признает Царица зимы. Но в то же время он рефлексирует над своим маргинальным состоянием: «Мне стало вдруг очень весело, и, смеясь от души, я сказал: — Все это не иначе, как сон» [Ерошенко 1977: 89]; иронизирует над сказочными персонажами и необычными событиями и объектами вокруг него: «А дворец твой, наверное, сделан из алмазов, агатов и других драгоценных камней? — снова усмехаясь, спросил я старуху» [Там же]. Он подслушивает разговор мальчика и старухи по поводу своей же смерти.

Странная, полубезумная старуха, встреченная героем в сказочном мире в роще, в мире живых оказывается помешавшейся от горя матерью казнённого молодого партизана, а в «зазеркалье» она — суровая, но справедливая Царица зимы, получающая над душой замёрзшего человека полную власть. Вполне логично у читателя ассоциативно может возникнуть андерсеновский образ Снежной Королевы, однако и вполне фольклорный русский — Старухи-Смерти, бабы-Яги.

Тополиный мальчик оказывается тоже своеобразным «перевертышем»: он напоминает андерсеновского Кая, но «наоборот». Тот, оказавшись в царстве Снежной Королевы, забывает, что такое любовь, и только поцелуй Герды в состоянии растопить его замерзшее сердце. Маленький герой В.Я. Ерошенко, даже оказавшись во дворце Царицы Зимы, мечтает о любви и просит нарисовать ему знак «любовь» (так и просится в аналогию просьба Маленького Принца из одноименной сказки Экзюпери нарисовать ему барашка). И именно мальчик спасает от смерти рассказчика поцелуем. Тополиный мальчик из сна-сказки гибнет так же, как и сын старухи — сгорая во имя любви к человеку. Однако с точки зрения крестьянина, эта смерть — просто казнь

опасного бунтовщика. Такая многовариантность оценки очень характерна для творчества Ерошенко. Автор как бы оказывается НАД ситуацией, давая возможность читателю самому вывести оценки, но сначала увидеть сюжет с разных позиций. Это явно отличает текст Ерошенко от традиций и идеологии волшебной сказки, где мир четко делится на Добро и Зло.

В случае со сторанием, мотивом очистительного или жертвенного пламени (кстати, образ чрезвычайно часто появляющийся у В.Я. Ерошенко), приходят ассоциации с сердцем Данко у М. Горького, судьбой Ёлки в одноименной сказке Г.-Х. Андерсена, но и тут мы видим необычное, своеобразное раскрытие темы. Дело в том, что для героев В.Я. Ерошенко характерны стремление к самопожертвованию, что с позиции автора оценивается как героическое служение любви, людям. Одновременно эта же черта определяется и с точки зрения обывателя как некоторая умственная странность, а иногда сумасшествие.

Почти во всех произведениях Василия Яковлевича либо рассказчик, либо один из героев описывается как «странный», не от мира сего, задумывающийся о невозможности счастья для всех романтик с трагической судьбой. Причем трагическая гибель такого персонажа, если она имеет место, не до конца выдерживается в пафосном тоне революционного романтического рассказа, как, например, гибель Данко или Сокола у М. Горького. Ерошенко отдаёт себе отчёт, что святое самопожертвование его героев – всё же самопожертвование безумцев.

На уровень философской параболы выводят в тексте В.Я. Ерошенко элементы символизма с его амбивалентностью, многозначностью, не прозрачностью смысла образа-символа. Так, упомянутый знак «любовь» с точки зрения читателя текстов на китайском или японском языках – это иероглиф «любовь» (с него, между прочим, начиналась транскрибируемая иероглифами фамилия писателя). Читатели-христиане найдут здесь аллюзию на новозаветную тему.

Сравним, у О. Уайльда в «Великане-эгоисте»:

*«– Кто посмел нанести тебе эти раны?»*

*Ибо на ладонях мальчика он увидел раны от двух гвоздей, и на детских его ступнях были раны от двух гвоздей тоже.*

*– Кто посмел нанести тебе эти раны? – вскричал Великан. – Скажи мне, и я возьму мой большой меч и поражу виновного.*

*– Нет! – ответствовало дитя. – Ведь эти раны породила Любовь»* [Уайльд www].

И у В.Я. Ерошенко: *«Я взял ножик и на груди мальчика, в том месте, где сердце, вырезал эмблему любви. Подобно росе, покрывающей цветок, выступили капельки крови алого цвета. Когда мальчик взглянул на вырезанный на его груди знак, лицо его засветилось какой-то несказанной радостью и стало еще более милостивым»* [Ерошенко 1977: 94].

Символичен и поцелуй, которым рассказчик возвращает себе жизнь: *«Я обнял за плечи мальчика, который все еще дрожал, словно листва серебристого тополя, и продолжал:*

*– Не бойся меня, славный мальчуган. Я действительно пошутил и совсем не хочу твоей смерти. А если желаешь меня отблагодарить, то позволь мне хоть раз поцеловать тебя. Всего только один раз.*

*Я прижался губами к дрожащему рту и вдруг почувствовал, как чудесное, блаженное тепло разлилось по всему моему телу»* [Ерошенко 1977: 94-95].

Описание поцелуя у В.Я. Ерошенко, как видим, явно отличается от лишённого чувственности поцелуя христианских текстов, но сближает его со сказочными. В сказках мотив поцелуя сопровождает пробуждение зачарованного/умершего героя, воскресения, возвращения в мир живых.

В литературе модерна конца XIX – начала XX века эта тема получает новую трактовку: неоднозначную, со скрытым конфликтом, с коннотацией нарушения какой-либо запретности, порой трагическую. У того же О. Уайльда часто поцелуй связан со смертью, выступает последним, предсмертным лобзанием любящего существа («Счастливый принц», «Рыбак и его душа» и др.). С другой стороны, поцелуем мальчик (Христос) подтверждает внутреннее воскресение прежде эгоистичного великана («Великан-эгоист»). У Ерошенко поцелуй несёт в себе аллюзии, связанные с языческим обрядом инициации или обмена жизнями, причём он важен и для рассказчика, и для Тополиного мальчика.

Текст завершается ещё одним перевёртышем – сменой знака «любовь» на знак «ненависть»: *«Я снова покинул свою родину и уехал за границу. Но и здесь у меня продолжало болеть сердце. Мне казалось, что в нем образовалась новая, еще более глубокая рана. Она становилась все глубже и глубже. Эта рана все явственнее приобретала форму эмблемы не любви, а ненависти, которая день ото дня становится все больше. О мое сердце! Что мне поделать с тобой?..»* [Ерошенко 1977: 97].

Трактовка этого абзаца довольно трудна. В самом деле, какова природа этого перерождения, что является причиной ненависти: человеческая неблагодарность в ответ на самопожертвование, ощущение непреодолимости социальных противоречий, возмущение перед жестокостью, разочарование в идеализированном мире революции и её лозунгах? Автор избегает однозначности и вовлекает читателя в философское размышление. Тем самым явно отходя от однозначности финала традиционной волшебной сказки.

Так святочный рассказ, публицистическое и псевдоавтобиографическое эссе превращаются в притчу с ее неоднозначностью трактовки.

#### **Литература и источники**

1. Ерошенко, В.Я. Избранное. Пер. с яп., кит. и эсперанто. Сост. Р. Белоусов. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
2. Душечкина, Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. – СПб., 1995 – 256 с.

3. Третьякова, О. Г. Стилевые традиции святочного и пасхального жанра в русской прозе рубежа XIX-XX веков. Дис. канд. филолог, наук. – Москва, 2001. – 241с.

4. Самсонова, Н.В. Рождественский текст и его художественная антропология в русской литературе XIX – первой половины XX веков. Дис. . канд. филолог, наук. – Воронеж, 1998. – 140с.

5. Уайльд, О. Великан-эгоист. – Режим доступа: [http://pritchi.ru/id\\_1097](http://pritchi.ru/id_1097) (дата обращения 05.05.2021)

*Нередкова С.С.,  
канд. филол. н., доц., ЛГУ им. Владимира Даля, г. Луганск*

**ДАЛЕВСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ  
ОКРУЖАЮЩЕЙ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ  
АКТУАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ  
НА МАЛОЙ РОДИНЕ КАЗАКА ЛУГАНСКОГО**

*Neredkova S. S.  
Associate Professor of the Department of Russian Language,  
Lugansk Vladimir Dahl State University*

**DAHL'S METHODOLOGY FOR STUDYING THE SURROUNDING  
SPEECH ENVIRONMENT AS THE KEY TO UNDERSTANDING  
ACTUAL SPEECH PROCESSES IN THE SMALL HOMELAND  
OF KAZAK LUGANSKY**

**Аннотация.** В статье анализируются особенности научной методологии В.И. Даля. Автор доказывает, что она актуальна и перспективна для изучения современной коммуникации.

**Summary.** The article analyzes the features of the scientific methodology of V.I. Dahl. The author proves that it is relevant and promising for the study of modern communication.

**Ключевые слова:** внутренняя карнавализация, методология научного исследования, окружающая коммуникативная среда, региональная языковая личность, речевой креатив.

**Key words:** internal carnivalization, research methodology, communicative environment, regional linguistic personality, speech creative.

Владимир Даль знаменит в лингвистике более всего как лексикограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» и сборника «Пословицы русского народа». Гораздо меньше изучен его вклад в методологию научного исследования. А между тем она была не только уникальна для своего века, но и сохраняет актуальность для нашего времени. И творческое её применение способно давать перспективные результаты.

В основе лингвистической методологии В.И. Даля – наблюдение всей речевой реки в природном русле её протекания, без предпочтения местам для комфортного и безопасного купания, которые огорожены искусственными ограничениями. Говоря иными словами, именно в естественном употребле-

нии язык яснее всего проявляет свой выразительный потенциал, а «великий и могучий» он только в единстве всех своих функционально-стилистических уровней и ресурсов.

Такой подход В.И. Даль вполне сформулировал в процессе работы над своим главным проектом: «Желание собирателя было составить такой словарь, о котором можно было бы сказать: *речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходящие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчинённых и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры, с показанием условных оборотов речи, значения видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.*» [Даль 2004: 17].

Таким образом, по убеждению великого лексикографа, словарь должен стать не просто сокровищницей, но и доступным источником, своего рода общественным садом, где каждый носитель может сорвать нужный плод и применить в своих интересах. Нам представляется, что как раз со второй из указанных функций (словарь – родник повседневного красноречия для любого пользователя) связан корнегнездовой принцип расположения словарного материала.

Из предыдущей цитаты следует и ещё один краеугольный камень дальнейшей методологии, как она видится из третьего десятилетия XXI столетия, – язык креативен в самых различных своих проявлениях и реализациях. И научное исследование призвано собирать, анализировать, оценивать, классифицировать и предъявлять обществу лучшие образцы коммуникативно-прагматического креатива.

Заметим параллельно, что творческий дух языка отразился и в самом названии этого шедевра лексикографии. Ведь «живой язык» значит динамичный, развивающийся, обновляющийся, «наш язык в действии» [Костомаров 2005: 244]. А терминосочетание «толковый словарь» предполагает объективное осмысление, а не только распределение, представление и формальное описание речевого материала. Вероятно, поэтому с точки зрения современной культурологии Далева словарь часто осознаётся как «произведение более художественное, чем научное» [Лукьянова 2009: 19].

Вдохновляясь и руководствуясь вышеобозначенной далевской методологией, преподаватели кафедры русского языка и культуры речи (до 2020 г. – кафедра славянской филологии) Луганского государственного университета имени Владимира Даля на протяжении ряда лет ведут регулярные наблюдения над **окружающей коммуникативной средой**. Этот термин, введённый в современный научный дискурс доцентом нашей кафедры, представляется удачным обобщённым наименованием всей совокупности речевых воздей-

ствий (реальных и потенциальных) на данную личность, коллектив, социальную группу либо региональное сообщество в исследуемый период [Ковалёв 2021: 160].

Вышеупомянутые наблюдения дают богатый и перспективный материал не только для описания **региональной языковой личности**, но ещё для понимания механизмов и функций речетворчества, что очень важно как в аспекте лингвостилистики, так и в аспекте лингводидактики, с целью развития коммуникативной компетенции. Приведём для иллюстрации этого предположения несколько примеров из будущего «Словаря устной речи современного Донбасса», который собирается научным коллективом нашей кафедры.

Одна из общественно актуальных антиномий массового сознания жителей ЛНР и ДНР затянувшегося периода полувойны-полублокады: «свой – чужой». Её сверхценность подчёркивается обилием окказиональных обозначений для экспрессивной антитезы «мы – они». А именно: *солдаты, солдатики, мальчишки, ополченцы – нацисты, нацики, фашисты, фашики, уккры, укropy, нацгады* (военнослужащие национальной гвардии Украины), *западненцы, бандеровцы, бандерлоги, майданутые, майдауны, псы, правосеки* (оба предыдущих окказионализма обозначают участников военизированной неправительственной организации «Правый сектор», которая запрещена в России как экстремистская), *пендосы, подпендосники, айдаровцы, айдагады* (участники батальона ВСУ «Айдар», который, по данным международных правозащитных организаций, причастен к преступлениям против человечности на территории Луганской народной республики [Amnesty international / Human rights watch, 2016: 25]).

Как видно, количество отрицательных обозначений существенно преобладает, что является проявлением общеязыковой тенденции. Кроме того, следует обратить внимание на парадигмальность речевого креатива жителей Луганска: по мере стирания коннотации вследствие частого употребления возникает и реализуется необходимость в новом, более экспрессивном окказионализме (*айдаровцы – айдагады, бандеровцы – бандерлоги, правосеки – псы* и т.п.).

Ещё один вывод из наблюдений за устной коммуникацией луганчан – речевой креатив применяется в экстремальных ситуациях как своеобразное «лекарство против страха». Иначе говоря, метафоры и гиперболы помогают избавиться от стресса и дистресса, выполняя функцию психотерапевтического средства. Рассмотрим это на примере записей, сделанных в апреле 2021 г. в беседах с информантами, проживающими вблизи «линии разграничения», где довольно часты обстрелы. При оценке их интенций учитывались невербальные составляющие общения.

1) *Я ему сразу: «Сына! Салют! Ползи в коридор» – и показываю, как надо ползти... 2) Прямо в огороде прилёг и полчаса помидоры нюхал. 3) Вчера три раза носом землю пахал. 4) На четвереньках бежала быстрее, чем на двух ногах. 5) Посеяли огурцы, а укруп не хочет расти на нашем огороде.*

Из опыта непосредственного общения с информантами мы сделали следующий вывод. В подобных случаях имеет место карнавализация (по М.М. Бахтину), но особого рода: вышучивание, пародийность, амбивалентность, «весёлая относительность» направлены не столько во внешний мир, сколько внутрь себя. А языковая игра помогает снизить былое осознание смертельной опасности, постепенно вытеснить из памяти страх и тревогу, что это может повториться. Нам представляется, что такое применение речевого креатива может быть названо, в русле бахтинской традиции, **внутренней карнализацией** или психотерапевтической карнализацией. Ведь она сродни сублимационной (заместительной) психотерапии.

Даже те немногие примеры, которые приведены в настоящей статье, свидетельствуют: методология научного исследования, которую В.И. Даль разработал и применил в процессе создания «Толкового словаря живого великорусского языка», актуальна и перспективна для изучения современной коммуникации.

#### **Литература и источники**

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Эксмо, 2015. – 640 с.
2. Даль В.И. Напутное слово // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. Т.1. – С. 5-19.
3. Ковалёв В.И. Спутниковая риторика в системе цифрового обучения // Педагогическая риторика и речеведение в цифровую эпоху: Материалы XXIV Международной научно-практической конференции (11 – 12 февраля 2021 г.) / Отв. ред. Е.Л. Ерохина, З.И. Курцева, Ю.В. Щербинина. – М.: Языки народов мира, 2021. – С. 158–163.
4. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 276 с.
5. Лукьянова И. Большое видится на расстоянии // Русский Мир. – 2009. – №11. – С. 10–19.
6. “You Don’t Exist”. Arbitrary Detentions, Enforced Disappearances, and Torture in Eastern Ukraine: Amnesty international / Human rights watch, 2016. – 42 с. URL: [https://www.amnestyusa.org/files/ukrainian\\_report\\_final.compressed.pdf](https://www.amnestyusa.org/files/ukrainian_report_final.compressed.pdf)

**Новикова Т.Ф.**

*д. пед. н., проф., БелГУ, г. Белгород*

### **ЗАВЕТ В.И.ДАЛЯ – «ПОДОРОЖИТЬ НАРОДНЫМ ЯЗЫКОМ»**

**Novikova T. F.**

*Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature,  
Belgorod State National Research University, Belgorod*

### **THE TESTAMENT OF DAHL – TO PRESERVE A FOLK LANGUAGE**

**Аннотация.** В статье анализируется «Напутное слово» В.И. Даля – вступление к известному словарю, где его автор призывает беречь диалекты, народный язык как важнейший источник национального языка. В основном содержании статьи рассматривается современное отношение исследователей и популяризаторов к диалектным единицам, даются примеры умелого включения фактов народной речи в преподавание родного языка.

**Ключевые слова:** национальный язык, народный язык, диалекты, сохранение самобытности языка.

**Summary.** The article analyzes the «Parting word» by V.I. Dahl – an introduction to a well-known dictionary, where its author calls for preserving dialects, the national language as the most important source of the national language. The main content of the article examines the current attitude of researchers and popularizers to dialect units, provides examples of the skillful inclusion of the facts of folk speech in the teaching of the folk language.

**Key words:** national language, folk language, dialects, preservation of the identity of the language.

Еще в середине XIX века В.И. Даль напутствовал своих современников: «Пришла пора подорожить народным языком <...> Мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо испошлеть донельзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второпях запасы...» [Даль 2007:5]. В.И. Даль, неутомимый исследователь русского слова, на столетия дал нам завет: будьте чутки к живому слову, берегите народный язык, запоминайте, собирайте, записывайте необычные слова и выражения, потому что это бесценное сокровище, сохраненная в слове история. Во вступительном («напутном») слове к своему словарю Даль писал: «Выражения местные, областные принадлежат народу, выросли на русском корне, много способствуют уразумению и обогащению языка. И приложены на обсуждение и выбор читателя, в коем предполагается не школьник и не немец, а любящий свой язык земляк» [Даль 2007: 6]. Под «школьником» в данном случае следует понимать любого наивного носителя языка, пошлярски прямолинейно относящего к предмету обсуждения: мол, не используется слово – значит, нет в нем нужды. Таких «школьников» и в наше время достаточно, и основания для их суждений имеются: длительное время языковая политика в стране была направлена на нивелирование языка, велась настоящая борьба с диалектной речью, что в итоге повлияло на формирование в обществе скорее негативного, чем просто нейтрального, отношения к «областным словечкам» и народному языку в целом, кажущемуся «школьникам» XX в. «неправильным», «плохим». Отметим, что на формирование подобного отношения не в последнюю очередь повлиял А.М. Горький, заявивший в свое время, что литератор должен писать «по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски...». Были, разумеется, и противники официальной линии тоталитарного государства. О провинциализмах, диалектизмах, метких народных словах и их праве на присутствие в современном литературном языке много писал во 2-й половине XX в. А.К. Югов: «У нас вошло в дурной лексикографический обычай пятнать словарь запретительными пометами: простонародное, областное, разговорное...», а между тем «народный словарь – это настоящие россыпи и самородки русской речи», дающие возможность почувствовать «прелесть живого языка» [Югов 1975: 63].

Значение знания и сбережения родного языка трудно переоценить. Хорошо, что в наше время отношение к народному языку коренным образом изменилось. В XXI веке, в эпоху глобализации и нивелировки культур, со-

хранение народного языка приобретает особое значение. Теперь, наоборот, твердят: это живой клад, его надо охранять и сохранять. И тем не менее иной раз приходится доказывать коллегам важность и актуальность работы с диалектным языковым материалом и не только во внеклассной работе, в проектной деятельности, но и на обычном уроке русского языка: например, сравнение литературного *цыплята* и диалектных форм *писклята*, *курчата* поможет ученику глубже осмыслить законы русского словообразования. И подобных примеров можно привести множество.

Безусловно, очень важно уделять внимание диалектному и региональному своеобразию родного языка, потому что в его своеобразии в первую очередь проявляется самобытность национальной культуры. Являясь формой резервирования этнокультурной информации, сохранный диалект и современный региолект вбирают в себя специфические черты истории и культуры народа, сохраняя в языковых знаках и смыслах обобщенную информацию о его прошлом и настоящем, достоверно отражая события, типовые ситуации, формы культурного досуга, духовные идеалы людей и др. Естественная русская речь позволяет не только насладиться «прелестью живого языка», но и восполнить пробелы в знаниях о былой жизни народа, его обычаях и традициях. Приведем пример. В этнографическом музее Щетиновской школы Белгородской области хранится необычное полотнище, сотканное на ручном ткацком станке. Длина этого полотенца около 6 метров, и раньше оно называлось «*рѳдник*». Старожилы говорят, что в приданом каждой девушки непременно должно было быть такое самотканое полотенце. На свадьбе молодых сажали посередине длинной части стола и клали «*рѳдник*» на колени жениха, невесты и всех самых близких родственников справа и слева от молодых. Этот обряд так и назывался: *породнить рушником* [Ефимова 2014: 268-269]. Естественно, чем больше родни, тем длиннее должно было быть это ритуальное полотенце. В словаре В.И. Даля нет этого слова. Но зато есть другие слова из того же «родового корня»: *родюшка*, *родий* (м.), *родья* (ж.) – родной, родимый, желанный, друг, любезный, милый, сердечный. <...> *Роднить* кого с кем, *сроднять*, соединять родством, высчитывая и разыскивая неизвестное дотоле родство, или через устройство брака, или духовно, крестинами. <...> *Родниться* с кем, сблизаться новым родством, свойством, или лезть в родню, отыскивая родство. *Роднеть* – становиться исподволь родным, особенно сблизаться с чем, привыкать к чему. *Мысль об отъезде помаленьку роднеет мне.* <...> *Родник* – сродник, родня; родничка (ж.) [Словарь Даля, эл. ресурс]. Таким образом, необременительные по времени разыскания по корню «**род**» расширят не только словарный запас «искателя», но и поднимут на новый уровень его общекультурную компетенцию.

Современные уроки русского языка должны стать не просто уроками передачи-приобретения знаний, но уроками культуры, уроками приобщения к историческому опыту народа, уроками получения эстетического наслаждения от слова, а это возможно тогда, когда объектом изучения становится не

только «дистиллированный» язык школьных учебников, но то многомерное полифункциональное явление, которое обозначается понятием «национальный язык». Нынешнему словеснику не следует выключать из числа объектов изучения периферийные зоны языка: диалекты и социолекты, жаргонную речь и просторечие, активно развивающийся язык Интернета (что позволяет сейчас осуществлять программа «Родной язык», хотя становление этого нового предмета пока еще не завершилось, но перспективность его очевидна).

У лингвиста и у учителя-словесника не может быть наивной точки зрения обывателя, по которой все особенности живой речи современников объясняются «порчей» литературного языка и, как следствие, установки на борьбу с разговорной и в т.ч. диалектной, региональной речью. Не требует доказательства тот факт, что обращение к диалектным фактам позволяет учителю организовать работу по формированию не только лингвистической и культурно-нормативной компетенции школьников, но и культуроведческой, коммуникативной компетенции. Задача современного словесника – привлечь внимание ребят к естественной народной речи, научить осмысленно относиться к собственной речи, предупредить неуместное использование диалектных форм в тех случаях, когда коммуникативно целесообразнее нормативная речь, выработать критерии в отношении нормативных и ненормативных языковых явлений, но еще в большей степени – стремиться вызвать интерес к языку, сформировать понимание, что существующие отличия их «регионального» русского языка от языка литературного не только не обедняют их родной язык, но делают его более живым, выразительным.

Белгородский словесник Н.М. Рухленко в свое время писал в статье «Работа с диалектным материалом на уроке русского языка» [Рухленко 2005]: «На уроках мы часто обращаемся к народному слову, исследуем его, привлекая внимание к его поэтическим, изобразительным богатствам, говоря о его роли в духовной жизни народа. Учащиеся «приносят» в класс обнаруженные в речи близких народные слова, а затем мы все вместе стремимся понять их. Разве не интересны народные названия цветка колокольчика: *ба-лаболки, звонцы, звоночки, котелки, бубны, голубки, орлики?* Или ромашки: *белюшка, лесная марьяша, белоголовник, белица-трава, солнечник, Иванов цвет, девичник, невесточка, стоцвет, кралька, ворожка?* <...>. В кропотливой работе над словом нам помогает и школьный музей этнографии, где бережно хранятся предметы быта, орудия труда, а значит, и слова, их называющие, а в это целый пласт нашей культуры. Музей этнографии позволяет убедить учащихся в том, что язык – это живое явление» [Рухленко 2005: 15]. Часть подобного рода дидактических материалов представлена также в наших учебных пособиях, в методических материалах других белгородских словесников –участников наших традиционных конференций «Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства» [См. Ефимова 2014, Новикова 2018].

Убеждение в том, что изучение диалектного материала способствует не только воспитанию сознательного отношения к родному языку, но и к интел-

лектуальному развитию молодежи, заставило нас обратиться к разработке программы курса «Лингворегионоведение», к систематизации теоретического и практического материала в виде поддерживающих данный курс учебных пособий [Новикова 2018], в которых представлен словарный и текстовый диалектный материал, обозначены направления и приложены некоторые результаты (в виде словарей и микрословников) исследовательской и проектной работы учащихся по изучению языка нашего региона – Белгородской области, а также территорий бывшей и современной Слобожанщины.

#### Литература и источники

1. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо. Форум, 2007. – 288 с.: ил.
2. Ефимова С.В. Сохраним живой язык села//Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы Международной научно-практической конференции/ Отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 267–269
3. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение в школе: учебное пособие. Изд. 2, испр. и доп. – Белгород – Харьков: Изд. Федорко, 2018. – 148 с.
4. Рухленко Н.М. Работа с диалектным материалом на уроке русского языка//Русский язык в школе. – 2005. – №6. С.12–16
5. Югов А.К. Думы о русском слове. – М.: Современник, 1975. – 214 с.
6. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля [электронный ресурс]. По ссылке: [https://librebook.me/tolkovyi\\_slovar\\_jivogo\\_velikorusskogo\\_iazyka/vol1/17](https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/17)

**Пашкова Г.И.**

*к. пед.н, доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### НОВЫЕ МОДЕЛИ ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ В.И. ДАЛЯ

**Pashkova G. I.**

*Associate professor, Department of Russian Language and Literature of Belgorod National Research University, Belgorod*

### NEW MODELS OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE STUDY OF V. I. DAHL'S HERITAGE

**Аннотация.** В статье рассматриваются новые модели внеурочных занятий по русскому языку с использованием приемов современных образовательных технологий при изучении наследия В.И. Даля. Представлены практические материалы для проведения индивидуальной, групповой и массовой форм внеурочной деятельности.

**Summary.** The article considers new models of extracurricular classes in the Russian language using the techniques of modern educational technologies in the study of V. I. Dahl's heritage. It presents practical materials for conducting individual, group and mass forms of extracurricular activities.

**Ключевые слова:** внеурочная деятельность, В. И. Даль, новые модели, словарь В.И. Даля, современные образовательные технологии

**Key words:** extracurricular activities, V. I. Dahl, new models, V. I. Dahl's dictionary, modern educational technologies.

В XXI веке широко используются новые модели внеурочной деятельности, связанные с образовательными технологиями. В.И. Даль и его творчество специально не изучаются в школе. В нашей статье речь пойдет о современных образовательных технологиях, которые могут быть направлены на изучение наследия В.И. Даля во внеурочное время. Одной из форм внеурочной деятельности может быть Творческая мастерская – индивидуальная и групповая работа учащихся при участии учителя-мастера. Несколько занятий в мастерской могут быть посвящены исследованию историко-культурной основы деятельности В.И. Даля. Мастер знакомит учащихся с его трудами в области изучения русского языка и русского народа, с интересными сведениями из творческой биографии великого лексикографа, проектирует работу со словарем В.И. Даля, определяет его место и значение, побуждает к учащимся к чтению его произведений, способствует активному использованию пословиц, поговорок и фразеологизмов в речи обучающихся.

Работа в Творческой мастерской исследователя предполагает презентацию и защиту индивидуальных и групповых проектов. Предлагаем тематику проектов, посвященных жизни и деятельности В.И. Даля.

Индивидуальные проекты. Исследовательская работа со словарем В.И. Даля: составление словаря пословиц, (поговорок, фразеологизмов). Иллюстрирование диалектизмов в отрывках из повестей и рассказов В.И. Даля. Составление мини-сборника пословиц о родине (о дружбе). Презентация портрета слова из словаря В.И. Даля. Презентация «Загадка в словаре В.И. Даля».

Групповые проекты. Лингвистическое иллюстрирование словаря В.И. Даля. Иллюстрируем сказки В.И. Даля. Составление ребусов с использованием фразеологизмов из словаря В.И. Даля. В.И. Даль и его книги для детей. Пословицы о языке и речи в словаре В.И. Даля. Создание документального фильма о биографии В.И. Даля. Создание видеофильма «История Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля».

Коллективные проекты. Составление презентации «Лингвистический портрет В.И. Даля». Белгородские диалектизмы в словаре В.И. Даля. Русская народная пословица в словаре В.И. Даля. Имена собственные в пословицах и поговорках В.И. Даля. Фразеологизмы в словаре В.И. Даля. Собственные личные имена в словаре В.И. Даля.

Во внеурочной деятельности широко используется технология развития критического мышления через чтение и письмо. Приведем примеры использования приемов данной технологии на разных стадиях занятий: Подготовьте папку-накопитель по теме «Пословицы русского народа о дружбе (о чести, вере, добре)». Составьте синквейн на одну из тем: «В.И. Даль», «Пословица», «Загадка», «Фразеологизм».

Учитель может использовать также вопросы для игры «Верите ли вы?». Например: *Верно ли, что В.И. Даль знал много языков? Верно ли, что В.И. Даль известен и как литератор: писал повести, рассказы, короткие истории? Верно ли, что В.И. Даль писал словарь большую половину жизни? Верно ли, что идею создания толкового словаря подсказал В.И. Далю А.С. Пушкин?* и под.

При использовании приема «Чтение с остановками» предлагаются фрагменты текстов из книг: М.А. Булатов и В.И. Порудоминский «Собирал человек слова...», В.И. Порудоминский «Жизнь и слово: Даль: повествование», М. Бессараб «Владимир Даль».

На внеурочных занятиях «открытого» типа, помимо работы по учебному плану (недельному, дневному), работы индивидуальной, в паре, «свободной работы», где знания добываются самостоятельно, применяется технология обучения в малых группах сотрудничества. Мы предлагаем ученикам целый ряд заданий, которые выполняются индивидуально, попарно или группами (это указывается в учебном плане).

Приведем некоторые из этих заданий:

- Напишите «Письмо великому лексикографу земли русской»,
- Напишите приглашение на праздник, посвященный 220-летию со дня рождения В.И. Даля.
- Напишите «Благодарственное слово» пословице (поговорке) из словаря В.И. Даля.
- Составьте макет лингвистического бюллетеня «Собирал человек слова».

Некоторые задания предполагают составление «свободных текстов» (стихотворений, рассказов, историй). Например, рассказ по данному началу.

Даны начала предложений: *Я многое знаю о жизни В.И. Даля... Это действительно интересно узнавать о народном речевом творчестве из словаря В.И. Даля.... Я знаю, как пользоваться толковым словарем живого великорусского словаря В.И. Даля... Я знаю способы толкования слов в словаре В.И. Даля... Мне известны фразеологизмы из словаря В.И. Даля... В словаре В.И. Даля много «живых русских слов»... «Толковый словарь живого великорусского языка» – связующее звено между прошлым русского народа и его настоящим» (К.С. Горбачевич) и под.*

Во внеурочной деятельности широко используются игровые технологии. Предлагаем провести интеллектуальную квест-игру «По следам В.И. Даля и его словаря».

Цель игры: в командно-игровой форме не только обобщить знания о жизни и деятельности В. И. Даля, но и узнать новое о его творчестве, иметь возможность «погрузиться в истинно народную речь, образную, ясную, простую».

В игре участвуют две команды. Каждая команда получает маршрутный лист с картой, на которой нанесены точки для выполнения заданий. В листе указаны пять станций. На каждой остановке должно быть выполнено опреде-

ленное задание. Данный квест подчинен соревнованию. Победителем станет тот, кто быстрее пройдет весь маршрут.

Представим разные виды заданий для каждой станции.

Станция 1. «Собиратель русского слова» (О жизни и деятельности В.И. Даля).

*Команда 1.* Укажите дату рождения В.И. Даля. 2. В каком городе родился В.И. Даль. 3. Каков литературный псевдоним В.И. Даля? 4. Какие писатели и поэты были современниками В.И. Даля? 5. Почему В.И. Даль называл себя не учителем, не наставником, а учеником, собиравшим по крупницам словарь.

*Команда 2.* 1. Где родился В.И. Даль? 2. С какого возраста В.И. Даль начал собирать слова? 3. Сколько языков знал В.И. Даль? 4. Кто написал портрет В.И. Даля. 5. Укажите дату кончины великого лексикографа.

Станция 2. «Древняя рассыпанная повесть» (О словаре В.И. Даля). «Энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX века».

*Команда 1.* 1. Сколько лет составлял и совершенствовал В.И. Даль свой словарь? 2. Почему в названии словаря В.И. Даль использовал слово «великорусского» языка, а не слово «русского» языка? 3. Когда вышло первое издание словаря? 4. Какие слова В.И. Даль называл «чужесловами»? 5. Соотнесите стрелками заимствованные слова и несуществующие русские слова, которые придумал В.И. Даль. (Слова: живуля (автомат), колоземица (атмосфера), ловкосилие (гимнастика), насыл, насылка (адрес), небозем, глазоём (горизонт)).

*Команда 2.* 1. Сколько слов в словаре В.И. Даля? 2. Почему в названии словаря В. И. Даль использовал слово «живого» языка. 3. Сколько раз издавался словарь В. И. Даля? 4. Каков способ расположения слов в словаре В. И. Даля? 5. Соотнесите стрелками заимствованные слова и несуществующие русские слова, которые придумал В.И. Даль. (Слова: рожекорча, изличьё, пожимка лицом (гримаса), себятник, самотник (эгоист), сиденье, заседание, присест (сеанс), стояло (пьедестал), носохватка (пенсне).)

Станция 3. Произведения народной словесности (О пословицах, поговорках, загадках, собранных В.И. Далем).

*Команда 1.*

Задание 1. Закончите пословицу. 1. Кто хочет много знать... 2. Сытое брюхо ... 3. Чему учился... 4. Знай больше... 5. Повторенье... 6. Где жить ...

Задание 2. Объясните значение фразеологизмов. 1. Возноситься на седьмое небо. 2. Во всю глотку. 3. Поставить на ноги. 4. Наострить уши. 5. Взять себе в голову.

Задание 3. Отгадайте загадки. 1. Что выше лесу? 2. Вся дорожка обсыпана горошком. 3. Сестрак брату в гости идет, а он от нее пятится. 4. Махнула птица крылом и покрыла весь свет одним пером. 5. Утка в море, хвост на заборе.

Задание 4. Произнесите скороговорки. 1. Съел молодец 33 пирога с пирогом, да все с творогом. 2. Всех скороговорок не перескороговоришь, не перескоровыговоришь. 3. От топота копыт пыль по полю летит.

### *Команда 2.*

Задание 1. Закончите пословицу: 1. Корень учения горек...2. Живое слово... 3. За все браться...4. Учись доброму... 5. Ученье свет... 6. Своя земля ...

Задание 2. Объясните значение фразеологизмов. 1.Пропускать мимо ушей. 2. Без всякого преувеличения (сказать) 3. Беречь как око свое. 4. Куда глаза глядят. 5. Без роду без племени.

Задание 3. Отгадайте загадки.1. По сням и так и сяк, а в избу никак. 2. Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка. 3. Что в воде не тонет, на огне не горит. 4. Между двух светил я в середине. 5. Плосконька дощечка, по краям обшивочка, а в середине дырочка.

Задание 4. Произнесите скороговорки. 1.Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа тупа. 2. У нас на дворе-подворье погода расмокропогодилась. 3. Шли 40 мышей, несли 40 грошей; 2 мыши поплоче несли по 2 гроша.

### Станция 4. «Напутное слово» В. И. Даля.

Участникам даны предложения из выступления В.И. Даля с «напутным словом» в Обществе русской словесности 21 апреля 1862 года. Их задача – вставить на месте пропуска слова В.И. Даля.

*Команда 1.* 1. Живой ---- язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, ----, ясность, целость и ----, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной ... речи. 2.Можно ли отречься от ---- и почвы своей, от основных начал и стихий, усиливаясь перенести ---- с природного ---- его на чужой? 3. Но с языком, с -- -- словом, с ----, безнаказанно ---- нельзя.4. Много еще надо ----, чтобы раскрыть сокровища нашего ---- слова, привести их в стройный порядок и поставить полный, ---- словарь.

Слова: народный, силу, красоту, русской; родины, язык, корня; человеческим, речью, шутить; работать, родного, хороший.

*Команда 2.* 1. Кому много ----, с того ---- и ----. 2. Итак, ограничась теми средствами и силами, какие нашлись, и положив ----, устный --- русский, а паче народный, в основу своего труда, ---- решился приступить к делу. 3. При расположении слов ----, я обычно начинаю с ----, но иногда ---- взяло в ---- своем такой перевес, что пущено вперед. 4. В числе примеров, ---- и ---- , как коренные ---- изречения, занимают ---- место.

Слова: дано, много, взыщется; живой, язык, собиратель; гнездами, с глагола, имя, гнезде; пословицы, поговорки, русские, первое.

Станция 5. В. И. Даль – выдающийся знаток русского слова (Обобщение материала о В.И. Дале и его наследии).

Представители каждой команды ведут словесный поединок в стиле рэп, посвященный жизни и творчеству В.И. Даля (домашняя заготовка). Это может быть также и рэп-баттл на эту тему (участники читают свой текст от имени определенного персонажа).

По окончании игры подводятся итоги и объявляются победители. Отметим, что квест, активная игровая форма внеклассной работы, создает пространство не только для лучшего усвоения материала, но и для развития личности, для совершенствования коммуникативной культуры учащихся.

Новые модели внеурочной деятельности по русскому языку в условиях введения ФГОС ООО способствуют формированию мотивации учащихся к изучению наследия В.И. Даля, расширению знаний и представлению об истории русского языка, учат пониманию русского языка как одной из национально-культурных ценностей русского народа.

#### **Литература и источники**

1. Васильев А.И. Фразеологический словарь В.И. Даля. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2016. – 202 с.

2. Даль В. И. Напутное слово / Толковый словарь живого великорусского словаря. Т.1 – М.: Русский язык, 1989. – С.ХХI – ХХХVII.

***Петрашова А.О.,**  
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород  
Науч. рук. – **Новикова Т.Ф.,**  
д. пед. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### **СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

***Petrashova Anna O.**  
Student, Belgorod State National Research University, Belgorod*

### **DICTIONARY OF V.I. DAHL IN HUMAN LIFE AND IN SCHOOL PRACTICE**

**Аннотация.** В статье рассмотрен толковый словарь В.И. Даля как важный источник знаний о языке и мире. Особое внимание уделяется истории создания словаря, его переизданиям, а также проблеме использования электронной версии словаря на уроке.

**Summary.** The article considers the explanatory dictionary of V.I. Dahl as an important source of knowledge about the language and the world. Particular attention is paid to the history of the creation of the dictionary, its reprints, as well as the problem of using the electronic version of the dictionary in the lesson.

**Ключевые слова:** словарь, В.И. Даль, история, электронная версия, урок.

**Key words:** dictionary, V.I. Dahl, history, electronic version, lesson.

Толковые словари – значимые книги в жизни любого человека. С их помощью младшее поколение познает мир, пополняет словарный запас новыми словами. Старшее поколение продолжает делать для себя открытия с помощью толковых словарей, уточняет значения слов, опирается на словари при исследовании языка.

На протяжении многих лет в отечественной лексикографии особое место занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Словарь отличается от всех предшествующих тем, что в нем наиболее широко представлена лексика, которая характеризует быт русского человека – ремесло, традиции, объекты материальной и духовной культуры. Словарь В.И. Даля можно назвать сокровищницей нравственного, житейского, фольклорного опыта, словесным отражением многолетней истории живого великорусского языка. Словарные статьи включают самые разные факты из жизни народа, поэтому этот словарь также называют энциклопедией народной жизни 19 века. Выдающийся отечественный лингвист В.В. Виноградов отмечал: «как сокровищница меткого народного слова, словарь Даля – спутник не только филолога, литератора, но и любого образованного человека, интересующегося русским языком» [Виноградов 1949: 14].

Сам автор так объяснял сущность созданного им словаря: «Словарь назван толковым потому, что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова живого великорусского языка указывают на объем и направление всего труда» [Даль 1999: 2].

Не каждый из нас, пользующихся словарями, задумывался над тем, насколько сложно составить толковый словарь, объяснить значения колоссального количества слов. Эта простая на первый взгляд работа на самом деле безмерный по объему филологический труд. Поразительно, что словарь, насчитывающий около 200 тысяч слов, дал миру не научно-исследовательский институт, а только один человек, который посвятил своему делу 53 года! С 17 лет вплоть до последних дней жизни В.И. Даль кропотливо работал над своим главным детищем. Все началось со слова «замолаживает», которое В.И. Даль услышал от ямщика и значение которого было непонятным. И сейчас мы можем найти это слово в словаре: *Замолаживать*, ‘безличн. орл. тул. и вост. пасмурнеть, заволакиваться тучками, клониться к ненастью’. После первой записи В.И. Даль уже не расставался с тетрадью, собирал слова, которых вскоре накопилось сотни, затем тысячи. В путешествиях и походах, во время русско-турецкой войны, в повседневной жизни В.И. Даль находил интересный материал, записывал, толковал, объединял.

Помимо сбора материала, интересна и история изданий словаря. С 1863 по 1866 гг. с большими перерывами (что стало причиной того, что полный словарь стал библиографической редкостью) выходило первое, прижизненное издание «Толкового словаря живого великорусского языка». Оно включало примерно 200 тысяч слов, из которых 80 тысяч автор собирал самостоятельно в течение всей сознательной жизни. В 1882 году увидело свет второе издание с подзаголовком «Исправленное и значительно умноженное по рукописи автора».

Прежде чем перейти к рассмотрению особого, третьего издания, нужно сказать, что словарь В.И. Даля имеет оригинальную структуру: составитель отказался от алфавитного порядка слов и сделал выбор в пользу словопроизводных гнезд. Составителю думалось, что такое расположение слов четче демонстрирует законы образования производных слов и способствует пости-

жению духа языка. Но В.И. Даль иногда объединяет в гнездо слова со схожей корневой основой, но разным значением. Например, в одном гнезде оказываются слова *акт, акция, актер; простой и простор* и пр. По этой причине главным недостатком гнездового расположения слов оказалась трудность поиска нужного слова, которое может быть так далеко упрятано, что его поиски становятся трудными даже для филолога.

Третье издание словаря под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ выходит в 1903-1909 гг. Здесь редактором внесены значительные изменения, которые были помечены условными знаками, благодаря чему первоисточник не изменён. Во-первых, редактор меняет алфавитный порядок слов на гнездовой, отмечая, в каком гнезде находилось у В.И. Даля то или иное слово. Во-вторых, в силу научных интересов Бодуэна де Куртенэ изменены словарные статьи о буквах русского алфавита, также были разграничены понятия буквы и звука. В-третьих, в словарь был добавлен материал, собранный В.И. Далем, но пока не изданный. Также редактор добавляет в словарь ненормативную лексику, что стало причиной полемики среди критиков-современников.

В 1995, в 2000 гг. выходят бодуэновские переиздания толкового словаря. Впоследствии «Толковый словарь живого великорусского языка» переиздавался десятки раз. Сейчас существуют и современные версии, исправленные и дополненные иллюстративным материалом.

Если говорить об актуальности словаря в школе, то стоит отметить ведущую роль именно далевского словаря. На уроках русского языка обычно со словаря В.И. Даля школьники начинают изучение лексики. В процессе изучения языка проводятся уроки и внеклассные мероприятия, посвященные личности В.И. Даля и его словарю. По сей день «Толковый словарь живого великорусского языка» востребован и популярен.

Однако использование словаря В.И. Даля на уроках русского языка сопряжено с рядом проблем. Перед педагогом возникают вопросы: удобно ли, легко ли детям читать такой большой 4-томный словарь? Отражает ли он современные реалии? Всегда ли есть полная версия словаря в библиотеке? Думается, намного легче ориентироваться в электронной версии словаря. Второй вопрос можно разрешить, используя современные переиздания.

В наше время целесообразно использовать электронную версию словаря на уроке, поскольку это экономит время и облегчает поиск нужной информации. Стоит отметить, что в современном обществе именно электронные словари приобрели большую значимость и стали отвечать потребностям и запросам пользователей. «Сегодня перед преподавателями русского языка встает новая задача познакомить школьников с существующими электронными словарями и справочниками, в том числе в сети Интернет, а также научить их работать с такими словарями более эффективно. Необходимо разработать соответствующие упражнения для закрепления навыков работы с электронной справочной литературой» [Безрукова 2015: 62].

Далее приведем примеры заданий с использованием электронной версии толкового словаря В.И. Даля.

Можно предложить детям проанализировать словарную статью к слову «сумбур». Перед выполнением задания необходимо дать детям ссылку на электронную версию словаря (<http://slovarDahlja.net/>), либо продемонстрировать такую версию словаря учащимся с помощью проектора. С помощью поиска на сайте словаря (в чем и преимущество электронной версии) ребята находят следующую информацию:

**СУМБУР** м. сумбура ж. вологодск. ералаш, несуразица, сиб. сунбур, чуха, чепуха, чужь, дичь, вздор, бессмыслица, нелепица, путаница, бестолковщина, нисенитница, галиматья, околесная, морозица. В книге этой суций сумбур, ничего не поймешь. Такой ты сумбур несешь, что уши вянут! Сумбурная беседа, сумбурица. Сумбурник, -ница, сумбуричик, -щица, кто заобычай врет, несет вздор. Сумбуричь, говорить или делать вздор, бессмыслицу.

После прочтения статьи, дети считают, сколько синонимов к слову использовал В.И. Даль, чтобы передать его смысл (15 слов!). Далее следует узнать, какие слова ребята услышали впервые (чуха, чужь, нисенитница, околесная, морозица).

Можно сравнить приведенную статью словаря В.И. Даля со статьей в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (показать этот словарь на экране или дать ссылку на него – <https://slovarozhegova.ru/>):

**СУМБУР**, -а, м. Крайний беспорядок, полная путаница. С. в делах. С. В голове.

Обучающиеся приходят к следующему выводу: толкование слова «сумбур» у В.И. Даля привлекает нас образностью, богатством синонимов, многие из которых являются диалектными словами и иллюстрируют красоту русского языка простых людей. Словарная статья у С.И. Ожегова отличается лаконичностью и краткостью.

Детям проще, удобнее работать с электронными словарями, искать нужную информацию в Интернете. Однако следует предупредить школьников, что нужно пользоваться только проверенными, надежными источниками и критически относиться к информации во Всемирной паутине, подвергая её анализу и всестороннему осмыслению.

Подводя итоги, нужно отметить, что в словаре мы не увидим многие слова, отражающие современные реалии. В словаре отражены жизнь, быт, обычаи прошлого, широко показана терминология и фразеология самых разных профессий и ремесел, объяснены многие обиходные слова. Наверное, словарь В.И. Даля стоит читать не только как справочник, но и как художественный текст. Одно слово тянет за собой другое, подталкивает к третьему, рядом с привычным толкованием оказывается такое, которое поражает неожиданностью, показывает знакомое слово с другого ракурса, а благодаря пословицам, слово движется, пробуждает в воображении все новые картины.

Готовясь к словарной работе с детьми, педагогу следует с умом выбирать то, на что следует опираться, ввиду множества переизданий словаря.

Необходимо учитывать, что в разных изданиях могут быть разные принципы расположения слов, может быть меньше слов или может присутствовать ненормативная лексика. Популярным становится использование электронных словарей, и современные реалии предоставляют возможности использования словаря на уроках русского языка в любых версиях, в любом виде – все зависит от компетенции и методического арсенала учителя-словесника.

#### Литература и источники

1. Виноградов, В.В. Русская наука о русском литературном языке / Ученые записки Московского Университета. – Вып. 106., т. 4, кн. 1 – Москва, 1949. – 615 с.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Москва: Рус яз., 1999. – Т. 1 – 1999. – 699 с.

3. Безрукова, В.С. Все о современном уроке в школе: работа со словарями / В.С. Безрукова; отв. ред. М.А. Ушакова. – Москва: Сентябрь, 2015. – 159 с.

**Саввина С.В.,**

*преподаватель инженеринговой школы НИУ «БелГУ», г. Белгород*

*Науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,*

*д. фил. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### **РОЛЬ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ ПРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТОВ НАРОДНЫХ ЗАГОВОРОВ**

**Savvina S. V.**

*a teacher of the Engineering College*

*of the Belgorod State National Research University, Belgorod*

### **THE ROLE OF THE DICTIONARY BY V.I. DAHL IN THE LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TEXTS OF FOLK SPELLS**

**Аннотация.** Статья посвящена определению роли словаря В.И. Даля в лингвистических исследованиях и в науке вообще. Центральным вопросом данного исследования является понимание роли словаря при работе с текстами народных заговоров.

**Summary.** The article is devoted to the definition of the role by V. I. Dahl's dictionary in linguistic research and science in general. The central issue of this study is the understanding of the role of the dictionary for working with the texts of folk spells.

**Ключевые слова:** лингвокультурология, словарь В.И. Даля, заговор, лексика, лексема

**Key words:** linguoculturology, V. I. Dahl's dictionary, conspiracy, lexicon, lexeme.

Наследие В.И. Даля включает не только всемирно известные словари живого великорусского языка, но и другие этнографические труды, такие, как очерки, сказки, пословицы и поговорки, небылицы и т.д. Благодаря его описаниям представители разных наук – фольклористы, лингвисты, культурологи, литературоведы и др. – сегодня могут восстановить наиболее полные картины быта, языка, мышления, верований русского народа. В.И. Даль смог зафиксировать язык «в моменте», т.е. не исправляя его, а записывая тем звучанием, которое слышал сам.

Для лингвистической науки в целом труды Владимира Ивановича представляют большую ценность, поскольку они позволяют реконструировать язык в том виде, в котором он был на тот момент времени, а также находить значения устаревших слов, употребляемых и в текстах писателей, и в фольклорных текстах.

Необходимо отметить, что практически ни одно историко-культурное и лингвистическое исследование не обходится без обращения к словарю В.И. Даля. Более того, зачастую сами труды Владимира Ивановича становятся объектом исследования для многих ученых, писателей. Так, например, Лев Николаевич Толстой внимательно изучал его словарь, а также включал поговорки из сборника в тексты своих произведений.

Современной наукой установлено, что для всестороннего рассмотрения объекта исследования нужен синтезирующий подход, объединяющий разные дисциплины. В частности, лингвистические исследования включают исторические приемы, приемы психологии и культурологии, литературоведения, прагматики. Невозможно, например, объяснить все важные стороны исследования фольклорного текста, опираясь только на язык как результат деятельности. В любом случае фольклор – это часть культуры нации, а язык – и средство описания картины мира, и ее выразитель. Кроме того, в основе картины мира и конкретных мыслеформ коллективного бессознательного действуют психические механизмы, заложенные от рождения, которые прагматически предполагают определенные результаты речевого акта. На этапе анализа культурологического аспекта текста словарь В.И. Даля играет одну из ключевых ролей.

Объектом нашего изучения являются тексты народных заговоров, т.е. тексты, для правильной трактовки которых неизбежно обращение к трудам этнографа. Словарь Владимира Ивановича включает значения многих древних слов, которые можно сопоставить с ныне имеющимися, а также сравнить их звучание и значение с иностранными аналогами. Особенно важны трактовки В.И. Даля при понимании старых народных названий заболеваний.

Приведем пример заговора из народных лекарственных текстов собирателя Л.Н. Майкова 1869 года «От утина (боли в спине или пояснице)»:

*Изутинившийся ложится животом на порог отворенной двери, лицом вон из избы; лекарь (самый старший или самый младший в каком-нибудь семействе) кладет ему на спину голик, обращая его прутьями в спину, и слегка ударяет по нем топором трижды; после того больной спрашивает лекаря:*

*Что сечешь?*

*Л.: Утин секу.*

*Б.: Секи горазже, чтобы век не было.*

*Это повторяется трижды, потом лекарь бросает топор и голик в спину, плюнув туда же три раза [Майков 1869: 40].*

Подтверждение значения указанного недуга в словаре В.И. Даля не находим, слово *утин* отсутствует. Однако через этимологический словарь

русского языка М. Фасмера находим значение данного слова и отсылку на Даля: ‘рубеж, граница; также боль в крестце, пояснице (Даль)’ [Фасмер 1973: 324]. Предположительно, что данное слово отсутствует в словаре В.И. Даля напрямую в связи с тем, что является диалектизмом другой местности. Однако у него же находим похожее слово *путин*, которое трактуется как ‘ломотная боль в пояснице (*lumbago?*), от которой заговаривают, кладя поперек порога и присекая кремнем’ [Даль 1882: 244]. Это подтверждает наши слова.

Для понимания действий, выполняемых лечащим, обратимся к лексеме *голик*. Собственного значения данного слова не указано в словаре В.И. Даля, но мы находим его в значении другого слова – *веник*: ‘связка веток, прутьев с листвою, для парки в бане, для подметания пола, чистки платья; связка стеблей травянистых; пучок мелких и долгих древесных стружек, для sprыска беля, цветов. Голый веник, без листвы, *голик*’. Вероятно, что банный веник имеет синонимичное название *голик* в связи с его признаковой особенностью – *голый*, т.е. в основе значения лежит отсутствие листьев.

Рассмотрим еще одну лексему, которая может вызвать неточности в трактовке смысла, – *век*. В современном понимании данное слово обозначает столетие. Из устной речи постепенно уходит другое значение этого слова, по В.И. Далю, ‘срок жизни человека или годности предмета; продолжение земного бытия’ [Даль 1880: 302].

Первые два анализируемых слова – *утин* и *голик* – не используются современным русским языком, отсутствуют также и в современных словарях русского языка, последнее используется, но не включает то значение, которое когда-то было в активном словаре русского народа.

Возьмем для проверки другой заговор из сборника Л.Н. Майкова «От колотья»:

*Знахарь обводит место, где больной чувствует колотье, бруском и крестит это место столовым ножом, говоря и крестя трижды: Секу, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, рублю колотье острым ножиком. Как брусочек исчезает от укладки, от булату, от железу, так исчезни и иссохни, родимо колотье, в белой кости, в черном мясе, в белом тельце отныне и до века.*

*Затем обмывают нож водой, которою и поят больного, или приматывают на больное место* [Майков 1869: 40].

В словаре В.И. Даля отсутствует значение самого слова *колотье*, однако в статье после глагола *колоть* есть строка, включающая название и описание заболевания: ‘колотье или колюч вост. болезнь, чувство будто колет иглами, особ. при воспаленьях черев и легких и оболочек их’.

Так, диалектное слово *колотье*, обозначающее болезнь, по ощущениям схожую с уколами игл, образовано от глагола *колоть*. В современном толковом словаре русского языка С.И. Ожегова лексема *колотье* имеет помету просторечного происхождения: ‘(прост.) Колющая боль’ [Ожегов 1964: 452].

Устное народное творчество отображает «живой» разговорный язык носителей. В течение длительного времени фольклор считался объектом, «не

достойным» изучения. Вторая половина XIX века изменила взгляд исследователей в этом отношении. Труды Владимира Ивановича носят фундаментальный основательный характер, к его работам и сегодня обращаются различные научные дисциплины. Обязательным компонентом современных лингвокультурологических исследований фольклорных текстов, а именно текстов народных заговоров является словарный анализ общенародных или диалектных слов и их значений. Обращение к словарю В.И. Даля в данном случае позволяет получить необходимые культурологические данные, поскольку словарь не просто дает толкование слова, но и включает объяснения смежных, подчиненных понятий. В заговорных текстах толкования требуют древние или диалектные названия заболеваний, предметов быта, одежды, мифологизмы.

#### **Литература и источники**

1. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 521 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – СПб.: Изд-во книгопродавца – типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. – 2716 с.
3. Майков Л.Н. Великорусские заклинания. – СПб.: типография Майкова, 1869. – 164 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1973. – Т.4. – 855 с.

***Сова Ю. А.,***

*магистрант, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.*

*Науч. рук. – Петров А. В.,*

*д. филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.*

### **СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «МОСКВА» И «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА В. И. ДАЛЯ»**

***Sova J. A.***

*1st year student of Master's Course, Institute of Philology,*

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

### **WORLD-FORMATION NESTS IN A. BELYY'S NOVEL «MOSCOW» AND «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE BY V. I. DAHL»**

**Аннотация.** В романе «Москва» А. Белого представлено художественное обобщение кризисного предреволюционного периода в столице России. Предлагаемое исследование вносит вклад в изучение творчества А. Белого как одного из ведущих писателей-символистов Серебряного века, характерной чертой идиостиля которого является включение в текст лексических единиц и синонимических рядов, заимствованных из Словаря В.

Даля. А. Белый неоднократно подчеркивал непреходящее значение труда русского лексикографа и собирателя фольклора. В статье отражены результаты изучения словообразовательной и семантической структуры лексических окказионализмов, расширяющих словообразовательные гнёзда, выделенные в Словаре В. Даля. Окказионализмы называют человека по характерному внешнему признаку, обозначают части тела человека, служат для передачи особенностей походки. Лексемы, взятые из словарных статей В. Даля, становятся мотивирующими для семантических окказионализмов А. Белого.

**Summary.** The novel «Moscow» by A. Bely presents an artistic generalization of the crisis pre-revolutionary period in the capital of Russia. The proposed research contributes to the study of the work of A. Bely as one of the leading Symbolist writers of the Silver Age, a characteristic feature of the idiostyle of which is the inclusion in the text of lexical units and synonymous series borrowed from the Dictionary of V. Dahl. A. Bely has repeatedly emphasized the enduring importance of the work of the Russian lexicographer and collector of folklore. The article reflects the results of studying the word-formation and semantic structure of lexical occasionalisms that expand the word-formation nests identified in the Dictionary of V. Dahl. Occasionalisms name a person according to a characteristic external feature, designate parts of a person's body, and serve to convey the way of a walk. Lexemes taken from the dictionary entries of V. Dahl become motivating for A. Bely's semantic occasionalisms.

**Ключевые слова:** А. Белый, роман «Москва», Словарь В. Даля, окказионализм, семантический окказионализм, словообразовательная структура окказионализма, идиостиль.

**Key words:** A. Bely, the novel «Moscow», V. Dahl's Dictionary, occasionalism, semantic occasionalism, word-formation structure of occasionalism, idiostyle.

Одной из последних работ А. Белого в 1934 году стал труд «Мастерство Гоголя», в котором писатель, исследуя произведения одного из величайших мастеров слова, сравнивает приёмы словообразования Н. В. Гоголя со словарными статьями в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Андрей Белый высоко оценивает значение Словаря для русского словотворчества последующих годов, в частности для творчества поэтов-футуристов XX века: «...материалы “далевского” словаря – открывают даль будущего: в корень слова вцеплять и любую приставку, и любую по вкусу концовку; даль словарных выводов Даля: истинный словарь есть ухо в языке, правящее пантомимой артикуляций его» [Белый 1934: 312]. Сам А. Белый в письмах Р. В. Иванову-Разумнику пишет, что вместо создания окказионализмов – «зауми», он прибегнул к обширным материалам из Толкового словаря В. И. Даля [Белый 1998: 508]. Однако в словарь романа писатель всё же вносит значительное количество окказиональных слов, составляющих его индивидуальный авторский стиль.

Значительная часть соответствий романной диалогии «Москва» и словарных статей В. И. Даля, а также некоторые новообразования были описаны советским и российским лингвистом Н. А. Кожевниковой. Лингвист рассматривает не только точные заимствования из Словаря и собственно авторские новообразования, но и принимает во внимание слова, при сохранении формы которых лексическое значение было переосмыслено Андреем Белым. Среди семантических окказионализмов Н. А. Кожевникова выделяет *вертопрашить*, *бледнуха*, *давальня*, *звенец* и др.

Лингвист отмечает характерное для романа объединение в одном предложении, абзаце или соседних абзацах синонимов или однокоренных слов, представленных в Словаре В. И. Даля. Н. А. Кожевникова выделяет те синонимические ряды, которые Андрей Белый использует в тексте почти дословно, среди них фрагменты из словарных статей с заглавными словами «дом», «лоб», «мереть», «черный», «лаять», «пыль», «табак» и др. [Кожевникова 2001].

Новообразования двух романов «Москва» и «Петербург» в словообразовательном аспекте были исследованы С. В. Кошелевой. В диссертации исследователь предлагает классификацию окказиональной лексики по способу словообразования с учётом частеречной принадлежности. Некоторые семантические новообразования, например, «расскок», «глазопял» без обращения к лексикографическим источникам лингвист ошибочно относит к разряду лексических.

Синонимический ряд Словаря В. И. Даля с заглавным словом *глаз* содержит слова: *око, глазное яблоко, шары, сиб. талы, вят. буркала, баньки, южн. глядела, гляделки, зенки; мн. глаза, глаза; олон. глазья; собирает. глазье; глазина, глазища увелич.; глазик, глазок, глазочек. глазенок, глазеночек* и пр. умалит. Андрей Белый объединяет в одной строке часть словообразовательного гнезда: «И под веко зрачок укатнул... моргнул ей: *глазенок, глазок, глаз, глазище!*» В тексте романа также использованы собирательное существительное *глазье*, «...вовсе не было глаз: вместо них – желто-алое, гнойное вовсе безвекое *глазье*», в словообразовательное гнездо включено словосочетание ‘глазковое образование’: «Со свечою он кинулся к глазу; разъяв двумя пальцами глаз, он увидел не глаз, а *глазковое образование*» [Белый 1989: 355]. С сохранением значения ‘праздный зевака, кто стоит, выпучив глаза’ используется однокоренное существительное *глазопял*: «*Глазопялы* – за всем, отовсюду следили; из окон, дверей, подворотен» [Белый 1989: 161]. Расширяет словообразовательное гнездо однокоренное *межглазье*, образованное при помощи префиксально-суффиксального способа: «Острием треугольничка резала четко *межглазье* она» [Белый 1989: 62].

В Словаре В. И. Даля в статье с заглавным словом «ерзать» указано слово *ерзунчик* со значением ‘малый ребенок, начавший ползать’ и однокоренное *ерзун* с одним из значений ‘ползун, проныра, пройдоха, пролаз’. Андрей Белый использует семантический окказионализм «ерзунчики», образованный при помощи метафоризации, сравнения беспокойнодвигающихся из стороны в сторону глаз с бесцельными передвижениями ребёнка. В структуре значения окказионализма наблюдается актуализация сем ‘хитрый, жуликоватый’, в романе употреблены как «беспокойнодвигающиеся, хитрые, жуликоватые глаза»: «Тут у профессора глазки сверкнули – *ерзунчики*: злые» [Белый 1989: 85].

Из словарной статьи с заглавным словом «кудерь» в романе перечислены однокоренные синонимы «кудри», «кудерьки» («Надя села, мотнув *кудерьками*, подвесками...»), словообразовательное гнездо расширено синони-

мом «кудряя» (волос). С сохранением значения ‘патлы, космы, пряди курчавых, растрепанных волос, шерсти, на человеке либо на животном’ использовано слово «кудло»: «...сжав кулаковину, снова разжал: поклопочить повисшее грустно *кудло* (с него перхоти сыпались)». В словообразовательное гнездо Андрея Белого включено новообразование краткое причастие «подкудрен», образованное от глагола «подкудрить». Окказиональное существительное «кудряен» называет лицо по характерному признаку – кудрявым волосам: «...делался вдруг милованом почтенным, – очаровательным *кудряenom*» [Белый 1989: 56]. Окказиональное существительное «курчавик», образованное при помощи суффикса -ик-, употребляется для обозначения лица по внешнему признаку: «Попричесался, загладил махры; и казался, представьте, *курчавиком*...» [Белый 1989: 233].

Андрей Белый расширяет словообразовательное гнездо окказиональным словом «отбородатить», которое образовано префиксально-суффиксальным способом, при помощи приставки от- и суффикса -и-, по аналогии с синонимичным ему в переносном значении разговорным словом «отбарабанить». В контексте «отбородатить» имеет значение ‘громко, быстро и невыразительно произнести что-либо’: «Задопятав придав гармонический вид себе, *отбородатил* приветственно...» [Белый 1989: 57]. Окказиональное слово «набородатить» используется в значении ‘придумать, изобрести, отыскать мысленно’ в эпизоде, в котором Анна Павловна критикует своего супруга Никиту Васильевича: «*Набородатил* идеечек, насеребрил седины, фраз начавкал, себе юбилеев *насахарил*, – хо!» [Белый 1989:150]. В данном контексте А. Белый использует глагол «начавкать», производный от «чавкать» в переносном значении ‘говорить вяло и чмокая, невнятно’. В Словаре В. И. Даля выделено следующее значение глагола «насахарить»: ‘подслащать или посыпать сахаром’. В тексте романа сочетание «насахарить юбилеев» используется в метафорическом значении ‘сделать свою жизнь приятнее, слаще в перен. знач., проведя празднества по случаю годовщин жизни и деятельности’.

Из словарной статьи с заглавным словом «морщина» с изменением лексического значения использовано слово «морщень» в качестве синонима к заглавному слову: «...и – прерассеянно тыкался он моргощурим, дерглявым лицом, собирая на лбу драматический *морщень*», – у В. И. Даля дано значение ‘бабий головной убор, в роде кокошника, пониже и закругленный, без острого края, собранный назади сборами’. Синонимичное значение слову «морщина» у Андрея Белого имеют семантические окказионализмы «морщуля» и «морщуха»: «Она появилась опять, расправляя *морщулю* лица...», «Старик, отшвырнув желтый том, нацепивши очки и *морщуху* какую-то сделав себе из лица...», – согласно «Толковому словарю живого великорусского языка», данные слова применимы к тому, «кто морщится». При этом без изменения значения остается существительное «морщик»: «Нюхает, сделавшись *морщиком*...». Новообразованием Андрея Белого является слово «морщ», образованное при помощи десуффиксации -ин- от узуального

«морщина». Данный окказионализм автор использует для характеристики собравшегося морщинами, принявшего гримасу лица: «Профессор... сидел, из лица сделав *морщ*» [Белый 1989: 198].

В сочетании «шел с выдергой ног» слово «выдерга» мы рассматриваем как семантический окказионализм, который в Словаре В. И. Даля указан как название инструмента, предназначенного для извлечения забитых гвоздей. В контексте служит для характеристики манеры ходить, выбрасывая ноги в стороны, об этом свидетельствует приставка *вы-*, указывающая на «направление движения изнутри наружу».

В пределах одного предложения автор использует ряд узуальных и окказиональных наименований походки: «Мимо же шли: мальчуган проюркнул... попёр черномордик; проёрзала кофточка; пёр желторожий детина... кучей, *вразноску, вразмашку, враскачку* – с подскоком, семейственно» [Белый 1989: 28]. В Словаре В. И. Даля лексема «вразноску» имеет значение «продажа разносом», в контексте же используется для характеристики манеры ходить с сохранением семы «из стороны в сторону». По аналогии со словом «вразноску» образованы одноструктурные окказиональные наречия «вразмашку», «враскачку», которые в тексте романа использованы в значениях «идти, размахивая чем-либо (ногами, руками)» и «идти, раскачиваясь в разные направления».

Андрей Белый создает окказиональные слова – существительное «дерганог» и наречие «дерганогом». Слова образованы при помощи сложения основ мотивирующего словосочетания «ногами дергать» и нулевого суффикса. Существительное «дерганог» в контексте используется в значении «ноги, при ходьбе совершающие резкие судорожные движения»: «...вдруг пошел – прямо к двери (ну, – ноги: совсем *дерганог*)». Наречие «дерганогом» имеет значение «хромя походка с прерывистыми движениями»: «...он пошел *дерганогом*, валяся набок и едва волоча свои кости в прожолкную комнатку, где охватил запах каши и клея» [Белый 1989: 196]. Источником слова «дерганог» стала дразнилка, зафиксированная в Словаре В. И. Даля: «Кутейники, *дерганог*: не нашли пути дороги – дразнят семинаристов». Здесь «дерганог» (с иным написанием) является синонимом к слову «кутейник», которое использовалось как шуточное прозвище клириков, церковнослужителей, пономарей и звонарей.

Значительную часть портретных описаний Андрея Белого составляет характеристика походки персонажей. Так, Иван Иванович «быстрым расскоком» ходит по кабинету «вымолачивая пальцами походя дробь» [Белый 1989: 21]. Слово «расскок» часть исследователей, например, С. В. Кошелева, относит к морфологическому новообразованию, не учитывая наличие данного слова в Словаре В. И. Даля со значением «разбег и разгон вскачь, разлет скоком». Мы рассматриваем нетипичную сочетаемость наречия «расскоком», которое в узусе применимо для характеристики походки лошади, в контексте употребляется для описания стремительного перемещения Коробкина. Наблюдается расширение лексической сочетаемости с семантическим сдвигом.

Таким образом, вслед за Н. А. Кожевниковой мы устанавливаем включение фрагментов словарных статей из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля в текст романа как синонимические ряды, содержащие нейтральную и стилистически окрашенную лексику, а также расширение словообразовательных гнезд при помощи создания окказиональных слов. Словообразовательные способы окказионализмов требуют уточнения с опорой на лексикографический труд В. И. Даля, значимость которого для словотворчества была высоко оценена А. Белым. Учет материалов данного Словаря дает возможность для осмысления окказионализмов семантического типа, для разграничения просторечной, региональной и устаревшей лексики от авторских новообразований и разъяснения их значений.

#### Литература и источники

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. – СПб. : Atheneum; Феникс, 1998. – 736 с.
2. Белый, А. Мастерство Гоголя : Исследование [Электронный ресурс] / Предисл. Л. Каменева. – М.; Л. : Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. – 324 с. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/mgb/mgb-001-.htm> (дата обращения : 06.05.2021).
3. Белый, А. Москва / сост., вступ. С т. и примеч. С. И. Тиминой. – М. : Сов. Россия, 1989. – 768 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – СПб, 1863–1866.
5. Кожевникова, Н. А. Роман А. Белого «Москва» и Словарь В. И. Даля // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 2. – С. 14–39.
6. Кожевникова, Н. А. Словообразовательные гнезда в романе А. Белого «Москва» // Текст. Интертекст. Культура : сборник докладов Международной конференции (Москва, 4–7 апреля 2001 года). – М.: Азбуковник, 2001. – С. 520–533.
7. Кошелева, С. В. Новообразования в идиолекте Андрея Белого (на материале романов «Петербург» и «Москва») [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/novoobrazovaniya-v-idiialekte-andreya-belogo-na-materiale-romanov-peterburg-i-moskva> (дата обращения: 12.10.2020).

**Сорокина И. Т.**

*учитель, Майская гимназия Белгородской области, п. Майский*

## **ОСОЗНАНИЕ СЛОВА. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ОГЭ И ЕГЭ**

**Sorokina I. T.**

*teacher of Russian language and literature, MOE “Mayskaya gymnasium  
of the Belgorod district of the Belgorod region”*

## **AWARENESS OF THE WORD (USING THE V. I. DAHL’S DICTIONARY AT RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN PREPARATION FOR THE EXAMS)**

**Аннотация.** В статье представлен анализ прикладных аспектов лингвистики, нацеливающих на выяснение лингвокультурологической основы словаря В. И. Даля. Ставятся

вопросы, формирующие отношение к словарю Даля как к наивысшему достижению русской лексикографии при подготовке старшеклассников к выпускным экзаменам.

**Summary.** The article presents an analysis of the applied aspects of linguistics aimed at elucidating the linguistic and cultural basis of the dictionary of V.I. Dahl. Questions are raised about the attitude to the Dahl dictionary as the highest achievement of Russian lexicography in preparing high school students for final exams.

**Ключевые слова:** дидактика, лексикография, лексика, лингвистика.

**Key words:** didactics, lexicography, vocabulary, linguistics.

В эпоху стремительного развития компьютерных технологий, быстрого накопления информации по разным отраслям знаний повышается значение для выпускников школ различных видов справочной литературы. Современные лингвисты считают «хорошим тоном» ссылаться на словарь Даля, если нужно объяснить значение слова, поскольку этот словарь признан «самым главным» словарем. Почему? Ответ, наверное, покажется очень простым: словарь В.И. Даля уникален. В нем сохраняется образ автора, беседующего со своим читателем на живом, точном, понятном языке. Так сейчас не говорят, но как точно ухвачен смысл того, о чем современный человек, может быть, скажет иначе. И как много сказано того, о чем без словаря современному человеку невозможно было бы и догадаться, считают современные исследователи [Брагина 2016:1]. Возможно, это стало одной из причин обратиться к словарю Владимира Ивановича Даля на уроках русского языка при подготовке старшеклассников к ОГЭ и ЕГЭ.

В обучении русскому языку словарь В.И. Даля позволяет построить изучение самых сложных вопросов на интересном дидактическом материале, доступном учащимся, на материале, который не только обучает, но и развивает и воспитывает. Такой вид работы можно использовать на уроках развития речи, на уроках русского языка при изучении лексики, морфологии, синтаксиса, при повторении, обобщении и систематизации пройденного материала в процессе подготовки к экзаменам по русскому языку в формате ОГЭ и ЕГЭ.

При изучении программного материала в выпускных классах мы очень часто обращаемся к произведениям В.И. Даля. Задания такого плана помогают ученикам 9-11 классов научиться внимательно, бережно, вдумчиво относиться к русскому слову, к родному языку, который является важнейшей частью нашей национальной культуры и основным средством ее постижения, приобщения к ее неисчерпаемым богатствам. [Пахнова 2001:22].

Так, на уроках русского языка при изучении сложносочинённых предложений в 9 классе отрабатываем материал на пословицах и поговорках В.И. Даля: *Труд человека кормит, а лень портит. Иной речист, да на руку не чист. Одет просто, а на языке речей со сто. Много хороших, да милого нет. Либо прясть, либо ткать, либо песенки петь* (союзы соединительные, разделительные, противительные). При изучении сложноподчиненных предложений знакомимся с видами придаточных предложений на пословицах из словаря В.И. Даля: *Стыдно молчать, когда нечего сказать. Глуп совсем, кто не знает ни с кем. Гостю честь, коли воля есть. Куда иголка, туда и нитка.*

*Всякая рыба хороша, коли на уду пошла. С тем не ужиться, кто любит браниться* (виды придаточных). Для отработки умения в постановке знаков препинания при бессоюзных сложных предложениях приводим в пример поговорку: *Чужим умом жить – добра не нажить. Реже видишь – больше любишь* и др. [Даль 1984: 36].

Приведем некоторые из заданий Т.М. Пахновой [Пахнова 2001], которые мы используем на уроках русского языка при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ.

Разнообразный дидактический материал, который представлен в сборниках автора, нацеливает на отработку тестовых заданий и написание сочинения-рассуждения при подготовке учащихся 9 класса к ОГЭ. Например, предлагается записать текст, объяснить орфограммы: *«Владимир Иванович Даль был человеком необычной судьбы. Имя его встретишь в учебниках русской литературы и трудах по фольклористике, в книгах по этнографии и по истории медицины, даже в руководствах по военно-инженерному делу. Но для нас В.И. Даль прежде всего создатель знаменитого и в своем роде непревзойденного «Толкового словаря живого великорусского языка» [Булатов 1969:21].*

Предлагаем ученикам доказать, что это текст, и ответить на вопрос: «С помощью каких языковых средств осуществляется связь между предложениями?». Затем работаем со словарями и записываем определения: *этнография – это..., фольклористика – это....* Просим подобрать синонимы к слову *непревзойденный*, подчеркнуть грамматическую основу во 2-м предложении. Такая работа отражает тестовые задания ОГЭ по русскому языку.

Затем ученики приступают к написанию сочинения по данному началу. Напоминаем выпускникам, что во время работы над заключительной частью текста необходимо ещё раз перечитать начало, постараться, чтобы начало и конец взаимодействовали, как бы перекликались.

При подготовке к изложению можно предложить девятиклассникам такое задание:

- Прочитайте отрывок из повести о В.И. Дале «Собирал человек слова». Какие языковые средства выражения оценки, отношения использованы в тексте?

*«Подвиги бывают разные... Даль сорок лет готовился к своему подвигу. Подвиг Даля не укладывался в мгновение, и в час, и в месяц не укладывался, был долог, упорен, – тяжелый, бесконечный труд. Даль собрал за свою жизнь больше двухсот тысяч слов. Если их просто выписать столбиком, понадобится четыреста пятьдесят обыкновенных ученических тетрадей в линейку. Но Даль еще объяснял каждое слово, подыскивал близкие ему по смыслу, приводил примеры. Даль один собрал вдвое больше слов, чем целое отделение академиков...*

*...Безбрежное море слов. Не всякому дано узнать их, вдохнуть их запах, взять в пригоршню, напиться ими. Для этого надо броситься в море. Даль бросился. И поплыл.*

*Жизнь Даля со всеми ее поворотами и переменами – большое плавание в море слов» [Булатов 1969:209].*

Просим учеников определить тему, основные мысли текста, найти ключевые слова, озаглавить текст. Затем ребята находят слова, которые употребляются в переносном значении, подбирают синонимы к словам *труд*, *путь*, читают словарную статью: **Подвиг**, -а, м. Героический, самоотверженный поступок. Совершить п. Воинский п. Трудовой п. П. во славу родины. Далее учитель предлагает записать предложение: «*Подвиг – это...*». В заключение вместе с учениками составляем план текста и пишем изложение.

На уроках русского языка в 10-11 классах при подготовке к выполнению задания 27 (написание сочинения-рассуждения) можно использовать текст из книги В. Порудоминского о Дале [Порудоминский 1971:211].

Просим учеников перечитать начало главы «Словарь», определить тему, основную проблему текста:

*«...Как связать, слить в одно целое десятки тысяч разрозненных слов и превратить их в словарь живого русского языка?»*

*Самое легкое – придерживаться алфавита. Но алфавит, как ни странно, не объединяет, а часто разъединяет слова. Вот, к примеру, словародственники: бывалый, былъ, быть; в словаре, как и в языке, они должны стоять рядом, бок о бок, в одном гнезде. Но попробуй расставить их по алфавиту: вмиг между бывалым и былью окажутся и быдло и бык... Между братьями-близнецами **ездить** и **ехать** ляжет в алфавитном списке более сотни слов, ничего общего ни с какой **ездой** не имеющих и объединенных тем только, что все начинаются с буквы **е** [Порудоминский 1971:211]*

Нет, Даля не устраивал привычный алфавитный порядок: «*Самые близкие и сродные речения, при законном изменении своем на второй и третьей букве, разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет...*». До чего же прекрасно: в слове не менее жизни, как и в самом человеке, – здесь сердечность отношения Даля к слову, душевность, чувство: *Слово – не просто «сочетание звуков, означающее предмет или понятие», но, по возвышенному толкованию Даля, именно в слове проявляется «исключительная способность человека выразить гласно мысли и чувства свои, дар говорить, сообщаться разумно...»*. Нет, Даля не устраивал привычный алфавитный порядок: «*Мертвый список слов не помощь и не утеха*», ведь Даль составлял не мертвый список – живой словарь.

Ученики находят в тексте ключевые слова. Затем им предлагается закончить предложения: *По мнению Даля, «в слове не менее жизни, как и...»*; *Даль считал, что именно в слове проявляется «исключительная способность человека...»* и ответить письменно на вопрос: «*Какие антонимы к словам **объединять**, **живой** используются в тексте?»*

Эти и другие вопросы по анализу структуры и содержания лингвистических текстов, посвященных наследию В.И. Даля, будут хорошей подготовкой к поиску примеров-иллюстраций, их пояснению и связи в сочинении выпускника.

На наш взгляд, чтобы научить школьников воспринимать язык не как «грамматическую схему», а как составляющую духовной культуры в целом, «необходимо начать с пересмотра роли и формы традиционных видов языкового и текстового анализа в школьном курсе, с совершенствования методик работы со словом, апробирования конкретных методов и организационных форм, позволяющих в процессе обучения языку давать учащимся представление о культурных явлениях и понятиях, выраженных в определенных языковых знаках» [Новикова 2012: 102].

В этом плане опыт работы со словарём В.И. Даля бесценен. Обращение на уроках русского языка в выпускных классах к «Толковому словарю живого великорусского языка», к пословицам и поговоркам позволяет каждому из наших учеников стать богаче духом, глубже проникать в язык, а значит, и в самого себя. Хочется надеяться, что словарь В. Даля станет для школьников не просто толковым словарем, а непревзойденным хранилищем сокровищ русского языка.

#### Литература и источники

1. Брагина Н.Г. Владимир Даль. Автор самого популярного словаря. – М.: «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА», 2016. – 32 с.
2. Булатов М. А., Порудоминский В.И. Собирал человек слова... : Повесть о В. И. Дале. – М.: Детская литература, 1969. – 40 с.
3. Новикова Т.Ф. Культуроориентированные приемы работы со словом в тексте. – Харьков: ХНПУ, Русская филология. – 2012. – № 1-2 (46). – С.99- 102 .
4. Пахнова Т.М. В.И. Даль на уроках русского языка. М.: Русский язык, 2001. – С.21-26
5. Порудоминский В.И. В.И. Даль. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 384 с.

**Токарев Г.В.**

*д. филол. наук, профессор, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула*

### СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИКИ КВАЗИСИМВОЛА<sup>1</sup>

**Tokarev G. V.**

*Doctor of Philology, Professor, Tolstoy State Pedagogical University, Tula*

### V.I. DAHL'S DICTIONARY AS A SOURCE OF RECONSTRUCTION OF THE SEMANTICS OF A QUASI-SYMBOL

**Аннотация.** В статье представлен квазисимвол как лингвокультурологическая единица и вербальный знак, выполняющий культурные функции символа, эталона. С опорой на данные словаря В.И. Даля семантизируются некоторые значимые для русской культуры квазисимволы, такие, например, как *венец, веревка, ворота* и др.

**Ключевые слова:** лингвокультурология, квазисимвол, словарь В.И. Даля, семантизация.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008)

**Summary.** The article presents a quasi-symbol as a linguistic and cultural unit and a verbal sign that performs the cultural functions of a symbol, a standard. Based on the data of the dictionary of V. I. Dahl, some quasi-symbols significant for Russian culture are semanticized, such as the *crown, rope, gate*, etc.

**Key words:** linguoculturology, quasisymbol, V.I. Dahl's dictionary, semanticization.

Развитие лингвокультурологии поставило задачу описания лингвокультурных единиц. К ним мы относим вербальные знаки, которые принимают на себя культурные функции символа, эталона, оберега, меры. Подчёркивая особую природу данных элементов культуры, В.Н. Телия для образования обозначающих данные явления терминов использует приставку *квази-*: *квазисимволы, квазиэталоны, квазимеры*. Описание данных единиц связано с моделированием их значения. В данной статье мы рассмотрим вопрос семантизации квазисимвола.

На значение квазисимвола оказывают влияние два наиболее значимых фактора: идея, которую представляет символ, и императив, направленный на регуляцию поведения человека. Семантика квазисимвола формируется на основе коннотаций вербальных элементов. Коннотации верифицируются переносными значениями, производными словами, устойчивыми фразами, прецедентными текстами и др. Уникальным источником, на основе которого возможно верифицировать коннотации, на основе которых выстраивается значение квазисимвола, является словарь В.И. Даля. Данное лексикографическое издание занимает оправданное центральное место в кругу источников, что определяется представленным богатейшим материалом, энциклопедической направленностью, отражающей сложные мировоззренческие тенденции.

Приведём примеры семантизации значений квазисимволов с опорой на данные словаря В.И. Даля. Зафиксированные в словаре устойчивые единицы позволяют точнее осмыслить идею и типичный сценарий, реализуемые квазисимволами.

### **ВЕНЕЦ**

- Символизирует замужество. Ожидай исполнения роли невесты. *Была под венцом, и дело с концом. Береги дочь до венца. Как наденут венец, так всему конец. Венцом грех прикрыть.* При венчании над головами брачующихся держали венцы. Употребляется для констатации положения дел.

- Символизирует судьбу. Будь готов принять что-либо на себя. *Великомученический венец.* Формирование символического значения объясняется тем, что венец, надеваемый на голову, выступает знаком отличия в чём-либо, подтверждения определённой роли. Употребляется для констатации положения дел.

- Символизирует завершающий этап чего-либо. Будь готов, что каждое дело имеет окончание. *Конец делу венец.* Формирование символического значения основано на представлениях о том, что венец располагается вверху, что воспринимается как завершающий этап. Употребляется для констатации положения дел.

## **ВЕРЁВКА**

- Символизирует наказание. Знай, что некто должен ответить за то, что сделал. Неодобр. *Верёвка плачет*. Формирование символического значения связано с представлениями о совершении казни через повешение. Употребляется для констатации положения дел, для предупреждения.

- Символизирует подчинение. Знай, что некто не желает делать что-либо по своей воле. *Вить верёвки, на верёвке не затащишь*. Формирование символического значения связано с наблюдениями за функцией верёвки. Употребляется для констатации положения дел, для оценки, для предупреждения.

## **ВОЖЖИ**

- Символизирует управление, руководство чем-либо. Знай, что ты можешь влиять на ситуацию. *На ретивого коня не кнут, а вожжси. Кому кнут да вожжси в руки, кому хомут на шею. Коня на вожжсах удержишь, а слога с языка не воротишь. Его сюда на вожжсах не затащишь*. Формирование символического значения основано на наблюдениях за использованием вожжей, элемента конской упряжи. Употребляется для констатации положения дел.

## **ВОЗ**

- Символизирует дело, обязанности, заботы. Будь готов принять на себя какие-либо обязанности. *Не мой воз, не мне его и везть. Твой воз, тебе и везть*. Формирование символического значения связано с актуализацией усилий, которые требуются для перемещения воза. Употребляется для констатации и оценки чего-либо.

- Символизирует чужое пространство, приватность. Учти, что пространство имеет границы, делится на своё и чужое. *На чьем возу сижу, того и песенку пою. Мне дай только присесть на воз, а ноги и сам подберу. Не обоз кормит, а воз*. Формирование символического значения обусловлено представлениями о частной собственности. Употребляется для констатации чего-либо.

## **ВОРОТА**

- Символизирует вход в другое пространство. Знай, что пространство делится на своё и чужое, есть средство попасть в иное пространство. *Живет и от ворот поворот*.

- Символизирует нечто внешнее, иногда главную деталь экстерьера. Знай, что есть внешние вещи, на которые все обращают внимание. *Уставился как баран на новые ворота*.

- Символизирует богатство, достаток. Учти, что некто может демонстрировать свой достаток. Устаревшее. *Кто широко живет, тот не запирает ворот. Он широко ворота растворяет, роскошно живет*. Формирование символических значений обусловлено наблюдением за функциями и признаками ворот. Употребляется преимущественно для констатации положения дел.

Таким образом, словарь В.И. Даля характеризуется высокой значимостью для проведения лингвокультурологических исследований.

### Литература и источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М.: Терра, 1995.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 284 с.

**Чистов В.В.,**

*канд. пс. н., Международный ун-т Silkway, г.Шымкент, Казахстан*

## НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ В ОПРЕДЕЛЁННОМ СОЦИУМЕ

*Chistov V. V.*

*Associate professor of the department of Pedagogy and Psychology,  
International University Silkway, Symkent, Kazakhstan*

## FOLK PROVERBS AS A REFLECTION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE LIFE OF PEOPLE IN A CERTAIN SOCIETY

**Аннотация.** В статье дан анализ пословиц русского народа, собранных В.И.Далем, показано их разнообразие, многоплановость и значимость. Отмечается преемственность и схожесть многих нравственных понятий в пословицах русского и казахского народов и различия в них, связанные с традициями и менталитетом; сделаны выводы о необходимости изучения духовного наследия народов, отраженного в пословицах, в образовательном процессе школ, лицеев, гимназий, колледжей и вузов.

**Summary.** The article gives an analysis of the proverbs of the Russian people collected by V.I. Dahl, shows their diversity, versatility and significance. The continuity and similarity of many moral concepts in the proverbs of the Russian and Kazakh people and the differences in them related to traditions and mentality are noted; conclusions were drawn about the need to study the spiritual heritage of peoples, reflected in proverbs in the educational process at schools, lyceums, gymnasiums, colleges and universities.

**Ключевые слова:** пословицы, духовное наследие, этническое своеобразие, стереотипы поведения, классификация, нравственность, жизненные установки, воспитание, труд, семья.

**Key words:** proverbs, spiritual heritage, ethnic identity, stereotypes of behavior, classification, morality, life attitudes, education, work, family.

Устное народное творчество (фольклор) характеризуется как народная мудрость, которая широко используется в воспитательных целях, являясь одним из основных источников этнопсихологических знаний, используемых в современной этнопедагогике. Фольклор базируется на творческой деятельности разных социальных слоев и групп населения, характеризуя взгляды, уклад жизни и нормы морали в том или ином социуме. В этой связи народные пословицы и поговорки представляют собой огромный и весьма значимый пласт фольклора, отражающий чувства и чаяния народа, выраженные в простой и доступной форме. Слушая пословицы и поговорки, запоминая их и

осмысляя с помощью родителей, дети приобщаются к многовековой культуре своего народа. «Без пословицы не проживешь», – гласит русская народная мудрость, ибо меткие слова отражают не только красоту и силу языка, но и веками устоявшуюся и ставшую неким эталоном мораль народа. «*Добрая пословица не в бровь, а в глаз*», – утверждает В. И. Даль [Даль 2000: 892].

Пословицы неразрывно связаны с менталитетом народа, т.к. выражают его настроения и стереотипы поведения, формировавшиеся в каждом конкретном этносе на протяжении многих тысячелетий. По мнению казахского исследователя Б.А. Байтанаева, этническое своеобразие народа «заложено генетическим кодом» [Байтанаев 1994: 77], характеризующим тонкость восприятия жизни. В процессе воспитания детей на обширном материале устного народного творчества формируются убеждения и нравственные установки. Народное творчество, зародившееся в глубокой древности, представляет собой основу всей народной культуры и является источником национальных художественных традиций, т.к. именно в нём проявляется народное самосознание и понимание сути жизни.

Изучая сущность и образность русских пословиц, собранных в свое время В.И. Далем, можно заметить, что они классифицированы попарно по определённым разделам, наглядно отражающим взгляды народа и уклад его жизни.

Главная тема пословиц – это народ, его стереотипы поведения и черты характера. Так, говоря о судьбе народа, его терпении и надеждах, В.И. Даль приводит такие высказывания, как «*Не узнав горя, не узнаешь и радости*»; «*Худое видели, хорошее увидим*»; «*Все на свете к лучшему. Что ни делается, все к лучшему*»; «*Век живи, век надейся!*»; «*Терпи, казак, атаман будешь*»; «*Будет и на нашей улице праздник*» [Даль 2000: 70, 71]. В этих пословицах отражена мысль, что в человеке всегда должна жить надежда на то, что завтра жизнь станет лучше, необходимо только иметь терпение и дождаться этого. Пословицы предостерегают от поспешности в суждениях и поступках: «*Не суйся наперед отца в петлю*»; «*Не суйся середя наперед четверга*» (или: пятницы) [Даль 2000: 124].

Большинство русских пословиц посвящено вопросам нравственности. Ценность их выясняется расшифровкой смысла. Комментирование пословиц в суждениях, разговоре, спорах всегда было широко распространено в народе, что и определило их воспитательную сущность. В пословицах подвергались критике отрицательные черты характера и закреплялись положительные наставления, что формировало определённую психолого-педагогическую установку для подрастающего поколения, закладывая нормы нравственности и формируя мировоззренческие позиции. Так, говоря о значимости Родины, В.И. Даль приводит следующие пословицы: «*Где кто родится, там и пригодится*»; «*Где жить, тем и слыть*»; «*За морем теплее, а у нас светлее (веселее)*»; «*За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое*»; «*Родимая сторона – мать, чужая – мачеха*» и др. [Даль 2000: 312-313]. В доказательство

важной роли трудовой активности, он приводит следующие народные высказывания: *«Под лежач камень и вода не течет»*; *«На одном месте и камень мохом обрастает»*; *«Русак умен, да задним умом»* [Даль 2000: 313-315].

Поскольку пословицы являются продуктом накопленной с годами мудрости народа, они затрагивают практически все сферы жизнедеятельности людей и различные явления жизни. Они всегда имели воспитательный характер, содержали в себе дидактические установки для юных поколений, выполняя тем самым образовательную функцию. Это наставления, которые давались в доступной и оригинальной форме. На основе игры слов, созвучий, ритмики и рифм пословицы оказывались благоприятной формой для запоминания и сохранялись в памяти ребёнка, формируя его представления об общепринятых моральных принципах и законах, об отношении к труду, к людям и другим жизненным ценностям: *«Просим на избу: красному гостю красное место»*; *«Не красна изба углами – красна пирогами»*; *«При дороге жить – всех не угостить»*; *«Бог дал два уха, а один язык»*, поэтому *«Лучше не договорить, чем переговорить»*, *«Здоровье всего дороже»*; *«Здоровье дороже богатства»* [Даль 2000: 761, 518, 769, 365, 359].

Большое внимание уделено в народных пословицах вопросам семьи и воспитанию. Так, народная мудрость гласит: *«Муж – голова, жена – душа»*, *«Какое дерево, таков и клин; каков батько, таков и сын»*. *«Один сын – не сын, два – не кормильцы»*; *«Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын»*; *«Детушек воспитать – не курочек пересчитать»*; *«Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет»*; *«Хозяин весел, и гости радостны»*; *«Обед не в обед, как хозяйина (хозяйюшки) нет»* [Даль 2000: 342, 690, 347, 520].

Сопоставляя пословицы русского народа, представленные В.И. Далем, с казахскими пословицами, анализируя тематику пословиц, можно заключить, что многие из них весьма схожи по содержанию. Важнейшими темами, отраженными в пословицах русского и казахского народа, являются любовь к Родине, труд, дружба, любовь, гендерные особенности, потребности и мечты.

Обращаясь к истории, можно отметить, что ещё в XIX в. Казахстан стал местом ссылок неблагонадёжных людей из России, которые успешно адаптировались в новой для них среде, находя много общего с представителями коренной казахской национальности, что оказало существенное влияние на маргинализацию казахского этноса. И. Алтынсарин подчёркивал, что в характерах русского и казахского народов, несмотря на приверженность разным религиям, есть много общего. *«Киргизский (казахский) народ охотно сходится с русскими... немало существует примеров дружеских отношений между прямолинейными киргизами и тамошними русскими... Естественному сближению русского и киргизского простонародья содействует прежде всего некоторая сходственность нравственного их строя. И те и другие отличаются безыскусственностью в житейском быту, здравым практическим умом, не развращённым религиозными или национальными предрассудками, добрым*

сердцем и полной веротерпимостью, которая основана на простом рассуждении, что всякому-де своя вера хороша» [Алтынсарин 1978: 104-105].

Общность взглядов казахов и русских на роль мужчины и женщины в семейной жизни нашла своё отражение в народных пословицах. Казахские пословицы гласят: «*Отец – судья своим детям*»; «*Отец – дерево могучее, сыновья – его листья*»; «*Сын хороший – на земле хорошо, сын плохой – в земле хорошо*»; «*Сын мой – мёд мой, сын сына – душа моя*»; «*Ребенок без отца – наполовину сирота, ребенок без матери – полная сирота*» [Аккозин 1985: 68-69] В русских пословицах говорится: «*Умный сын – отцу замена, глупый – не помощь*»; «*Корми сына до поры: придет пора – сын тебя покормит*»; «*В глупом сыне и отец не волен*»; «*Дитя хоть криво, да отцу, матери мило*»; «*Не наказанный сын – бесчестие отцу*», «*Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота*», определяющие значимость отца как главы семейства [Даль 2000: 349-351].

Мысли о семье и воспитании детей отражены в названных пословицах, а также в таких, как «*Отец – дерево могучее, дети его листья*»; «*Родила молодца, такого, как отца*»; «*Каков батюшка, таковы у него и детки*»; «*Какова matka, таковы и детки*» [Даль 2000: 349-351, 691].

Весьма созвучны им казахские народные пословицы: «*Характер, воспринятый с молоком матери, уйдёт вместе с костями*» т.е. вместе с жизнью; «*Дом без женщины – сирота*»; «*Женщина не выросла из земли – она дитя мужчины, мужчина не свалился с неба – женщина ему мать*». «*Хорошая женщина и плохого мужа сделает ханом*»; «*Добрая жена доблести мужа прославит, а недостатки сгладит*»; «*Ум женщины – в красоте, красота мужчины – в уме*»; «*Жена плохая – гость уходит, сын плохой – счастье уходит*»; «*Мать, родившую сына, счастье ждёт*»; «*Мать, подарившую шестерых сыновей, царицей зови*» [Аккозин 1985: 54-56, 68].

Казахская пословица «Родных много, а мать – одна» соответствует русской пословице «Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери». Пословицы указывают на значимость роли матери в семье как у казахов, так и у русских. Однако относительно семейных взаимоотношений имеются определённые различия в пословицах, что связано с разницей в менталитете народа и восприятии им основ супружества. Н.Ж. Шаханова указывает на различные психолого-педагогические установки, которые существовали у русских и казахов. «Подходы к воспитанию детей в казахской и русской семьях имеют свои отличия. Для русского социума характерен авторитарный стиль отношений родителей к детям, выражающийся в чрезмерной опеке, контроле всех действий ребёнка. «*Воспитать ребенка – не выпустить цыпленка*»; «*Дети, что цветы, уход любят*»; «*Для матушки ребенок до ста лет дитёнок*»; «*У матери дочь до тридцати лет дочурка*», в то время как в семейном воспитании казахского народа больше учитываются возрастные особенности. Казахская пословица советует: «*До пяти лет ухаживай за ребёнком как за королём, от пяти до тринадцати – заставляй ра-*

*ботать как можно больше, а с тринадцати – обращайся с ним как с равным и делись опытом»* [Шаханова 1999: 24].

В русских пословицах ярко выражена вера в судьбу, которая в казахских половицах почти не просматривается, так как казахи, выросшие в суровых условиях кочевья, но в относительной свободе, надеялись, в основном, на самих себя. Русскому же народу, многие века находившемуся в крепостной зависимости, приходилось больше полагаться на Бога, судьбу или царя, чем на свои силы: «*От судьбы не уйдешь*», «*Судьба придет – по рукам свяжет* (о женитьбе)». Бог часто упоминается в русских пословицах: «*Жить – Богу служить*»; «*Божья рука – владыка*»; «*Даст Бог день, даст Бог и пищу*»; «*Кто любит Бога, добра получит много*»; «*Земля русская вся под Богом*», но есть также и пословицы о необходимости собственной активности. Русское долготерпение, предшествующее обычно решительным действиям, отражено в таких пословицах: «*Русский терпелив до зачина*»; «*Русский задора ждет*»; «*Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь*»; «*Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит*» [Даль 2000: 315-316]. В то время у казахов говорится: «*Сильному и бог не нужен*»; «*Бог не своё раздаёт: он даёт, что у другого берёт*»; «*Пусть бог своим небом правит, а землю в покое оставит*»; «*Чего бог не дал, даст телёнок, став коровой*»; «*Гнев народа крепости разбивает*» [Аккозин 1985: 5, 36].

Характеризуя казахских ораторов, мастеров айтыса и выокохудожественного слога, Б. Адамбаев отмечает, что «красоту и изящество выражения мысли они черпали из фольклорного источника, из народных речений, отличающихся точностью и поэтической изобразительностью» [Адамбаев 1994: 10]. Б. Азибаева подчеркивает, что «разбирая и решая различные внутриродовые и межродовые конфликты самого разного характера, бии часто обращались к пословицам, ибо в них выражались неоспоримые, самой жизнью проверенные истины. И надо сказать, что бии очень часто, используя народные афоризмы, решали самые запутанные тяжбы и находили выход из сложных ситуаций» [Азибаева 2019]. На это указывал в своё время и казахский этиограф Ч. Валиханов.

Анализируя богатейшее наследие В.И.Даля, можно отметить, что оно живо и образно отражает менталитет русского народа, его отношение к проблемам, которые возникали на жизненном пути, взгляды на роль и значимость человека в социуме. Следуя его примеру, ученые-филологи Казахстана также предприняли попытку собрать и классифицировать казахские народные пословицы и поговорки и даже сопоставить их с русскими, отмечая близость народов как в нравственном, так и в духовном плане. Функциональное назначение пословиц рассматривается Б. Азибаевой как оригинальный способ «дать анализ и оценку самым разным событиям и явлениям, происходящим в социуме, а также в духовной, умственной и производственной деятельности человека, и даже в такой тонкой сфере, как душевный мир» [Азибаева 2019].

Изучение духовного наследия, оставленного великими умами прошлого своим потомкам, не теряет значимости со временем. Богатый арсенал народных пословиц актуален и сегодня, оставаясь мощным средством воспитания. Включение фольклорного материала в программы образовательного процесса в школах, гимназиях, лицеях, колледжах и вузах имеет важное, первостепенное значение, т.к. нацеливает на постижение духовного богатства своего и других народов, их веками накопленного опыта, самобытности и этнической культуры данных этносов.

#### **Литература и источники**

1. Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. – А: Ана тили, 1994. – 208 с.
2. Азибаева Б. Где искать истоки казахских пословиц и поговорок. Электронный ресурс <https://the-steppe.com/razvitie/gde-iskat-istoki-kazahskih-poslovic-i-pogovorok>
3. Алтынсарин И. Собр.соч. в 3-х т.- Т.2. – М., 1978.
4. Байтанаев Б.А. Устно-поэтические традиции в художественной структуре казахского романа. – А.: Галым, 1994.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. 905 с.
6. Казахские пословицы и поговорки / Сост.М.А. Аккозин – Алматы: Казахстан, 1985. – 88 с.
7. Шаханова Н.Ж. Семантико-семиотический анализ традиционной культуры казахов (философско-культурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Алматы, 1999. – 52 с.

**Шановалова А.Э.,**  
*учитель, МБОУ «Борисовская школа №2» Белгородской области*  
*Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,*  
*д. пед. н., проф., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

### **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСВОЕНИИ ИНОСТРАНЦАМИ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ**

**Shapovalova A. E.**  
*teacher of Russian language and literature, Municipal budgetary general education institution “Borisovskaya School No. 2”*

### **THE USE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF FOREIGNERS “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE” BY V. I. DAHL**

**Аннотация.** В данной статье говорится о том, как при помощи QR-технологии облегчить изучение определенной группы слов с НКК для иностранных граждан.

**Summary.** This article describes how to use QR technology to facilitate the study of a certain group of words with the NCC for foreign citizens.

**Ключевые слова:** QR-код, инновационные технологии, слова с национально-культурным компонентом значения.

**Key words:** QR code, innovative technologies, words with a national-cultural component of meaning.

В век инновационных технологий задача учителя и преподавателя заключается в их использовании на своих уроках, поскольку с их помощью происходит усвоение нового материала эффективнее. Сначала необходимо разобраться с тем, что же такое инновации в образовании. Н.П. Дронишинец говорит о том, что это «педагогические новшества, направленные на содержание образования, организацию и управление учебным процессом, повышение его качества, совершенствование технологий обучения, воспитания и оценки». К таковым можно отнести следующие:

- Qr-технология,
- Plicers,
- «Learning through open data»,
- ЭОР и другие.

Хотелось бы выделить Qr-технологию и показать, как с ее помощью можно упростить изучение русского языка для иностранных граждан, поскольку некоторые слова для них являются непонятными, и при их изучении возникают трудности.

Поскольку мы будем говорить о QR-технологии, нам надо разобраться и со значением этого термина. С английского языка аббревиатура QR расшифровывается как Quick Response и переводится как «быстрый отклик». А вообще QR-код – это матричный двумерный (2D) штрих-код, разработанный японской компанией Denso-Wave в 1994 году. Первоначально технология предназначалась для использования в автомобильной промышленности, впоследствии получила широкое распространение и в других отраслях. QR-коды, по сути, являются миниатюрными носителями данных, способными хранить текстовую информацию, равную по объему половине страницы формата А4. Эти данные закодированы с помощью черных и белых квадратов, которые, подобно нулям и единицам в компьютерной технике, могут быть расшифрованы только специальным сканирующим устройством. Их объединяет следующий принцип: определенное сочетание квадратов соответствует какому-то конкретному значению, например, букве или числу. Задача QR-кода заключается в хранении большого объема данных при небольшой площади их размещения. И содержать в себе он может гораздо больше данных, чем стандартный штрих-код. QR-код легко определяется сенсором или камерой. И создать его может любой желающий, причем абсолютно бесплатно – для этого достаточно лишь выбрать подходящий генератор QR-кода. Обладать навыками программирования для этого не нужно, достаточно лишь ввести информацию, а остальное программа сделает сама. Для создания кодов существуют сайты-генераторы. Например, русскоязычный онлайн-сервис <http://www.qrcoder.ru> позволяет в несколько кликов закодировать лю-

бой текст, ссылку на сайт, визитную карточку [Калиева 2013, Электронный ресурс]. А для считывания необходима простая программа, которая устанавливается на телефон или планшет.

В современном мире «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля имеет разнообразные формы: бумажные и электронные. Но даже электронная версия не упрощает понимание того или иного слова для иностранных граждан, поэтому можно разработать такую версию словаря, которая была бы понятна всем. Выявив проблему, мы решили, что в данном вопросе поможет именно Qr-код. Начинать изучение словаря необходимо с самых простых терминов, например, со слов, указывающих на родство людей.

Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля и выделим такую лексику:

1. РОДЕЛЬНИЦА ж. влд. родительница, мать; составлено из родительница и радельница.

2. РОДИХА влд. женщина рожавшая.

3. БАБУША, бабушенька, бабуся, бабусенька; бабуня, бабунька, бабуничка, бабунюшка; бабуни, бабунички умалит. бабуля, бабулька; бабуленька, бабуличка и бабули мн. бабенька, бабонька и пр. ласкательно, бабушка, материна или отцова мать, или вообще старушка; старшая старуха в семье, в доме.

4. ДЕД м. отец отца или матери; дед по отцу, дед по матери. Двоюродный дед, родной дядя отца или матери; брат (родной) родного деда или бабки; родной дед внучатного или троюродного брата или сестры.

5. ДЕДЯ сев. дядя; дедина, дедна ж. жена родного дяди, по отцу или по матери; дядина.

6. ЖЕНА ж. вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба.

7. ТЕТКА, тѣта новг. тетушка, теточка, тетенька, тетунька, тетуня, тетя, пск. тетька, тетуся южн. тетюха орл. тецка. костр. сестра отца или матери: тетка по отце, тетка по матери.

8. МУЖ м. человек рода он, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола, противополож. жена, женщина. | Относительно к женщине, жене: супруг, народное, хозяин, образующий с женою чету.

9. СВЕКОР м. мужнин отец снохе, невестке своей.

10. СНОХА (т. е. сыноха), сынова жена, невестка, сношельница [Даль Д.И. 2006].

Все эти слова указывают на родство людей в кругу семьи, но, прочитав данное в словаре лексическое значение, не каждый обучающийся сможет понять, о чем идет речь, поэтому ниже я представляю два QR-кода: первый – толкование слова, второй – изображение или видео, которое обозначает то или иное слово.

## Свёкор



Сейчас существует огромное количество инновационных технологий, которые помогут учителю наиболее интересно и доступно донести обучающемуся ту информацию, которую сложно было понять, изучая ее традиционным способом. Цель образования – формирование личности, быстро ориентирующейся и подстраивающейся под изменения окружающего мира. А используя такие технологии, учащиеся будут заинтересованы в достижении определенных результатов обучения, что в итоге позволяет повышать качество образования.

### Литература и источники

1. Даль В.И Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. – М.: РИПОЛ-классик, 2006. Том 4. Р-Я. – С. 5–127
2. Колесникова Т.А., Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Применение инновационных технологий в образовательном процессе современной школы // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 6-2. – С. 261-269
3. Электронный ресурс: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-Dahlja-bukva-r/>

**Яковлева Т.В.**

*к. пед. н., доцент НИУ «БелГУ», г.Белгород*

## **ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В. И. ДАЛЯ)**

**Yakovleva T.V.,**

*Head of the Department of Theory, Pedagogy and Methodology of Primary  
Education and Fine Arts  
of the Belgorod State National Research University, Belgorod*

## **FORMATION OF LEXICOGRAPHIC COMPETENCE OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN (BASED ON THE DICTIONARY OF V. I. DAHL)**

**Аннотация.** В статье говорится о значимости словаря В.И. Даля в современном мире. Обращается внимание на актуальность реализации компетентностного подхода в обучении, на формирование лексикографической компетенции. Словарь В.И. Даля – важ-

нейшее средство формирования названной компетенции. Предлагаются методы и приемы использования словаря в начальной школе

**Summary.** The article discusses the importance of the dictionary of V. I. Dahl in the modern world. Attention is drawn to the relevance of the implementation of the competence approach in teaching, to the formation of lexicographic competence. The dictionary of V. I. Dahl is the most important means of forming this competence. Methods and techniques of using the dictionary in primary school are offered

**Ключевые слова:** компетентностный подход, лексикографическая компетенция, словарь В.И. Даля, толковые словари, начальная школа.

**Key words:** competence-based approach, lexicographic competence, explanatory dictionaries, V. I. Dahl's dictionary, primary school.

Современный этап развития лингводидактики характеризуется поисками новых походов к определению целей и задач обучения русскому языку. В основу обновленного содержания образования легли ключевые компетенции, которые рассматриваются в настоящее время как конкретные цели обучения русскому языку. В русле компетентностного подхода, признанного сегодня одним из условий модернизации отечественной системы образования, такими конкретными целями преподавания русского языка является формирование языковой, коммуникативной, лингвистической, культуроведческой, лексикографической компетенции учащихся.

Особое место среди названных компетенций занимает лексикографическая компетенция, в процессе формирования которой у учащихся должны быть выработаны умения пользоваться словарями и извлекать из них необходимую информацию.

Умение пользоваться словарями в учебно-познавательной деятельности является важнейшим компонентом процесса формирования языковой личности. Поэтому словари играют неопределимую роль в процессе преподавания русского языка. «Обращение к словарным материалам открывает перед учащимися богатства человеческой мысли, отраженные в языке, способствует более глубокому проникновению в систему языка, расширяет лингвистический кругозор, повышает грамотность и культуру речи, общую образованность человека» [Дейкина 2001:11].

Огромную роль словарей в жизни общества отмечали многие выдающиеся ученые, писатели, деятели культуры. По мнению большинства ученых [См. Галлингер 1990, Грушников 1973], словарь является произведением культуры, достижением науки данного общества в определенный период исторического развития. Хороший словарь входит в историю народа как открытие, создание человеческого духа, подобно произведениям изобразительного искусства или музыки

Ведущим типом словаря является толковый словарь, в котором представлена самая широкая и разноаспектная информация о слове. Толковые словари в словарных дефинициях отражают языковую картину мира, содержат сведения о грамматических характеристиках лексических единиц, об особенностях их функционирования и решают главную задачу – с помощью

принятого составителями особого инструмента описания отразить основные характеристики семантической структуры слова, системы их назначения. Богатейший материал толковых словарей способен стимулировать интерес к предмету «русский язык», а сами словари могут стать надежными помощниками учащихся, дающими возможность самостоятельно и сознательно добывать знания.

Трудно переоценить значение «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, который справедливо называют энциклопедией жизни народа. Словарь Даля – прекрасное собрание не только лексического, но и этнографического материала. В нем автор пытался передать «живой» характер великорусского языка. И поэтому сегодня этот словарь можно использовать не только как справочное пособие. Использование «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля при изучении родного языка в школе поможет учащимся общаться с родным словом, как с живым человеком, а узнавая, постигая, разгадывая тайны русского слова, познать глубже особенности национального характера, русской культуры, истории России.

Словарь В.И. Даля не потерял своего значения и для наших дней, поскольку это настоящая энциклопедия русского народного быта, склада ума, характера, нашедших свое отражение в речи.

Мы предложили студентам, которые проходили педагогическую практику, провести экспериментальную работу с целью повышения уровня лексикографической компетенции, то есть умения пользоваться словарем. Обучающимся были предложены различные упражнения, предусматривающие обращение к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля. Предлагаемые упражнения использовались в сочетании с грамматико-орфографическими упражнениями по развитию речи. Дело в том, что, экономичные по времени, такие упражнения могут «вкрапчиваться» в различные уроки русского языка.

В начале эксперимента было проведено внеклассное занятие на тему: «Давайте познакомимся – Толковый словарь», поскольку предварительная беседа показала, что дети не знакомы достаточно хорошо с толковыми словарями и не умеют ими пользоваться. Эпиграфом к уроку послужили слова А. Франса: *«Словарь – целый мир, расположенный в алфавитном порядке. Здесь мысли, радости, труды, горести наших предков и наши собственные. Подумайте, что все собранные вместе слова – дело плоти, крови и души, родины и человечества».*

Внеклассное занятие включало следующие этапы:

1. Рассказ учителя о значении словарей в жизни каждого человека, о назначении разных групп словарей и использованием примеров.
2. Знакомство с книжной выставкой в библиотеке «В гостях у словарей».
3. Знакомство со словарями разных типов.
4. Работа «словарей» с классом.

В начале занятия с детьми была проведена беседа: 1) Какие словари русского языка вам известны? 2) К каким словарям мы обращаемся чаще всего? 3) В каких случаях словари приходят вам на помощь? 4) Выделите в эпиграфе стержневые слова (Словарь – целый мир, расположенный в алфавитном порядке).

На четвертом этапе занятия ребята слушали выступление Толкового словаря, в котором он рассказал, что впервые определение толковому словарю дал Владимир Иванович Даль. В истории отечественной науки о русском языке В.И. Даль прославился как собиратель слов и устойчивых сочетаний слов, составивший четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка», который впервые был напечатан в 1863-1866 г.г. Кроме толкования значения слов, словарь В.И. Даля включает в себя тридцать тысяч пословиц. Вы скажете: зачем объяснять значения многих слов, они ведь и так понятны. Но не торопитесь. Возьмем, например, слово *стол*. Как объяснить его значение? (Дети объясняют). Это род мебели. Но есть еще и другие значения. Загляните в словарь, и тогда вы без труда выполните задание (Работа с распечатками из Словаря В.И. Даля).

На занятии учащиеся учились пользоваться толковым словарем, определяли лексическое значение тех или иных слов по заданию учителя. Опишем фрагменты некоторых из них.

Работу с использованием словаря В.И. Даля мы продолжили на классных занятиях. При изучении темы «Однородные члены предложения» учащимся предлагалась такая словарная работа: выписать из толкового словаря Даля слова, в значении которых встречаются однородные члены предложения, например: Автор – создатель литературного или художественного произведения, научного труда, проекта, изобретения. *Бодрый* – полный сил, здоровья, энергии, жизнерадостности.

Вначале, чтобы сориентировать детей, мы назвали слова, в толковании лексического значения которых содержались бы однородные члены предложения. Затем дети отыскивали слова самостоятельно и записывали их в тетрадь. Были выписаны толкования следующих слов:

*Герб* – отличительный знак государства, города, рода, изображаемый на флагах, монетах, печатях. *Герой* – 1) человек, отличающийся храбростью, доблестью, самоотверженностью и совершающий подвиги; 2) тот, кто привлекает к себе внимание и является предметом подражания.

Такие задания позволили работать над обогащением и уточнением словаря учащихся, закрепляют навыки работы со словарем.

При проведении урока по развитию речи «Подготовка к изложению по тексту В. Порудоминского «Золотой верблюд» мы предложили третьеклассникам обратиться к толковому словарю В.И. Даля, чтобы уточнить значение слова *золотой, армия, тюк, навьючил*. Затем, учитывая лексическое значение этих слов, учащиеся должны были объяснить смысл словосочетаний: *принесли в армию; запаковал в тюки; навьючил ими верблюда; золотой верблюд.*

Какое слово в словосочетаниях употреблено в переносном значении.

В ходе этого урока учащиеся получили новые сведения о В.И. Дале. Этому способствовали следующие задания по тексту:

Прочитайте текст. Почему он так называется? Что нового вы узнали о В.И. Дале? Подготовьтесь к пересказу текста.

Затем ребята написали изложение по тексту «Золотой верблюд». Проанализировав его, мы сделали вывод, что работа со словарями углубляет знания о языке, расширяет понимание слова, способствует развитию логического мышления, обогащает словарь учащихся.

В процессе изучения темы «Имя прилагательное» мы предлагали ученикам следующие виды упражнений: определение лексического значения слов, списывание, составление словарной статьи, поиск слова по имеющейся словарной статье.

1. Прочитайте. Определите по Словарю В.И. Даля лексическое значение слов *отечественный, реальный, диалектный, просторечный*.

2. Спишите. Объясните подчеркнутые орфограммы. Текст написан на доске.

*Толковый словарь живого великорусского языка», издание которого было завершено в 1866 году, стал поистине великим событием в истории отечественной науки. Словарь содержал около двухсот тысяч слов и запечатлел реальное состояние русского языка той эпохи. Даль при составлении своего труда опирался на устную речь простого русского человека. Именно включение в словарь разговорных, диалектных и просторечных слов делает его столь интересным для читателей. Любой словарь состоит из словарных статей. Словарная статья в толковом словаре – это портрет слова. Чтобы правильно этот портрет воспринимать, надо уметь читать словарную статью, извлекая из нее всю заключенную в ней информацию.*

3) Составьте словарную статью к слову *зебра*.

Прочитаем словарную статью к слову *зебра* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «из рода лошадей, в Южной Африке; полосатая поперек, тигровая». Какой способ толкования слова использует В.И. Даль?

4) Сделайте фонетический разбор слова.

5) Выпишите из Словаря Даля словарную статью слова *товар*. Составьте словосочетание с этим словом.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля привлекался нами в процессе работы над фразеологизмами. Приведем примеры таких заданий:

1. Прочитайте фразеологизмы, объясните некоторые из них: *держат язык за зубами; держать слово; сломя голову; гладить по головке; валится из рук; вертеться под ногами*.

2. Посмотрите значения этих выражений в своих распечатках, составьте с одним из них предложение.

Словарь В.И. Даля использовался нами при изучении темы «Повторяем правописание слов с глухими и звонкими согласными в корне». Детям предлагалось записать пословицы, которые В.И. Даль включил в сборник «Пословицы русского народа», объяснить пропущенные орфограммы:

- 1) *Пекла, кажись, тиро...ки, а вышли покры...ки да горшки.*
- 2) *Иной стреляет ре...ко, да попадает метко.*
- 3) *Знайка доро...кой бежит, незнайка на печке лежит.*

При обучении правописанию слов с предлогом и приставками использовались пословицы:

*Метил (в) ворону, а попал (в) корову.*

*Учился читать да писать, а (вы) учился петь да плясать.*

Нами были предложены и другие виды упражнений, способствующие осознанию значения трудных слов и правильности их использования в речевой практике. Вот некоторые примеры таких упражнений:

1. Прочитайте и объясните с помощью толкового словаря значение выделенных слов. Употребляются ли эти слова в нашей речи?

*И в светлицу входит царь, стороны той государь. Царь Салтан сидит в палате на **престоле** и в **венце**, с грустной думой на лице. Дверь тихонько отворилась. И царица очутилась в светлой **горнице**.* (А. Пушкин).

2. Прочитайте и объясните значение каждого из однокоренных слов. В случае затруднения обращайтесь к толковому словарю.

*Вот и лето подоспело – **земляника** покраснела. **Земляничка**, **земляничка** – красненькая невеличка, беленький цветочек и тройной листочек. Но ежели вы жили возле **землянички**, значит, **земляничное** варенье вам привычное.*

3. Прочитайте и объясните с помощью толкового словаря Даля выделенные слова. К какой тематической группе можно их отнести? («Старинная русская одежда и обувь»).

*...На крыльце стоит его старуха  
В дорогой собольей **душегрейке**,  
Парчовая на маковке **кичка**,  
Жемчуги огрузили шею,  
На руках золотые перстни,  
На ногах **красные сапожки**...*

В процессе работы над словами из «Словаря» нами предлагались учащимся некоторые виды диктантов. Например:

1. Зрительный диктант с предварительным разбором. Дети орфографически и орфоэпически проговаривают написанное на карточке трудное слово с выделенной безударной гласной и записывают его по памяти. (В случае необходимости выясняют значение слова).

2. Выборочный диктант (картинный, слуховой, зрительный). Выписать только слова из «Словаря», письменно объяснить лексическое значение одного из слов (на выбор): *Урожай, урожай! Наше лето провожай! Сколько*

*сладкого гороха! Огурцы как на подбор! На гряде сорвать не плохо крупный красный помидор! Пробежишься огородом съешь морковку мимоходом (Е. Трутнева).*

3. Творческий диктант. Заменить развернутое определение одним словом: 1) Четвертый день недели (**четверг**); 2) прием пищи в середине дня (**обед**); 3) плод яблони (**яблоко**); 4) помещение для торговли чем-нибудь (**магазин**);

Задание. 1) Выпишите значения этих слов из Словаря Даля. 2) Сравните словарные статьи этих слов в других толковых словарях. Какой вывод можно сделать по результатам сравнения?

4. Словарный диктант.

*Словес(?)ность, неизвес(?)ность, со(?)нце, чудес(?)ная вещь(?), опас(?)ность, окрес(?)ность, ус(?)ная реч(?), (в)заперти, (от)туда, хочет(?)ся сказать, много (не)дочетов, (не)брежное отношение, бережно относиться к слову, обогащать свою речь, т.лковый словарь.*

В ходе формирующего эксперимента мы учили детей пользоваться словарями, ориентироваться в словарной статье, рассказывали о В.И. Дале и его словаре, формировали лексикографическую грамотность учащихся. Также мы использовали различные задания, при выполнении которых учащиеся должны были показать знания по лексикографии. Так, например, проводилась «Лингвистическая викторина», где двум командам поочередно были заданы вопросы, а жюри, учитывая полноту, четкость и логичность ответа, оценивало высказывания участников игры, также решали тематический кроссворд «Пушкин и Даль».

Словарь Даля отражает русскую народную лексику, употреблявшуюся в разных областях России второй половины прошлого века. Собранный им народная лексика представляет большую ценность. Такие материалы необходимы для лингвистических исследований истории слов, слов литературного языка, важных для понимания художественных текстов.

#### **Литература и источники**

1. Галлингер И.В. Когда и как «работают» словари на уроках русского языка // Русский язык в школе. – № 5. – 1990. – С. 5-14.

2. Грушников П.А. Принципы и содержание словарной работы в начальных классах // Работа над словом на уроках русского языка в начальных классах: сборник статей. – М.: Просвещение, 1973. – С. 15-19.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – М.: Русский язык, 1998.

4. Дейкина А.Д., Пахнова Т.М. В.И. Даль и его словарь. – М.: Вербум, 2001. – 64 с.

*Научное издание*

## **ДАЛИ ДАЛЯ**

Сборник статей  
по материалам Всероссийской (с международным  
участием) научно-практической конференции  
**«Далевские чтения»**,  
посвященной 220-летию со дня рождения В.И. Даля  
и Дням славянской письменности и культуры

Подписано в печать 07.07.2021. Гарнитура Times New Roman.  
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 10,46. Тираж 100 экз. Заказ 130.  
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр»  
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, 135, офис 40

ISBN 978-5-6046607-8-2



9 785604 660782

